

Замкнут, размерен и скучен быт престижного английского учебного заведения — школы Карн. Учеба, спортивные соревнования, ужин у преподавателей по субботам.

Редакция газеты «Голос» получает из этого тихого местечка тревожное письмо — «Мой муж хочет меня убить». Главный редактор просит своего друга, находящегося в отпуске, работника секретного агентства Джорджа Смайли, выяснить насколько подозрения в письме соответствуют действительности.

Но Смайли все равно опоздает — автор письма уже мертв. В тихом английском омуте пробуждаются черти.

- [Джон Ле Карре](#)

- [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
-

Джон Ле Карре

Убийство по-джентльменски

Найдется, вероятно, с десяток великих школ, о которых с уверенностью станут утверждать, что Карн писан с них. Но тот, кто вошел бы в их преподавательские в поисках Хектов, Филдингов и Д'Арси, искал бы там напрасно.

Джон Ле Карре

Глава 1

ПРИ ЧЕРНЫХ СВЕЧАХ

Своим величием Карнская школа, по общему мнению, обязана королю Эдуарду VI; по мнению историков, просветительским пылом король был обязан лорду-протектору герцогу Сомерсетскому. Но Карн предпочитает питать благодарность к уважаемому монарху, а не к сомнительному политикану герцогу, опираясь на то убеждение, что Великие Школы, подобно королям из династии Тюдоров, венчались на царство и величие самим небом.

Возвеличение Карна и впрямь произошло почти чудесным образом. Основанный неизвестными монахами, имущественно обеспеченный чахлым мальчиком-королем и за шиворот вытащенный из забвения нагло-напористым викторианским деятелем, Карн разгладил свой отложной воротник, доблеска отмыл деревенски заскорузлые лицо и руки и явился на поклон ко двору двадцатого столетия. И в мгновение ока дорсетский провинциал сделался любимцем Лондона. Новый Дик Витингтон явился! У Карна имелись латинские грамоты на пергаменте, при восковых печатях, и древние угоды за Аббатством, имелись монастырские корпуса и червь-древоточец, имелась средневековая скамья для публичной порки и строчка в Книге страшного суда — и чего еще недоставало Карну для обучения отпрысков имущих?

И ученики стали стекаться. Они прибывали к началу каждого семестра (ибо полугодие — слово недостаточно изысканное), и до самого вечера в тот день поезда выгружали на вокзальный перрон грустные кучки одетых в черное мальчиков. Они прибывали в сверкающих траурной чистотой больших автомобилях. Они съезжались заново хоронить бедного короля Эдуарда. Шли, толкая ручные тележки по булыжным мостовым или неся коробки-гробики с домашними сластями. Иные были в мантиях и смахивали на ворон или на черных ангелов, слетевшихся на погребенье. Иные следовали молча и обособленно, как плакальщики на похоронах, и только слышался стук их подошв. Обитатели Карна во все дни выглядят траурно: воспитанники младших классов — поскольку им здесь оставаться, старшеклассники — поскольку им отсюда уезжать, а преподаватели — поскольку уважаемость оплачивается скудно. И теперь, когда близился уже к концу пасхальный семестр (то есть второе полугодие), над серыми башнями Карна висело то же всегдашнее тусклое облако уныния.

Унылая тусклость и холод, резкий, острый, как осколок кремня. Холод жег лица воспитанников, разбредавшихся с опустелых игровых полей после школьного матча. Пробирался под их черные пальто, превращая жесткие остроконечные форменные воротнички в ледяной обруч вокруг шеи. Озябшие, брели они со стадиона на длинную, пролегшую между оград дорогу, ведущую к центральной кондитерской и дальше, в город. Толпа редела постепенно, распадалась на кучки, а кучки — на пары. Двое мальчуганов, у которых вид был еще более продрогший, чем у прочих, миновали дорогу, тропинкой направились к дальней кондитерской, где меньше народу.

— Если снова придется торчать на этом скотском регби, я, наверно, тут же кончусь. Шум несусветный, — сказал один, высокий, белокурый, по фамилии Кейли.

— Ребята потому лишь орут, что с крытой трибуны следят наставники, — отозвался другой. — Для того мы и стоим все по корпусам. Чтоб старшие наставники могли хвастать, как рьяно их корпус болеет.

— А чего Роуд суется? — спросил Кейли. — Зачем Роуд стоит среди нас и подстегивает? Он же не корпусной, а замухрышка младший всего-навсего.

— А он все время к корпусным подлизывается. Во дворе на переменах так и вьется около начальства. Да и все учителя младшие так — ответил Перкинс, насмешливый рыжеволосый мальчик, староста корпуса.

— Я у Роудов чай пил, — сказал Кейли.

— Роуд — слабак. В коричневых штиблетах ходит. Ну, и как у них?

— Серость. Забавно, как они себя разоблачают этим чаем. Миссис Роуд, правда, вполне ничего, но в неказистом, плебейском духе: салфеточки, птички фарфоровые. А угощение сносное — пахнет «Книгой о вкусной и дешевой пище», но сносное.

— На будущий семестр Роуда переводят на военное обучение. Там его отдрессируют окончательно. Он так из кожи лезет — дым коромыслом прямо. Сразу видно, что не джентльмен. Знаешь, какую он школу кончал?

— Нет.

— Классическую, в Брэнксоме. Мама приезжала из Сингапура в том семестре, и Филдинг, корпусной наш, ей говорил.

— Жуть. А где этот Брэнксом?

— На побережье. Близ Борнмута. А я только у Филдинга чай пил, — прибавил Перкинс, помолчав немного. — Угощал пышками и жареными каштанами. Причем благодарить не смей. Изливаться в чувствах, говорит, предоставим простонародью. Слова в духе Филдинга. Он и не похож на учителя. Ему с нами скука, по-моему. За семестр ребята все перебивают у него на чае, весь корпус по очереди, по четверо, а в другое время он и слова не найдет ни для кого почти.

Некоторое время мальчики шли молча, затем Перкинс сказал:

— У Филдинга опять званый обед сегодня вечером.

— Отчаливать собрался, — неодобрительно заметил Кейли. — Кормежка у вас в корпусе, должно быть, теперь еще хуже обычного?

— Последний семестр перед отставкой. Принимает у себя поочередно. Каждого преподавателя с женой, чтобы до конца семестра всех отпотчевать. При черных свечах непременно. В знак траура. Знай наших.

— Да. Прощальный как бы жест.

— Мой родитель говорит, он немного того.

Они пересекли дорогу, скрылись в кондитерской, где и продолжали обсуждать насущные дела мистера Теренса Филдинга, пока Перкинс не простился с другом с явной неохотой. Будучи слаб в науках, он принужден был, увы, брать дополнительные уроки.

Упомянутый Перкинсом званый обед — точнее, званый ужин — близился к концу. Мистер Теренс Филдинг, старший корпусной наставник Карнской школы, подлил себе портвейна и усталым жестом отодвинул графин от себя влево. Лучший портвейн из имеющихся в его кладовой. Этого лучшего хватит до конца семестра, а там дьявол их всех бери. Он был слегка утомлен сегодняшним сидением на матче и слегка хмелен, и гости — Шейн Хект с мужем — слегка уже ему поднадоели. До чего эта Шейн безобразна. Расплывчато-грузна, как одряблевшая валькирия. Преизобилие черного волоса. Следовало пригласить других кого-нибудь. Сноу с женой, например, но Сноу чересчур умничает. Феликса Д'Арси — но у Д'Арси привычка перебивать. Но не беда, немного погодя можно будет разозлить Чарльза Хекта, Хект надуется, и они уйдут рано.

Хект поерывал, ему хотелось достать трубку, но шалишь, этого Филдинг не позволит. Курить — изволь курить сигару. Трубке же место (вернее, не место) в кармане смокинга, а спортивный профиль Хекта и без трубки хорош.

— Сигару, Хект?

— Нет, Филдинг, благодарю. Вот, если не возражаете, я...

— Рекомендую сигары. Прислал молодой Хэвлейк из Гава ны. Отец его послом там, если помните.

— Как же, как же, дорогой, — снисходительно сказала Шейн. — Вивиан Хэвлейк был под началом у Чарльза в те времена, когда Чарльз ведал военным обучением.

— Хороший мальчик этот Хэвлейк, — заметил Хект и поджал губы в знак того, что он судья строгий.

— Забавно, как все изменилось. — Шейн Хект произнесла эти слова быстро и с деревянной улыбкой, дающей понять, что забавного мало. — В каком бесцветном мире мы теперь живем!

Помню, как до войны Чарльз, бывало, принимал парад кадетов на белом коне. Теперь ведь этого уж нет, не так ли? Я ничего не имею против нынешнего командира, мистера Айрдэля, ровно ничего. Вы не знаете Теренс, какого он, собственно, полка? Он, разумеется, поставил обучение блестяще — не знаю только; чему там сейчас обучают. Он ведь на дружеской ноге с воспитанниками, не правда ли? Жена его — милейшая особа... Непонятно, отчего у них прислуга не уживается. Я слышала, на будущий семестр мистера Роуда переводят на военное обучение?

— Бедный маленький Роуд, — не спеша проговорил Филдинг. — Мечется, как песик, оправдывает, так сказать, свой хлеб. Уж так старается, заметили ли вы, как, не жалея горла, усердствует он на школьных матчах? А ведь до Карна он в глаза не видел регби. В классических школах регби не в ходу — у них единственно футбол. Чарльз, помните вы Роуда в начальную его пору у нас в Карне? Пленительное было зрелище. Он вел себя тишайше, усваивал, впитывал нас: игры, речь, манеры. Затем настал день, и он обрел как бы дар речи, заговорил на нашем языке. Это было поразительно, напоминало пластическую хирургию. А оперировал, конечно Феликс Д'Арси — мне еще не доводилось видеть ничего подобного.

— Милая миссис Роуд, — произнесла Шейн Хект отвлеченно-рассеянным голосом, приберегаемым для самых ядовитых шпилек. — Такая славная... и вкусы такие простые, вы не находите? Ну кому бы еще пришло в голову украсить стену фарфоровыми уточками? Очаровательно, вы не находите? Как в чайной лавке. Любопытно, где она их покупала? Надо будет у нее спросить. Мне говорили, отец ее живет близ Борнмута.

Должно быть, ему так одиноко там. Ведь такие вульгарные места, и поговорить не с кем.

Филдинг откинулся на спинку стула, обозрел свой обеденный стол. У него-то столовое серебро недурное. Лучшее в Карне, случалось ему слышать отзывы, и, пожалуй, так оно и есть. И весь этот семестр обеды — при черных свечах. Давно уж ты уехал, а все будут вспоминать: «Дорогой наш старый Теренс — никто так не умел принять гостей. В последний свой семестр давал, знаете ли, обед для каждого коллеги, и жены приглашались. При черных свечах, весьма трогательно. Расставание с Карном разбило ему сердце». Но позлить Чарльза Хекта необходимо. Жене его это придется по душе, она сама еще подбавит масла, ибо Шейн своего мужа не терпит, ибо в недрах ее туши кроется змеиное коварство.

Филдинг взглянул на Хекта, затем на Шейн, и та улыбнулась ему неспешной и дрянной улыбкой шлюхи. На момент Филдинг представил себе, как Хект утопает в этом тучном теле: сценка, достойная Лотрека — да-да, именно! Чарльз — напыщенный, в цилиндре, чопорно сидит на плюшевом кроватном, покрывале; она же — грузная, скучающая. Что-то есть приятно-извращенное в этой картинке, переносящей дурака Хекта из спартанской чистоты Карна в парижские бордели девятнадцатого века.

Филдинг заговорил — принялся вещать непререкаемым, дружески-беспристрастным тоном; он знал, что один уже этот тон подействует на Хекта раздражающе.

— Оглядываясь на свой тридцатилетний стаж в Карне, я сознаю, что достижения мои

значительно скромней, чем у любого подметальщика улиц. — Супруги Хект насторожились. — Прежде я, бывало, считал себя ценнее подметальщика. Теперь же весьма в этом сомневаюсь. Панель грязна — он удаляет сор и тем способствует прогрессу. А я — чего достиг я? Укрепил в его косной рутине правящий класс, не отличающийся ни талантом, ни культурой, ни умом, еще на одно поколение спас от забвения отлички, реликвии мертвой эпохи.

Чарльз Хект, так и не выучившийся искусству пропускать слова Филдинга мимо ушей, побагровел и натопорщился.

— А даваемые нами знания? — возразил он с противоположного края стола. — А успехи наши, Филдинг, а стипендии, которых добиваются наши выпускники?

— За всю свою жизнь я не дал знаний ни одному ученику, Чарльз. Обычно ученики оказывались неспособны, иногда оказывался неспособен я. У большинства мальчиков восприятие, видите ли, угасает с приходом половой зрелости. У меньшинства способности этой дано уцелеть, хотя мы и принимаем все меры, дабы убить ее. Только если наши усилия тщетны, выпускник выдерживает конкурс, добивается стипендии... Не велите казнить меня, Шейн, это ведь мой прощальный семестр.

— Прощальный-то прощальный, Филдинг, а говорите вы сущий вздор, — сердито сказал Хект.

— Действую в традициях Карна. Успехи наши, как вы их именуете, — на деле это наши неудачи; это те редкие ученики, что не усвоили уроков Карна. Им не привился наш культ посредственности. Их о б к а р н а т ь мы оказались бессильны. Но для остальных — для всех этих растерянных попиков и обкарнанных офицериков, — для них завет Карна начертан письменами на стене, и они нас ненавидят.

Хект деланно засмеялся.

— Почему же они и потом наезжают сюда, если уж так нас ненавидят? Почему не забывают нас и возвращаются?

— Да потому, дражайший Чарльз, что мы как раз и являем собою те начертанные на стене письма! Ту единственную науку Карна, усвоенную ими на всю жизнь. Они возвращаются, чтобы вновь перечитать нас, понимаете? На нас усвоили они наглядно тайну жизни: что все мы стареем, не мудрея. Они осознали, что вот и становишься взрослым, а ничего не приходит — ни слепящих озарений на пути в Дамаск, ни внезапного чувства духовной возмужалости. — Филдинг запрокинул голову, уставил взор на неуклюжие викторианские лепные украшения, на ореол грязи вокруг потолочной розетки. — Мы просто-напросто старели понемногу. Те же остроты острили, не менялись ни в мыслях своих, ни в желаниях. Из года в год оставались мы теми же, Хект, не становились ни умней, ни лучше; за пятьдесят последних лет ни единая свежая мысль не посетила ни единого из нас. И питомцы наши видели, что за истину являем Карн и мы — наши ученые мантии, наши шуточки на лекциях, наши мудренюкие назиданьица. И потому — то они и возвращаются к нам вновь и вновь в продолжение всей их сбитой с толку и бесплодной жизни и глядят завороченно на вас и на меня, Хект, как дети глядят на могилу, постигая тайну жизни и смерти. О да, этому-то мы их научили.

С минуту Хект молча смотрел на Филдинга.

— Портвейну, Хект? — предложил Филдинг слегка примирительно уже, но взгляд Хекта был упорен.

— Если это шутка... — начал Хект, и жена его удовлетворенно отметила, что он рассержен по-настоящему.

— Хотелось бы мне самому знать, в шутку ли я это или же всерьез, — ответил Филдинг с напускной искренностью. — Бывало, я считал занятным смешивать комическое с трагическим. Теперь же я дорого бы дал за умение различать их. — Филдинг мысленно одобрил свою фразу.

Затем пили кофе в гостиной, и Филдинг принялся было перемывать косточки знакомым, но Хект отмалчивался. Филдинг даже пожалел в душе, что не дал Хекту поднять трубку. Но вообразил снова «Хектов в Париже» и воспрянул духом. Сегодня он, право же, в ударе. Находил временами слова, убедительные даже для него самого.

Шейн пошла надеть пальто, мужчины остались вдвоем в холле — стояли молча. Вернулась Шейн, на ее необъятных белых плечах красовалось горностаевое, пожелтевшее от старости боа. Она склонила голову направо, улыбнулась, протянула Филдингу руку — пальцами книзу.

— Теренс, дорогой, — сказала она Филдингу, целующему эти пухлые пальцы. — Вы такой милый. Последний ваш семестр. Но до отъезда вы непременно должны отобедать у нас. Какая печаль. Так мало нас осталось. — Она снова улыбнулась, полузакрыв глаза в знак сильного душевного волнения, и вышла вслед за мужем на улицу. Холод стоял по-прежнему пронизывающий, и чувствовалась близость снегопада.

Филдинг затворил и плотно запер за гостями дверь — быть может, чуточку быстрее, чем требовало бы приличие, — и вернулся в столовую. С полбокала у Хекта осталось недопито. Филдинг аккуратно перелил вино обратно в графин. Будем надеяться, что не слишком испортил Хекту настроение: Филдинг очень не любил возбуждать к себе в людях антипатию. Он задул свечи, большим и указательным пальцами привел в порядок фитили. Включив электричество, достал из буфета дешевый блокнотик, раскрыл. Там у него был перечень приглашенных до конца семестра. Взял авторучку, четкой птичкой пометил фамилию Хект. От Хектов отделался. На среду приглашены Роуды. Муж вполне приемлем, но жена — кошмар, кошмар... А не всегда так. Как правило, жены куда симпатичнее мужей.

Он открыл буфет, добыл оттуда бутылку коньяку, стакан. Неся все это в одной руке, направился обратно в гостиную, устало шаркая подошвами, свободной рукой опираясь о стену. О господи! Он вдруг почувствовал себя стариком: эта боль, полоской прошившая грудь, эта тяжесть в ногах. Так нелегко быть на людях — все время словно на сцене. Одному — мерзко, с людьми — скучно. Когда один, такое чувство, точно ты устал, а уснуть не можешь. Какой, бишь, это немецкий поэт сказал: «Вам можно спать, а я плясать обязан?» Примерно так он щегольнул как-то этой цитатой.

А я плясать обязан, думал Филдинг. И Карн тоже — старый сатир, пляшущий под музыку. Ритм убыстряется, тела наши стареют, но пляску надо продолжать, ведь за кулисами наготове стоят молодые танцоры. А забавно было это вначале — отплясывать старые пляски среди нового мира. Он налил себе еще коньяку. Уйти приятно будет в некотором смысле, хотя придется где-нибудь в другом месте устроиться преподавать.

Но у Карна своя красота... Подворье аббатства весной... голенастые, как фламинго, фигуры мальчиков, ждущих начала службы... приливы и отливы детворы, как смена времен года, и старики, застигаемые смертью в гуще детей. Жаль, что нет таланта писать красками, он изобразил бы этот карнский карнавал в изжелта-каштановой осенней гамме... Как огорчительно, подумал Филдинг, что душе, столь чуткой на красоту, отказано в творческом даре.

Он глянул на свои часы. Без четверти двенадцать. Почти пора уже идти — не ко сну, а плясать.

Глава 2

ЧЕТВЕРГОВЫЕ ВОЛНЕНИЯ

Четверг, вечер; только что ушел в печать очередной еженедельный выпуск «Христианского голоса». Событие это на Флит-стрит вряд ли назовешь историческим. Прыщавый подросток-рассылный, унесший растрепанную кипу гранок, проявляет к «Голосу» уважительности ровно на сумму ожидаемых рождественских наградных, и никак не более. Даже в смысле наградных он уже научен и знает, что мирские издания концерна «Юнипресс» более щедры на благостыню материальную, чем «Христианский голос», поскольку щедрость строго зависит от тиража.

Мисс Бримли, редактор еженедельника, поправила под собой надувную подушечку и закурила сигарету. Помощница редактора и секретарша — должность двуединая — зевнула, сунула аспирин в сумочку, взбила гребнем светло-рыжую прическу и простилась с мисс Бримли, оставив после себя, как обычно, аромат весьма пахучей пудры и пустую обертку от бумажных салфеток. Мисс Бримли успокоенно слушала дробный отзвук ее шагов, замирающий в коридоре. Приятно было остаться наконец одной и наслаждаться наступившей разрядкой. Как ни странно это было ей самой, но каждый четверг, входя утром в огромное здание «Юнипресса» и становясь на один междуэтажный эскалатор за другим (слегка комичная на этих эскалаторах, как тусклый и тощий тючок на блистающем лайнере), — каждый четверг ощущала она то же беспокойство. А ведь как-никак уже четырнадцать лет ведет она «Голос», и кое-кто считает его добротнейшим товаром «Юнипресса». И все же по четвергам ее не покидало волнение, вечная тревога, что однажды — быть может, именно сегодня — они не кончат номер к приходу рассылного. Она частенько представляла себе последствия. Ей приходилось слышать об авариях в других узлах этой издательской махины, о статьях не по вкусу и о головомойках. Для нее было загадкой, почему вообще не прикроют «Голос» — комната, которая отведена его редакции на седьмом этаже, стоит денег, а тираж так мал, что (если мисс Бримли хоть сколько-нибудь разбирается) не возмещает и затрат на газетные вырезки.

«Голос» основан был на рубеже столетия старым лордом Лэндсбери одновременно с ежедневной нонконформистской газетой и «Трезвенником». Но оба те издания давно уже приказали долго жить. А проснувшись как-то поутру, сын лорда Лэндсбери обнаружил, что все его дело, включая штат и персонал, мебель, чернила, вырезки и скрепки, — все на корню куплено невидимым миру золотом «Юнипресса». Случилось это три года назад, и поначалу каждый день мисс Бримли ждала увольнения. Но не приходило ни уведомления, ни директивы, ни запроса — ничего. И, будучи женщиной рассудительной, она продолжала действовать в прежнем духе и перестала удивляться,

И она была рада. Насмешки над «Голосом» строить легко. Каждую неделю он смиренно, без шума и грома свидетельствует пред читателями о случаях господнего вмешательства в дела земные, пересказывает — не мудрствуя лукаво и не слишком заботясь о научности — древнюю историю евреев и дает (от имени вымышленного персонажа) материнские советы всем написавшим и пожелавшим. «Голос» мало заботят те пятьдесят с лишним миллионов британцев, что и не слыхали о его существовании. Он представляет собой орган как бы внутрисемейный и, чем поносить нежелающих вступить в эту семью, предпочитает печься об ее членах. Для них он источает доброту, оптимизм и полезные сведения. Если в Индии повальный мор скопил до миллиона детей, то можете быть уверены, что в это время «Голос» в редакционной статье описывал чудесное спасение методистской семьи в Кенте из пламени пожара. «Голос» не угощает вас советами, как скрыть незваные морщинки у глаз или как

обуздать вашу раздающуюся вширь фигуру; не приводит вас, постаревшего, в уныние своей вечной молодостью. «Голос» сам среднего возраста и среднебуржуазного сословия, девушек он призывает к осторожности, читателей же вообще — к благотворительности. Нонконформизм в религии — самая стойкая из всех привычек, и те семьи, что подписались на «Голос» в 1903 году, продолжали его выписывать и в 1960-м.

Сама мисс Бримли — отнюдь не точный образ и подобие ее журнала. Военный случай и каприз разведработы забросил ее вместе с молодым лордом Лэндсбери в Ливию, в некий домик близ Тобрука, и там проработали они все шесть военных лет, умело и не привлекая постороннего внимания. Кончилась война — кончилась и служба для обоих, но у Лэндсбери хватило здравого смысла и великодушия, чтобы предложить мисс Бримли редакторство. В войну «Голос» перестал выходить, и никто не горел нетерпением возобновить его выпуск. Мисс Бримли вначале было слегка неловко воскрешать и вести еженедельник, который нимало не отражал ее собственного смутного деизма; но очень скоро, начав получать трогательные письма и подняв тираж до прежнего уровня, она привязалась к работе и к читателям, и прежние сомнения покинули ее. «Голос» стал ее жизнью, а читатели — главной в этой жизни заботой. Она старалась, как могла, отвечать на их странные и беспокойные вопросы, а когда не могла сама, то обращалась к другим за помощью, и со временем, печатаясь под несколькими псевдонимами, стала для своих читателей если не мудрецом-философом, то другом, советчиком и всеобщей тетушкой.

Мисс Бримли потушила сигарету, рассеянно убрала булавки, вырезки, ножницы, клей в правый верхний ящик стола и взяла с лотка «для входящих» всю послеобеденную почту — еще не разобранный, поскольку сегодня четверг. Тут были несколько писем на имя Барбары Феллоушип (— братство (а н г л .)). Под этим псевдонимом «Голос» со дня основания отвечал (и в частном порядке и на своих столбцах) на читательские письма с их множеством пестрых проблем. Письма эти подождут до завтра. «Проблемную» почту она читала не без удовольствия, но оставляла это удовольствие на пятницу, на утро. Мисс Бримли открыла шкафчик сбоку, сунула письма в ближайшую ячейку. Один конверт лег плашмя, и она удивленно заметила, что на заклеенном его отвороте выпукло выдавлен изящный голубой дельфин. Взяв и повертев в руке конверт, она оглядела его с любопытством. Бумага бледно-серая, едва заметно разлинована. Дорогой — наверное, ручной работы. Под дельфином вьется геральдическая ленточка, а на ней чуть различима надпись: «Regem defendere diem videre» (Храни короля, как зеницу ока) (л а т .)). На почтовом штемпеле мисс Бримли прочла: «Карн, Дорсет». Дельфин и надпись, должно быть, с герба Карнской школы. Но почему Карн звучит так знакомо? Она гордилась своей отличной памятью, но, к досаде, вспомнить не удалось.

Пришлось вскрыть конверт пожелтевшим костяным ножом и прочесть письмо.

Дорогая мисс Феллоушип,

Не знаю, существуете ли вы на самом деле, но все равно, ответы ваши всегда такие добрые, сердечные. Это я написала вам прошлым летом, в июне, про смесь для тортов. Я не больна психически, и я знаю, что мой муж хочет меня убить. Можно мне приехать и повидаться поскорее с вами в удобное для вас время? Я убеждена, вы мне поверите. Поймите, что я не сумасшедшая. Прошу вас, мне нужно повидать вас как можно, как можно скорее, я так боюсь этих долгих ночей. Я больше не знаю, к кому обратиться. К пастору Кардью — но ему я не скажу, он не поверит, а отец у меня слишком здравомыслящий. Я чувствую, что я пропала. Что-то в нем теперь такое. Ночью, когда он думает, что я сплю, он иногда лежит и смотрит так, в темноту. Я знаю, нам не должно держать страх в сердце и дурные мысли, но ничего не могу с собой поделать.

Дай вам бог, чтобы вы нечасто получали такие письма.

У в а ж а ю щ а я в а с С т е л л а Р о у д , у р о ж д е н н а я Г л а с т о н .

С минуту мисс Бримли сидела за столом не шевелясь, глядя на адрес, гравюрно и красиво впечатанный вверху листа: «Северные поля, Карнская школа, Дорсет». Оторопелой, изумленной, ей лишь одно пришло на ум в эту минуту: «Ценность информации определяется ее породой». Любимый афоризм Джона Лэндсбери. Пока не знаешь, откуда сведения, какова их родословная, нельзя определить их ценность. Джон говаривал: «Мы люди разборчивые. Перед информацией без роду и племени мы захлопываем дверь». На что она, бывало, отвечала: «Да, Джон. Но даже лучшим семьям приходилось начинать в неизвестности».

Но Стелла Роуд вовсе не безродна. Теперь-то мисс Бримли вспомнила. Стелла из Гластонов, тех самых. О ее свадьбе «Голос» уведомил в редакционной хронике, она и в летнем конкурсе первое место заняла; она дочь Сэмюэля Гластона из Брэнксома. На нее и карточка заведена в картотеке мисс Бримли.

Мисс Бримли резким движением встала и с письмом в руке подошла к незашторенному окну. Прямо перед ней красовался новомодный, плетеный из белого металла оконный ящик для цветов. Странно, подумалось ей, что ни посади в этот ящик — все вянет. Наклонясь слегка вперед, она глянула в провал улицы — щупленькая, трезвая фигурка на фоне желтеющего за окном тумана, уворовавшего у лондонских улиц свой раскаленно-желтый цвет. Далеко внизу неясно различимы уличные фонари, бледные, неласковые. Ей захотелось вдруг свежего воздуха, и она порывисто — что шло совершенно вразрез с ее обычным спокойствием — распахнула окно настежь. Ее обдало холодом, уличный шум сердито хлынул в комнату, а вслед за ним и вкрадчивый туман. Гул движения был непрерывен, и ей на миг показалось — это вращается какая-то огромная машина. Затем сквозь ровный, ворчащий гул к ней донеслись выкрики мальчишек-газетчиков, словно крики чаек перед густеющей, назревающей бурей. Она их различала теперь — неподвижных, как часовые на посту, среди торопливых теней.

А возможно, в письме этом правда. В том-то и всегдашняя трудность. Вот так всю войну шел непрерывный поиск. Возможно, вовсе и не бред. Ведь бесполезно рассуждать о вероятности и неправдоподобии когда у тебя нет ни крупицы достоверного из чего бы можно исходить. Ей вспомнились первые донесения из Франции о самолетах-снарядах — бредовые слухи о бетонных взлетных дорожках в чаще леса. Не доверяй всему сенсационному, не поддавайся. Но ведь возможно, что и правда. Быть может, завтра или послезавтра газетчики внизу там будут кричать об убийстве, и Стеллы Роуд, урожденной Гластон, уже не будет в живых. А раз так, раз существует хоть малейшее подозрение, что убийство замышляется действительно, тогда она, Эльса Бримли, должна сделать все, что может, чтобы предотвратить его. Помимо прочего, у Стеллы Гластон все права на помощь: и отец ее, и дед постоянно выписывали «Голос», и когда пять лет назад Стелла вышла замуж, мисс Бримли отметила это парой строк от редакции. Каждый год на рождество от Гластонов приходит ей поздравительная открытка. Гластоны — из коренных, из первых подписчиков...

У окна было холодно, но она продолжала стоять там, ее притягивали зыбкие тени внизу. Они сливались, расходились врозь, и среди них бесполезно и уныло горели фонари. Убийца вдруг вообразился ей одной из этих снующих, теснящих друг друга теней, глянул на нее темными впадинами глазниц. И внезапно ее охватил страх и захотелось позвать на помощь.

Но не полицию, не сразу. Если бы Стелла Роуд желала обратиться в полицию, то обратилась бы сама. Что же и помешало? Любовь к мужу? Боязнь, что ее высмеют? Скажут, что предчувствие еще не доказательство. Им нужны факты. Но убийства факт один — смерть. Неужели им требуется дожидаться смерти?

Кто же захочет помочь? Она тут же подумала о Лэндсбери, но он теперь фермер в Родезии. Кто еще в войну работал с ними? Филдинга и Джибди нет в живых. Сид-Эспри пропал без вести. Смайли — а где он теперь? Джордж Смайли — самый умный и, пожалуй, самый странный из всех них. Ну конечно, теперь она вспомнила. После этой своей невероятной женитьбы он вернулся в Оксфорд, к научной работе. Но ненадолго... Брак кончился разрывом... А вот после Оксфорда — где он и что он?

Она подошла к столу, раскрыла адресную книгу, последний том. Десятью минутами позднее она сидела уже в такси и направлялась на Слоун-сквер. В руке, затянутой в перчатку, она держала картонную папку, а в папке была карточка, заведенная на Стеллу Роуд, и письма от нее и к ней, относящиеся к июньскому конкурсу. Доехав почти до Пикадилли, мисс Бримли хватилась, что окно в редакции осталось незакрыто. Но бог с ним, с окном.

— У других — сибирские коты или гольф. А у меня — «Голос» и мои читатели. Я смешная старая дева, знаю, но что ж делать. Прежде чем идти в полицию, должна же я хоть что-то еще испробовать, Джордж.

— И решили испробовать меня?

— Да.

Разговор происходил в доме Джорджа Смайли на Байуотер-стрит, она сидела в кабинете у него. Здесь горела только черная настольная лампа сложных, паучьих очертаний и бросала яркий свет на рукописные листки и заметки, которыми сплошь был усыпан письменный стол.

— Вы, значит, ушли из Интеллидженс сервис? — спросила она.

— Да, да, ушел. — Он энергично закивал круглой головой, как бы лишний раз подтверждая самому себе, что это малопривлекательное время уже осталось позади, и налил гостю виски с содовой. — Я вернулся было туда после... Оксфорда. Но в мирное время там ведь совсем не то.

Мисс Бримли кивнула.

— Представляю. Больше свободного времени — больше грызни и подсидок.

Смайли промолчал. Закурив, сел напротив.

— И люди не те. Филдинг, Сид, Джибди — никого их уже нет. — И, говоря эти слова трезво, без эмоций, она достала из своей большой, трезвой, без вычур сумочки письмо Стеллы Роуд. — Вот это письмо, Джордж.

Прочтя его, он на момент поднес листок поближе к свету, и на его освещенном лампой круглом лице выразилась почти комическая серьезность.

А любопытно, какое впечатление он производит на людей, не знающих его по-настоящему, подумала мисс Бримли, глядя на Джорджа. У нее самой сохранилось былое впечатление о нем как о самом незапоминающемся человеке из всех, встреченных ею когда-либо. Низкорослый, толстый, в выпуклых очках, лысеющий — типичный холостячок-неудачник средних лет и сидячей профессии. Присущая ему стеснительность в делах житейских проявлялась и в его костюме, дорогом и скверно пошитом: в руках у своего портного Смайли был покорной глиной, и тот мял и грабил его, как хотел.

Смайли положил уже письмо на инкрустированный разноцветным деревом столик и теперь глядел на нее по-совиному.

— А то, другое, присланное ею письмо, Брим? Где оно? Мисс Бримли протянула ему папку. Достав письмо, он прочел его вслух.

Дорогая мисс Феллоушип,

Посылаю на конкурс «Кулинарные советы» следующее предложение. Смесь для тортов готовится раз в месяц. Взять поровну жира и сахара и растереть, добавив одно яйцо на каждые шесть унций смеси. Для тортов и пудингов из заготовленной смеси берется нужное

количество и добавляется мука.

Смесь может храниться в течение месяца.

Прилагаю конверт с адресом и маркой.

С т е л л а Р о у д , у р о ж д е н н а я Г л а с т о н .

Кстати, уберечь от ржавчины проволочную губку можно, поместив ее в банку с мыльной водой. Разрешается ли участникам конкурса вносить по два предложения? Если да, то считайте, пожалуйста, это моим вторым.

— Она заняла первое место, — заметила мисс Бримли. — Но не в том дело. А вот в чем, Джордж. Она из Гластонов, а Гластоны — подписчики «Голоса» с самого дня основания. Дед Стеллы был старый Руфус Гластон, один из ланкаширских королей фаянса, он и отец Джона Лэндсбери выстроили церкви и молельни почти в каждой деревне в Ланкашире и других центральных графствах. Когда Руфус умер, «Голос» выпустил посвященный ему номер, и сам старик Лэндсбери написал некролог. Сэмюель Гластон перенял дело отца, но ему пришлось позднее переехать на юг в связи с ухудшившимся здоровьем. Впоследствии он поселился близ Борнмута. Он вдовец, Стелла его единственная дочь, последняя из Гластонов. Все они насквозь земные и практичные, и Стелла вряд ли исключение. Не думаю, чтобы кто-либо из них был подвержен мании преследования.

— Дорогая моя Брим, но это непостижимо, — сказал Смайли, глядя на нее удивленно. — Откуда у вас все эти сведения?

Мисс Бримли улыбнулась, как бы извиняясь.

— Это нетрудно — ведь Гластоны плоть от плоти «Голоса». Они поздравляют нас на рождество, а в годовщину основания шлют нам коробки шоколада. У нас имеется примерно пятьсот семейств, составляющих то, что я называю нашим кланом. Они неизменная наша поддержка с самого начала и по сей день. Они пишут нам, Джордж, делятся с нами своими печальями, сообщают о женитьбах, переездах, об уходе на покой, пишут нам, когда они в болезни, в гневе, в унынии. Не часто, разумеется, но пишут.

— Но как вы все это удерживаете в памяти?

— Да нет. У меня картотека. Я ведь всегда отвечаю на письма... но только...

— Да?

Взгляд мисс Бримли стал особенно серьезен.

— Но только впервые они мне пишут — в страхе.

— Так. И в чем моя задача?

— У меня одна лишь мысль мелькнула. Помнится, у Адриана Филдинга был брат — преподаватель в Карне...

— Он там старшим преподавателем, если не вышел еще в отставку.

— Нет, он уходит нынешней весной — я в «Таймсе» прочла несколько недель тому назад на полосе придворной хроники, в том месте, где всегда оповещает о себе Карн. Там говорилось: «Сегодня в Карнской школе начинается пасхальный семестр. В конце семестра выйдет в отставку м-р Т. Р. Филдинг, про бывший в должности старшего корпусного наставника определенные уставом пятнадцать лет».

— Ну, Брим, — сказал Смайли со смехом, — память у вас фантастическая.

— Запомнилось из-за фамилии Филдинг... Ну и, в общем, я подумала — вы, может быть, позвоните ему. Вы, наверно, с ним знакомы.

— Да-да, знаком. Во всяком случае, встречались как-то на годовщине в Оксфордском колледже Магдалины. Но... — Смайли слегка покраснел.

— Ну что, Джордж?

— Да видите ли, он немного не тот человек, что Адриан.

— Ну, разумеется, — возразила резковато мисс Бримли. — Но он сможет вам дать кое-какие сведения о Стелле Роуд. И о ее муже.

— Вряд ли это удобно будет по телефону. Думаю, лучше мне съездить к нему. А почему бы вам не позвонить Стелле Роуд?

— Но ведь сегодня вечером нельзя. Муж ее сейчас дома. Я решила нынче же послать ей письмо с приглашением приехать ко мне в любое время. Но, — продолжала она, нетерпеливо притопнув ногой, — надо сейчас же, немедленно что-то предпринять, Джордж.

Смайли кивнул и, подойдя к телефону, набрал справочное и попросил дать телефон мистера Теренса Филдинга. После продолжительной заминки ему дали номер коммутатора Карнской школы — там уж, мол, соединят, с кем ему надо.

Хотелось бы чуть больше знать о Смайли, думала мисс Бримли, наблюдая за его неуверенной повадкой. Интересно, сколько в этой повадке наигранного, а сколько подлинной ранимости. «Он лучше всех, — отзывался о нем Адриан. — Наикрепчайший, наилучший». Но ведь сколько людей научились на войне быть крепкими, научились ужасным вещам, а кончилась война — и они с содроганием отбросили от себя прочь э т у страшную науку.

Звонит туда теперь. Вот слышно, как соединяют, и ей на миг стало не по себе. Впервые охватила боязнь очутиться в глупом положении, когда придется давать неловкие объяснения незнакомым, колюче-подозрительным людям,

— Пожалуйста, мистера Теренса Филдинга... (пауза). Добрый вечер, Филдинг. Говорит Джордж Смайли, я был близко знаком с вашим братом во время войны. Мы с вами, собственно, встречались... Да-да, совершенно верно — в колледже Магдалины, позапрошлым летом как будто? Так вот, нельзя ли мне подъехать, повидать вас по личному делу.. — по телефону это не совсем удобно. Тут знакомая моя получила письмо весьма тревожного свойства от жены одного карнского педагога... Я бы... Роуд, Стелла Роуд. Муж ее...

Он вдруг застыл, и мисс Бримли, не сводившая с него глаз, в смятении увидела, как его пухлощекое лицо дернулось гримасой боли и омерзения. Он что-то еще говорил в трубку — она уже не слышала. Видела только, как искажается, бледнеет его лицо и как белеют костяшки пальцев, сжавших трубку. Смотрит теперь на нее, говорит что-то... они опоздали. Стелла Роуд мертва. Убита в среду, поздно ночью. По возвращении из гостей — как раз в среду Роуды ужинали у Филдинга.

Глава 3

НОЧЬ УБИЙСТВА

В поезде, отходящем от лондонского вокзала Ватерлоо на Йовил в семь часов пять минут утра, пассажиров бывает негусто, хотя завтраки в поездном ресторане отличные. Смайли без труда нашел пустое купе первого класса. Утро было промозглое, хмурое, небо нависало снеговыми тучами. Смайли сидел, кутаясь в просторное дорожное пальто континентального пошива и не снимая перчаток; в руках у него был целый ворох утренних газет. Как человек аккуратный и враг спешки, он явился на вокзал за тридцать минут до отправления. После тревожных ночей, когда он просидел, проговорил с мисс Бримли до бог знает которого часа, он чувствовал усталость, и разворачивать газеты не хотелось. Глядя из окна на почти пустой перрон, он, к большому своему удивлению, увидел вдруг мисс Бримли — она шла вдоль вагонов, заглядывая в окна, и в руке несла кошелку. Он опустил окно, окликнул ее.

— Брим, дорогая, что вы делаете здесь в такую мерзкую рань? Вам бы спать и спать еще.

Она села на диван напротив и принялась вынимать и вручать ему содержимое кошелки; термос, бутерброды, шоколад.

— Я не знала, есть ли в поезде вагон-ресторан, — пояснила она. — И кроме того, мне хотелось проводить вас. Вы такой хороший, Джордж. Жаль, я бы тоже хотела поехать, но «Юнипресс» будет рвать и метать. Сотрудников у нас не замечают, но отлучись только — заметят сразу.

— Читали вы сегодняшние газеты? — спросил он.

— Просмотрела наспех по дороге сюда. Из сообщений полу чается, что у нее не муж, а какой-то маньяк вроде бы...

— Да, Брим. И то же самое вчера Филдинг говорил. Минутное неловкое молчание.

— Джордж, я, наверно, по-ослиному упряма и глупа, что посылаю вас туда? Вчера я была уверена, что поступаю правильно, а теперь не знаю...

— Вы ушли — я позвонил Бену Спэрроу из спецслужбы. Помните Бена? Он был с нами в войну. Я рассказал ему всю эту историю.

— Ах, Джордж! В три часа ночи!

— Да. Он сказал, чтосутра позвонит начальнику карнского розыска, сообщит ему о том письме и что я еду в Карн. Бен думает, что следствие поведет инспектор по фамилии Ригби. Бен с ним вместе кончал полицейское училище. — Смайли добродушно поглядел на нее. — К тому же я ведь человек досужий, Брим. Перемена обстановки меня развлечет.

— Какой вы молодчина, Джордж! — обрадовалась мисс Бримли (женщины рады верить подобным заверениям). Она встала, и Смайли сказал на прощание:

— Брим, на случай, если еще потребуется помощь, а со мной связаться не сумеете, то позвоните Менделю — он отставной инспектор полиции, проживает в пригороде, в Митчеме. В адресной книге он есть. Скажете, вы от меня, и он сделает все, что сможет. А мне звоните в «Герб Солеев», я заказал там комнату.

Оставшись снова один, Смайли смущенно оглядел набор провизии, заготовленный мисс Бримли. А он решил уже побаловать себя завтраком в вагоне-ресторане. Лучше всего будет так: бутербродами и кофе закусить потом, днем. А позавтракать все же как следует.

Сидя за столиком, Смайли начал с менее крикливых реляций о смерти Стеллы Роуд. Сообщалось, что в среду вечером мистер и мисс Роуд был и в гостях у мистера Теренса Филдинга, старшего корпусного наставника в Карне; он брат покойного Адриана Филдинга,

прославленного ученого — специалиста по Франции, во время войны выполнявшего особые задания военного министерства и пропавшего без вести. От Филдинга Роуды вышли вместе, в одиннадцать без десяти минут примерно, и прошли пешком расстояние в полмили из центра Карна до своего дома, который стоит на отшибе, близ знаменитых карнских игровых полей. Подойдя уже к дому, мистер Роуд вспомнил, что забыл у м-ра Филдинга экзаменационные работы, которые надлежало срочно, до утра еще, проверить. (Дочитавши до этого места, Смайли вспомнил, что не захватил с собой смокинга, а Филдинг почти наверняка пригласит его к обеду.) Роуд решил вернуться к Филдингу и взять работы; примерно в пять минут двенадцатого он вышел из дому. А миссис Роуд, налив себе чаю, села в гостиной дожидаться его возвращения.

Сзади к дому примыкает теплица, куда ведет также дверь из гостиной. В теплице и нашел Роуд тело жены, возвратясь. Видны были следы борьбы, недоставало ряда недорогих украшений, надетых в тот вечер миссис Роуд. Беспорядок в теплице был страшный. К счастью, днем в среду шел снег, и с раннего утра в четверг детективы, прибывшие из Дорчестера, обследовали отпечатки ног и прочие следы. Мистер Роуд был отвезен в шоковом состоянии в Дорчестерскую центральную больницу, где ему оказана помощь. Полиция разыскивает для допроса некую женщину из близлежащей деревни Пилль, получившую в округе прозвище Юродивая Джейни по причине своего нелюдимого и странного образа жизни. Миссис Роуд, чья энергичная деятельность в связи с Международным годом беженцев была в Карне широко известна, проявляла, по рассказам, заботу и участие к Джейни. С ночи убийства Джейни бесследно исчезла. В данное время полиция держится версии, что убийцей замечено было в окно, как миссис Роуд сидит одна в гостиной (шторы не были опущены), и что миссис Роуд открыла убийце парадную дверь, думая, что это вернулся от Филдинга муж. Вскрытие тела производится патологоанатомом министерства внутренних дел.

Другие сообщения были поцветистей. «Освященные веками поля Карна осквернены гнуснейшим убийством», — так начиналась одна статья, а другая — «Учитель натывается на труп жены в залитой кровью теплице». Третья же вопила: «Убийство в Карне! Розыск юродивой!» Поморщась, Смайли свернул, скрутил все газеты, кроме «Гардиан» и «Тайме», и зашвырнул в багажную сетку.

В Иовиле он пересел в местный поезд, следующий в Карн через Стерминстер и Оукфорд. Было начало двенадцатого, когда он прибыл наконец в Карн.

С вокзала он позвонил в отель и отправил туда свои вещи в такси. Отель «Герб Солеев», расположенный на полпути от вокзала к Карнскому аббатству, бывает заполнен только в школьную годовщину и в день св. Андрея, Большую часть года отель пустует — праздно восседает среди своих запущенных газонов, словно чопорная викторианская дама, в лиловом полутрауре шиферной кровли.

Снег еще не стаял, но день был ясный, погожий, и Смайли решил прямо пойти в город и договориться о встрече с инспектором, ведущим следствие. Он вышел из вокзала, сразу же повеявшего на него викторианской суровостью Карна, и аллеей безлистных деревьев зашагал по направлению к большой башне Аббатства, плоской и черной на фоне бледного зимнего неба. Он пересек подворье Аббатства, тихое, красивое, сплошь заштрихованное былинками травы по белизне газонов и замкнутое в квадрат средневековых корпусов с заснеженными крышами. Снежок мягко похрустывал под ногами. Когда Смайли проходил мимо западного портала Аббатства, высоко над ним куранты пробили полчаса, два конных рыцаря выехали из маленького замка над порталом и медленно подняли копыта, салютуя друг другу. И тотчас, словно под действием того же часового механизма, двери кругом всего подворья распахнулись, и орава мальчуганов ринулась из всех этих дверей по снегу — к входу в Аббатство. Один на бегу задел Смайли черной полой. Смайли окликнул его:

— Что за переполох?

— Секста, — крикнул мальчик в ответ и унесся. Пожав плечами, Смайли миновал главный вход в школу, и тут же перед ним предстали здания городского муниципалитета — мрачное, сказочное царство фортеций, вознесенных в прошлом веке из местного камня и скрепленных путаными швами готических труб и окон-амбразур. А вот, рядом с ратушей, и осененная стягом св.Георгия на мачте твердыня карнской полиции, воздвигнутая девяносто лет назад для отражения полчищ, прущих на приступ с луками и стенобитными таранами.

Он назвал себя дежурному сержанту и сказал, что хочет увидаться с инспектором, ведущим следствие по делу о смерти миссис Роуд. Сержант — человек пожилой и непроницаемый — взялся за трубку не без торжественности, как если бы собирался показать сугубо сложный фокус. К удивлению Смайли, оказалось, что инспектор Ригби рад его безотлагательно принять. Вызванный для этой цели младший полицейский бодрым шагом провел его наверх по широкой лестнице в центре холла, и Смайли моргнуть не успел, как очутился у инспектора.

Инспектор был приземист и коренаст. Он походил на горняка-кельта из корнуэльских оловянных рудников или валлийских шахт. Его темные с проседью волосы были низко острижены и клинышком-мыском нацеливались в переносье. Руки — большие и сильные, массивность и постав корпуса — борцовские, но голос мягкий, неторопливый, с дорсетской картавинкой. Смайли не замедлил подметить в инспекторе редкое у малорослых людей свойство — прямоту. Несмотря на поблескивающие темно-коричневые глаза и на быстроту движений, он производил впечатление честности и нелукавства.

— Мне звонил утром Бен Спэрроу. Очень приятно, сэр, что вы приехали. Полагаю, вы привезли мне то письмо.

Раздумчиво обзрев гостя через стол, Ригби остался доволен увиденным. За время войны ему пришлось понюхать всякого, и краем уха он слышал о работе, которую вела разведслужба. И одного уже отзыва Бена — «Парень он стоящий» — для Ригби достаточно — или почти. Но Бен еще и добавил: «Наружность лягушечья, одежда букмекерская, но мозги — оба глаза бы отдал за такие мозги. Работа у него в войну была не дай бог. Тугая и пакостная».

Что верно, то верно — внешность лягушечья. Коротыш, очки круглые, с толстыми, пучеглазыми стеклами, и одежда соответствует. Причем видно, что дорогая. Но пиджак складками берется, где складок не положено. А что удивило инспектора — это стеснительность Смайли. Инспектор ожидал увидеть человека нагло-уверенного, столичную штучку, и серьезная, щепетильная манера Смайли пришлась ему по вкусу — инспектор был вкусов консервативных.

Смайли достал письмо из бумажника и положил на стол; Ригби извлек из мятого металлического футляра старые золотые очки и аккуратно заправил их дужки за уши.

— Не знаю, упомянул ли Бен, — сказал Смайли. — Это письмо миссис Роуд послала в отдел небольшого неконформистского еженедельника, подписчицей которого была.

— И его передала вам мисс Феллоушип?

— Нет. Фамилия ее — Бримли. Она редактор журнала. А Феллоушип — просто псевдоним для ответов на читательские письма.

Карие глаза инспектора на момент задержались на Смайли.

— Когда она получила это письмо?

— Вчера, семнадцатого. Четверг у них день занятой — сдают номер в печать. Обычно в этот день послеобеденную почту не трогают до вечера. Письмо это она прочла часу в седьмом, я думаю.

— И тут же повезла его вам?

— Да.

— А почему?

— В войну она работала для меня, в моем отделе. Ей не хотелось сразу же обращаться в полицию. А у меня тот плюс, что я не полицейский, — сморозил Смайли. — В смысле, что она больше никого не знает, кто мог бы помочь.

— А смею ли узнать, сэр, род ваших нынешних занятий?

— Ничего особенного. Провожу небольшие приватные изыскания по Германии семнадцатого века.

Ответ прозвучал глупейше. Но, по-видимому, Ригби удовлетворился им.

— Что это за письмо, написанное ею в июне?

Смайли протянул второй конверт, и опять большая, квадратно обтесанная рука приняла его.

— Она заняла в конкурсе первое место, — объяснил Смайли. — Вот этим своим предложением. Мне сказали, она из семьи, состоящей в подписчиках со дня основания. Поэтому мисс Бримли и не склонна была считать письмо вздором. Не вижу, правда, здесь логической связи.

— Где связи не видите?

— Я хочу сказать, тот факт, что ее семья вот уже пятьдесят лет состоит в подписчиках, не исключает возможности, что миссис Роуд была психически неуравновешенной.

Ригби понимающе кивнул, но у Смайли осталось неловкое чувство, что его не поняли.

— М-да, — усмехнулся медлительно Ригби. — Женщины, женщины...

Смайли, совершенно не зная, что ответить, издал смешок. Ригби задумчиво глядел на него.

— Из школьного персонала здесь вам кто-нибудь знаком, сэр?

— Только мистер Теренс Филдинг. Мы познакомились как — то в Оксфорде, на званом обеде. Я решил съездить, поговорить с ним. Брата его я знал довольно близко.

Ригби слегка свел брови при упоминании о Филдинге, но ничего не сказал, и Смайли продолжал:

— Филдингу я и позвонил, когда мисс Бримли принесла письмо. Он-то и сообщил мне эту новость. Вчера вечером.

— Понятно.

Они снова поглядели друг на друга молча, Смайли — смущенно и с видом слегка комичным, а Ригби — испытующе, оценивая, насколько глубоко стоит вводить приезжего в обстоятельства дела.

— Надолго вы сюда? — спросил он наконец.

— Не знаю, — ответил Смайли. — Мисс Бримли сама хотела приехать, но на ней журнал. Она, видите ли, считает крайне важным сделать для миссис Роуд все, что можно, хотя ее уже не воскресить. Долг, видите ли, перед подписчицей. Я обещал мисс Бримли проследить, чтобы письмо незамедлительно попало в надлежащие руки. Вряд ли я смогу что-либо еще существенное сделать. Вероятно, я пробуду здесь еще день-два, просто чтобы поговорить с Филдингом... На похоронах буду, пожалуй... Я остановился в «Гербе Солеев».

— Отель приличный.

Ригби аккуратно вложил очки в футляр, сунул футляр в ящик стола.

— В Карне у нас тут по-чудному. Между городом и школой — стена, так сказать. Полное незнание и неприязнь взаимная. И неприязнь именно от страха, от незнания. А это затрудняет следствие по такому делу. Конечно, прийти к мистеру Филдингу или к мистеру Д'Арси я могу, они скажут мне: «Как поживаете, сержант?», угостят на кухне чаем, но за стену, так сказать, мне доступа нет. У них свой круг, и посторонним никому туда нет хода. Ни тебе за кружкой пива в баре потолковать, никаких контактов, ничего... всякий раз только чашка чаю, ломтик тминного торта и обращение «сержант». — Ригби вдруг засмеялся, и Смайли облегченно

засмеялся вместе с ним. — А у меня к ним куча вопросов, тьма вопросов — кто тут к Роудам относился хорошо, а кто не очень, и хороший ли из Роуда учитель, и пришлась ли его жена здесь ко двору. У меня по делу фактов, что крючков на вешалке, а вот вешать на них нечего. — Он глядел на Смайли выжидательно. Наступило продолжительное молчание.

— Если вы хотите, чтобы я помог, то я с радостью, — сказал наконец Смайли. — Но сперва познакомьте с фактами.

— Стелла Роуд была убита в среду шестнадцатого числа в двенадцатом часу ночи — в промежутке от десяти минут до без четверти двенадцать примерно. Ей нанесли пятнадцать — двадцать ударов дубиной или, скажем, отрезком трубы. Измолотили страшно... страшно. По всему телу кровоподтеки. Можно предположить, что она вышла из гостиной на звонок или на стук, открыла парадное и тут же ее свалили ударом и поволокли в теплицу. Наружная дверь теплицы была, видите, незаперта.

— Отпечатки пальцев Роуда обнаружены везде. На полу, на стенах, на окнах, на самом трупе. Но имеются и другие отпечатки, не пальцев, а просто кровавые следы — от перчаток, вероятно.

— Следы убийцы?

— Отпечатки пальцев Роуда кое-где наложены поверх следов от перчаток. Так что эти пятна сделаны до Роуда.

Смайли помолчал с минуту.

— Теперь относительно экзаменационных работ, за которыми он возвращался. В самом деле имели они такую важность?

— Да, пожалуй, имели. Более или менее. К полудню в пятницу оценки требовалось уже вручить Д'Арси.

— Но зачем же в таком случае было отдавать эти работы Филдингу?

— Он не отдавал. Днем Роуд сидел на письменных экзаменах, в шесть часов собрал работы. Сложил их в портфель и велел старосте — ученику по фамилии Перкинс — отнести к Филдингу, куда Роуды были званы в гости. Роуд эту неделю еще по церкви дежурил, и у него не оставалось времени зайти к себе домой до Филдинга.

— А где же он переоделся?

— В гардеробной, рядом с преподавательской. Там оборудована раздевалка — главным образом для преподавателей спорта, проживающих не в самом Карне.

— А мальчик, который отнес портфель к Филдингу, что известно о нем?

— Тут я мало что могу добавить. Фамилия — Перкинс. Староста корпуса, что в ведении Филдинга. Филдинг сам опросил Перкинса, показания Роуда подтвердились. Корпусные, знаете, наставники дрожат над своими воспитанниками... не желают, чтобы их допрашивали грубые полисмены. — Ригби слегка помрачнел.

— Так, — после паузы произнес Смайли беспомощно, затем спросил: — А как вы объясняете письмо?

— Тут нам не только ее письмо объяснять. Смайли остро глянул на него.

— Что вы хотите сказать?

— То хочу сказать, — неторопясь проговорил Ригби, — что миссис Роуд и помимо письма порядком начудила в эти последние недели.

Глава 4

ГОРОД И ШКОЛА

— Миссис Роуд была, значит, баптисткой, — продолжал Ригби. — В городе у нас тут целая община. Правду сказать, — прибавил он с вялой усмешкой, — жена моя туда же относится. Недели две назад здешний их священник зашел ко мне. Вечером, где-то в половине седьмого. Я ужедомой подумывал идти. Вошел, сел, где вы сейчас сидите. Он мужчина крупный, видный собой, родом с Севера, откуда и миссис Роуд. Фамилия его Кардью.

— Мистер Кардью, упомянутый в письме?

— Тот самый. Он о Гластонах издавна был наслышан, Гластоны по всему Северу известная семья, и мистер Кардью был предоволен, когда узнал, что Стелла Роуд — дочь мистера Гластона. Миссис Роуд, само собой, посещала молельню аккуратнo, а это нашим горожанам нравится. Моей жене очень по сердцу пришлось, скажу вам. Это, пожалуй, первый раз, чтобы из школы кто-нибудь ходил молиться в город. Большинство здешних прихожан люди торговые, ремесленные — местные, одним словом. — Ригби опять усмехнулся. — Нечасто это бывает, чтобы школа и город вместе сходились, так сказать. Не в обычаях Карна такое.

— А как муж миссис Роуд? Тоже баптист?

— Миссис Роуд рассказывала Кардью, что раньше муж был баптистом. Он родился и вырос в Брэнксоме, вся семья его — баптисты. В Брэнксомской молельне они, можно понять, и познакомились — мистер и миссис Роуд. Вы там не бывали ни разу? Отличная церковь, на самой макушке холма, над морем.

Смайли покачал головой — нет, не бывал, — и широко расставленные карие глаза Ригби с момент глядели на него задумчиво. — А зря, — сказал инспектор. — Стоит съездить поглядеть. Так вот, — продолжал он, — по приезде в Карн мистер Роуд перешел в англиканство. Даже и миссис Роуд пытался убедить, В школе у них насчет этого строго. Я все это фактически от жены своей слышал. У меня правило: сплетни распространять не смей, жена полицейского должна себя соблюдать, но это ей сам мистер Кардью говорил.

— Понятно, — сказал Смайли.

— Пришел, значит, Кардью ко мне. Взволнованный, встревоженный. Не знает, что и думать, и хочет поговорить со мной как с другом, а не как с полицейским. Когда начинают с этого, — заметил Ригби с кислым видом, — я уж так и знаю, что ко мне обращаются именно как к полицейскому. Ну и рассказал мне. Днем к нему приходила миссис Роуд. Его не было дома, он ездил в Оукфорд фермершу одну навестить и вернулся только в шестом часу. А до его прихода с гостьей сидела миссис Кардью. Миссис Роуд молчала, прижухла у огня бледная, как полотно. Только мистер Кардью вернулся, тут же миссис Кардью вышла, и Стелла Роуд стала рассказывать ему про мужа. — Ригби сделал паузу. — Сказала, что мистер Роуд собирается ее убить. Когда долгие ночи наступят. У нее это вроде навязчивой идеи: с приходом долгих ночей ее убьют. Сперва Кардью не слишком принял дело всерьез, но потом, подумав, решил сообщить мне. Смайли сощурился на него.

— Кардью ошарашили ее слова. Он подумал, она бредит. Он, видите ли, человек трезвой складки, хотя и священник. Пожалуй, он чуть строговато с ней обошелся. Спросил, откуда в ней такая мерзостная мысль, а она в слезы. Не в истерику причем, а тихо так, про себя как бы заплакала. Он пытался ее успокоить, обещал помочь, чем только сможет, и опять спросил, что подало ей эту мысль. Но она только головой покачала, встала, пошла к дверям и все качала безнадежно головой. Обернулась к нему от дверей, он подумал, она хочет что-то сказать. Но

ничего не сказала и ушла.

— Удивительное дело, — проговорил Смайли, — ведь она солгала в письме. Там специально упомянуто, что Кардью она не говорила.

Ригби пожал своими широченными плечами.

— Я, извините, в чертовски неуклюжем положении, — сказал он. — Шеф наш скорей повесится, чем призовет на помощь Скотланд-ярд. Подавай ему арествиновного, причем незамедлительно. У нас тут столько данных, что можно елку украсить, — следы ног, время убийства, указание на одежду убийцы, даже само орудие убийства.

Смайли удивленно взглянул на инспектора.

— Орудие, выходит, найдено? Ригби помялся.

— Да, найдено. Об этом ни одна почти душа не знает, сэр, и я вас попрошу учесть это. Мы нашли его наутро — лежало брошенное в кювете, в четырех милях к северу от Карна, по Оукфордской дороге. Отрезок кабеля длиной полтора фута. Вы в курсе дела, что такое коаксиальный кабель? Он бывает разного сечения, этот имеет дюйма два в диаметре. Медный стержень, одетый пластиковой изоляцией и сверху оболочкой. На кабеле кровь той же группы, что у Стеллы Роуд, и на кровь налипли волосы с ее головы. Мы держим это в строжайшем секрете. Еще слава богу, что нашел один из наших ребят. Мы тем самым получили точное направление, в котором скрылся убийца.

— И это действительно орудие убийства? — неловко усомнился Смайли.

— В ранах на теле мы нашли частицы меди.

— Странно ведь, — размышлял Смайли вслух, — чтобы убийца так далеко занес орудие. Особенно если он шел пешком. Казалось бы, он захочет освободиться от улики как можно скорее.

— Еще бы. Очень странно. Из этих четырех миль Оукфордская дорога мили две идет вдоль канала; он в любом месте мог бы зашвырнуть кабель в канал, и концы в воду, иди дознавайся.

— А кабель какой, старый?

— Да не очень. Обычный, стандартного образца. Достать такой можно где угодно. — Тут Ригби помялся с минуту, затем его словно прорвало: — Я ведь что хочу сказать сэр. Обстоятельства данного дела требуют развернутого расследования: широкий розыск нужен, детальные лабораторные анализы, массовый опрос. Того и шеф требует, и он прав. Против мужа обвинение нам строить не на чем и, прямо говоря, нам от него проку как от козла молока. Он как-то потерян, заговаривается слегка, противоречит самому себе в разных неважных для нас мелочах — скажем, с какого времени женат или у какого врача лечится. Это у него, конечно, от шока, мне такие вещи приходилось видеть. Письмо ее — чертовски странное письмо, знаю и согласен. Ну а вы можете мне объяснить, сэр, каким это он волшебством сперва оказался в резиновых сапогах, а потом от них избавился, как это смог замолотить жену до смерти и кровью не забрызгаться, кроме там немногих пятен, и как сумел забросить орудие убийства за четыре мили от места преступления, причем все это проделал в течение десяти ми нут с момента ухода от Филдинга? Разъясните мне, и я вам буду благодарен. Мы разыскиваем неизвестного шести футов роста, в мало ношенных резиновых сапогах размера 15, в кожаных перчатках и в старом синем пальто, заляпанном кровью. Пешего бродягу, который в ночь убийства, между 11.10 и 11.45 находился в районе Северных полей и скрылся в оукфордском направлении, унеся с собой полтора фута кабеля, нитку зеленых бус и брошку с камешком под бриллиант ценой двадцать три шиллинга шесть пенсов. Разыскиваем маньяка, убивающего ради удовольствия или ради нескольких шиллингов на жратву; — Ригби помолчал и, грустно усмехнувшись, прибавил: — И способного пролететь пятьдесят футов по воз духу. Но что нам остается еще делать при такого рода сведениях? Кого еще разыскивать? Не могу же я отвлекать людей на поиски каких-то

призраков, когда надо развернуть всю эту работу.

— Понимаю вас.

— Но я служу не первый год, мистер Смайли, и действовать люблю не наобум. Разыскивать маньяков, в которых не верю, я не люблю, и не люблю, когда нет доступа к свидетелям. Я люблю с людьми посталкиваться, порасспросить их, поразнюхать там и тут, обстановку поразведать. А в Карнской школе этого нельзя мне. К чему я клоню, вы улавливаете? Вот и приходится нам полагаться на анализы, на собак-ищеек и на розыски в масштабах всей страны, но я нутром чую, что данное дело немного иной категории.

— Я прочел в газете о какой-то Юродивой Джейни...

— Скажу сейчас и о ней. Миссис Роуд была женщина добросердечная, всякому с ней можно было заговорить. По край ней мере это мое обычное впечатление. Тут кое-кто из прихожанок косо на нее глядел, но сами знаете, каковы женщины. Так вот, миссис Роуд приязненно отнеслась к Джейни. Та ходит по дворам, побирается, зелья продает и привороты. Помешанная, с птичками разговаривает и тому подобное. Живет в заброшенной нормандской церквушке в Пилле. Стелла Роуд ей, бывало, из одежды кое-что даст, покормит — бедняга вечно голодает. А теперь Джейни исчезла. Ее видели вечером в среду на дороге к Северным полям — и с тех пор поминай как звали. Но это мало что значит. Побирושкам закон не писан. Годами могут околачиваться вокруг, а потом раз — и растаяла, как снег на огне. Умерла в канаве, скажем, или захворала и спряталась, как больная кошка. Джейни не одна тут такая ходит. Весь сыр-бор потому, что мы и еще обнаружили следы ног — по краю рощицы, в конце сада. Следы на вид женские и в одном месте подходят вплотную к теплице. Возможно, что цыганка или нищенка. Возможно что угодно, но сдается мне, что это в самом деле Джейни. А как бы хорошо, сэр, очевидица нам бы не помешала, пусть даже полоумная.

Смайли встал. Обменялись рукопожатием, и Ригби сказал:

— До свидания, сэр. Звоните в любое время, когда вам заблагорассудится. — Черкнул в блокноте, лежащем на столе, вырвал листок, подал Смайли. — Вот мой домашний телефон. — Проводил Смайли к дверям и, помешкав, сказал:

— Вы случайно сами не Карн кончали, сэр?

— О нет.

Ригби опять помялся.

— Шеф наш — карнианец. Командовал армейской бригадой в Индии. Бригадир Хэвлок. Ему у нас год осталось дослужить. Он этим делом сильно заинтересовался. Не хочет, чтобы я зря тормозил Карн. Не желает.

— Понимаю.

— Требуется незамедлительного ареста.

— И чтобы арест Карна не касался?

— До свидания, мистер Смайли, Не забывайте звонить. Да, еще одно надо бы упомянуть. Насчет этого кабеля...

— Да-да.

— Мистер Роуд брал отрезок такого же кабеля на уроки для опытов по элементарной электронике. А недели три тому назад кабель затерялся куда-то.

Смайли не спеша пошел к себе в отель.

«Дорогая Брим,

Сразу же по приезде передал письмо человеку из местного уголовного розыска, которому поручено дело. А поручено оно, как Бен и предполагал, инспектору Ригби. Это дядя низенький и кряжистый — помесь корнуэльского лешего с неваляшкой, — и пальца ему в рот класть

никому не советую.

Начну с середины: письмо наше возымело несколько не тот эффект, на который мы рассчитывали, — Стелла Роуд две недели назад сообщила, оказывается, Кардью, здешнему баптистскому священнику, что муж намерен ее убить с наступлением долгих ночей (что за ночи такие, не знаю). Что касается обстоятельств дела, то в отчете «Гардиан» они изложены в основном верно.

Собственно, чем больше Ригби посвящал меня в детали, тем все маловероятней становилось, что убил муж. Против этого говорит почти все (помимо самого уже мотива преступления) и место, где нашли орудие убийства, и отпечатки ног на снегу, указывающие на рослого мужчину в резиновых сапогах, и следы перчаток, неизвестно чьих, в теплице. Прибавьте сюда и самый весомый довод — «убийца был наверняка захлестан кровью»: по словам Ригби, теплица представляла зрелище ужасное. Конечно, и на Роуде была кровь — как удостоверил выбежавший к нему на дорогу коллега, — но лишь в той скудной мере, в какой Роуд мог вымазаться, наткнувшись в темноте на тело. Между прочим, следы сапог ведут к дому, уходящих же следов нет.

В данный момент, как указывает Ригби, наличные по делу факты допускают лишь одно истолкование: убил неизвестный бродяга — возможно, сумасшедший, — убил из удовольствия или польстясь на ее драгоценности (которым грош цена), и скрылся по Оукфордской дороге, а орудие убийства бросил в кювет. (Но зачем он пронес его четыре мили и зачем в кювет бросил, а не утопил в канале, тут же, У дороги? Дорога на Оукфорд идет болотистой равниной, которая вся исполосована осушительными каналами.) Если толкование Ригби верно, тогда нам остается объяснить письмо Стеллы и ее разговор с Кардью тем, что она страдала манией преследования, или же (если мы суеверны) тем, что . предчувствовала свою смерть. Но тогда это самое чудовищное совпадение из всех, о каких мне приходилось слышать. В связи с чем и хочу еще прибавить следующее.

Из умолчаний Ригби я мог вывести, что начальник полиции нажимает на него, велит прочесывать округу с целью изъятия бродяг в запятнанных кровью синих пальто (помните — пояс). У Ригби, конечно, нет иного выбора, кроме как действовать согласно фактам дела и велению начальства, но Ригби явно неуютно от чего-то, что он либо знает молча, либо же смутно ощущает. Думаю, что он был искренен, когда просил сообщать ему все добытые мною школьные сведения — о самих Роудах, пришли ли они ко двору здесь и т. д. Монастырские стены Карна, чувствует Ригби, еще довольно-таки высоки...

Так что я, пожалуй, попринюхаюсь тут немного, огляжусь, как и что. Придя из полиции, я позвонил Филдингу и был им приглашен к ужину сегодня. Как только будут новости, сразу же напишу.

Д ж о р д ж « .

Смайли тщательно заклеил конверт, прижав большими пальцами уголки. Запер на ключ дверь номера и спустился по широкой мраморной лестнице, ступая аккуратно на тощую кокосовую циновку, посланную посередине.

Внизу в холле был красный деревянный почтовый ящик для удобства проживающих в отеле, но Смайли, как человек осмотрительный, не стал пользоваться этим удобством. Он прошел к почтовому ящику на углу улицы, опустил письмо и стал решать, где бы поесть. Разумеется, имелись бутерброды и кофе — дар мисс Бримли. Нехотя он вернулся в отель. Там кишело журналистами, а журналистов Смайли не выносил. И холодно там было, а Смайли и холода не терпел. И так до оскомины это ему знакомо — бутерброды в гостиничной комнате.

Глава 5

КОШКА С СОБАКОЙ

Вечером того же дня, в самом начале восьмого, Смайли поднялся по ступеням, ведущим в дом мистера Теренса Филдинга. У парадных дверей он позвонил, и ему открыла толстушка лет пятидесяти пяти. В тускло освещенном холле по правую руку пылали поленья в камине на гряде золы, а над собой Смайли различил небольшую антресоль и винтовую красного дерева лестницу, ведущую на верхний этаж. В отсветах камина видно было, что стены вокруг увешаны картинами разных стилей и периодов, а каминная полка уставлена всевозможными художественными безделушками. Но Смайли отметил, невольно поевжившись, что ни камину, ни картинам не удалось полностью заглушить школьный запах — слабый аромат какао, пасты для паркетов, оптом закупаемой, и школьной кухни. В стороны из холла шли коридоры, и видно было, что все стены понизу окрашены темно-коричневой или зеленой масляной краской согласно незыблемому правилу школьных маляров. В устье одного из этих коридоров огромно замаячила фигура мистера Теренса Филдинга.

Он надвинулся на Смайли своей радушной массой; буйная седая его грива роняла пряди на лоб, а мантия живописно волновалась позади.

— Смайли? О-о! Вы знакомы с Тру? Мисс Трубоди, моя домоправительница. Снег восхитителен, не правда ли? Чистейший Брейгель! Вы видали катание мальчиков на льду? Бесподобное зрелище! Черные костюмы, цветные шарфы, бледное солнце, как две капли воды, буквально как две капли, натуральнейший Брейгель. Восхитительно!

Он взял у Смайли пальто, бросил на ветхий сосновый стул с камышовым сиденьем, стоящий в углу холла.

— А как вам этот стул — узнаете?

— Боюсь, что нет, — сконфуженно ответил Смайли.

— Напрасно, напрасно! Привезен мной из Прованса до войны. У столяришки тамошнего делан. Ну-ка определите, чье он точное подобие. Копия «Желтого стула» Ван-Гога! Некоторые тут же узнают. — И, шагая впереди, Филдинг коридором повел гостя в большой комфортабельный кабинет, украшен ный изразцами, статуэтками эпохи Возрождения, бронзой не ясно каких эпох, фарфоровыми собачками, терракотовыми вазами; и посреди всего великолепно высился сам Филдинг.

Как старший корпусной наставник, Филдинг носил не обычную ученую мантию, а нечто тяжко ниспадающее, длиннополо-черное, с крахмальным судейским жабо — нечто вроде вечернего монашеского платья. От облачения этого веяло монастырской суровостью — в заметном контрасте с нарочито ярким обликом самого Филдинга. Явно сознавая это, стремясь оттенить чинность униформы и придать ей что-то от своей природы, он носил в петлице лацкана тщательно подобранный цветок из своего сада. Он так и требовал от портного — шить с петелькой, чем шокировал карнских портных, у которых на матовых стеклах витрин красуются эмблемы королевских династий. Цветок он выбирал по настроению — от гвоздики до гиацинта. Сегодня у него в петлице была роза, и по ее свежести Смайли определил, что вдел ее Филдинг минуту назад, а срезать велел точно к приходу гостя.

— Вам хересу или мадеры?

— Благодарю вас, хересу.

— Мадера — напиток блудниц, — возгласил Филдинг, наливая из графика, — но мальчики ее любят. Быть может, именно поэтому. Они ведь отчаянные греховодники. — Он передал

Смайли бокал и прибавил, драматически понизив голос:

— Мы все теперь под гнетущим впечатлением этого ужасного события. Ничего, знаете, подобного у нас никогда не бывало. Вы читали вечерние, газеты?

— Нет, не читал. Но «Герб Солеев», разумеется, битком набит репортерами.

— Настоящее нашествие на город. По всему Гэмпширу военные рыщут с миноискателями. А что хотят найти, бог их знает.

— А как на мальчикув подействовало все это?

— Они-то в восторге! Моему же корпусу повезло особенно — ведь Роуды у меня обедали в тот вечер. Какой-то кретин из полиции хотел даже учинить допрос одному из моих мальчикув.

— Вот как, — сказал Смайли с невинным видом. — А о чем бы это стал он его допрашивать?

— Аллах его ведает, — отмахнулся Филдинг и, меняя тему, спросил: — Вы знавали брата, не так ли? Он мне говорил о вас, представьте.

— Да, Адриана я знал очень хорошо. Мы были близкими друзьями.

— И на войне тоже?

— Да.

— Вы, значит, принадлежали к его шатии?

— Какой шатии?

— Ну, Стив-Эспри, Джибди, Все эти люди.

— Да.

— Мы с Адрианом редко видались в зрелые годы. Будучи жульнической подделкой, я принужден избегать встреч и сопоставлений с подлинниками, — соткровенничал Филдинг в прежней своей эффектной манере. Как на это отвечать, Смайли не знал, но его выручил тихий стук в дверь; в кабинет несмело вошел высокий рыжий мальчик.

— Я уже кончил переключку, сэр. Если вы готовы, сэр...

— О черт, — сказал Филдинг, осушая бокал. — На молитву зовут. — Он повернулся к Смайли. — Знакомьтесь — Перкинс, мой староста. В музыке — гений, но в классе — отнюдь. Так ведь, Тим? Вы подождите здесь или идемте со мной, как желаете. Это займет всего десять минут.

— И того меньше, сэр, — сказал Перкинс. — Сегодня у нас «Ныне отпускаеши».

— Восхвалим господу за малые благодеяния, — возгласил Филдинг, одернув свое жабо, и резко повел Смайли по коридору и через холл, а Перкинс голенасто зашагал следом. На ходу Филдинг без умолку кидал через плечо: — Рад, что вы выбрали пятницу для приезда. У меня правило — по субботам не при нимать уже потому, что по субботам все другие наши принимают— Хотя чем занимать гостей в данный печальный момент, всем нам не слишком известно. У меня сегодня будет Феликс Д'Арси, но это вряд ли занимательно. Он профессионал-карнианец. Между прочим, мы к вечерним трапезам одеваемся, но это не суть важно.

У Смайли упало сердце. Повернули за угол, пошли другим коридором.

— У нас молитвы по часам. Ректор восстановил семь канонических часов: приму, терцию, сексту и так далее. В течение семестра — молитвы до пресыщения, а на каникулах — полное от них воздержание. То же касается занятий спортом. Такова система. Впрочем, удобно для переключек.

Он провел Смайли еще и третьим коридором и в конце его распахнул толчком двухстворчатую дверь. Картинно паруся своей мантией, размашисто вошел в столовую, где ожидали ученики.

— Налить вам хересу еще? Ну, как молитва? Поют весьма мило, не правда ли? Один-два тенора недурных. Мы в прошлом семестре пробовали унисонное пение — весьма неплохо выхо

дило, совсем даже неплохо. Сейчас явится Д'Арси. Он жаба страшная. Вылитый типаж Сиккерта пятьдесят лет спустя, весь состоящий из брюк и воротничка. Вам еще, однако, повезло, что явится он не в сопровождении сестры своей. Та хуже!

— Он какой предмет преподает? — Разговор шел уже снова в кабине Филдинга.

— Предмет? Боюсь, что здесь у нас предметов нет. Никто из нас ни строчки не прочел ни по какому предмету с момента окончания университета. — Понизив злоецо голос, он прибавил: — То есть если мы там вообще учились. Д'Арси преподает французский. Д'Арси — старший тUTOR по избранию, холостяк по профессии, сублимированный пед... агог по склонности, — Филдинг стоял теперь в позе, откинув голову назад, а правую руку простерши к Смайли,-...а предмет его — изъяны ближних. По главной же своей должности он — самоназначенный верховный блюститель карнского этикета. Если вы в мантии прокатились на велосипеде, не так сформулировали ответ на приглашение, не по ранжиру разместили гостей за столом, употребили «мистер», когда речь шла о коллеге, Д'Арси вас выведет на чистую воду и сделает внушение.

— А каковы обязанности старшего тУтора? — спросил Смайли, просто чтобы поддержать разговор.

— Это арбитр между классиками и природоведами, он составляет расписание и утверждает результаты экзаменов. Но главная его, горемыки, обязанность — мирить искусства с науками. — Филдинг с мудрой грустью покачал головой. — А для этого требуется человек помозговитей, чем Д'Арси. А впрочем, — добавил он устало, — какая разница, кому достанется лишний час в пятницу вечером? Кому все это интересно? Уж конечно, не мальчикам, не бедным милым мальчуганам.

И Филдинг продолжал говорить о том о сем, и неизменно в гиперболических тонах, взмахивая иногда рукой, точно желая поймать увертливую метафору. О преподавателях говорил он с едкой насмешкой; и о воспитанниках — с сочувствием, если не с пониманием; и об искусствах — с пылом и с театральной растерянностью одинокого ценителя среди невежд.

— Кари не школа, а лепрозорий для умственно прокаженных. Кончили мы университет и прибыли сюда, и стали обнаруживаться в нас симптомы. Постепенное отгнивание интеллектуальных конечностей. Изю дня в день умы наши чахнут, дух наш атрофируется и мертвеет. Мы наблюдаем за процессом этим друг у друга, надеясь отвлечься от собственного гниения. — Он сделал паузу, поглядел задумчиво на свои пальцы. — Во мне процесс завершен полностью. Я представляю собой мертвую душу, а тело, в котором обитает сия душа, именуется Карном. — Весьма довольный сделанным признанием, Филдинг развел в стороны ручищи, распротер рукава-крылья мантии, словно гигантский нетопырь. — Перед вами Вампир Карна. — Филдинг отвесил глубокий поклон. — *Alcoholique et poete!* (Алкоголик и поэт! (ф р .)) — И зычным раскатом хохота завершил действие.

Филдинг поразил Джорджа Смайли — своими размерами, голосом, капризно-переменчивым нравом, всей своей броской, крупнопланной манерой. Смайли и привлекал и отталкивал этот спектакль, эта вереница взаимно противоречивых поз; он не знал, требуется ли и от него, от зрителя, подача реплик. Но Филдинг до того, видимо, ослеплен был огнями ramпы, что забывал о зрительном зале там, за ramпой. Чем дольше вглядывался и вдумывался Смайли, тем неуловимей казался ему этот характер — многоцветный, но пустоцветный; дерзкий, но уклончивый; красочный, широкий, открытый и вместе с тем лживо-извращенный. Не худо бы узнать подноготную Филдинга — богат ли он, к чему стремится, чем в жизни огорчен. Приход Феликса Д'Арси, возвещенный мисс Трубоди, прервал раздумья Смайли.

Ни черных, ни иных свеч. Холодный ужин, превосходно приготовленный мисс Трубоди. Не бордо, а рейнвейн, подаваемый вместо портвейна. И наконец, наконец-то Филдинг упомянул о

Стелле Роуд.

Шла приличествующая месту беседа об искусствах и науках. Беседа эта была бы скучна (ибо не блистала познаниями), если бы не Филдинг, непрестанно шпынявший Д'Арси и старавшийся, по-видимому, показать Д'Арси с наилучшей стороны. О людях и проблемах Д'Арси судил в основном с точки зрения «благопристойности» (любимое его слово) и отличался чисто женским зложелательством к коллегам. Поговорили, затем Филдинг спросил Д'Арси, кто заместил пока что Роуда.

— Никто, — ответил Д'Арси и прибавил ейно:— Ужасно потрясла эта история всю школу.

— Чепуха, — возразил Филдинг. — Мальчики любят смертоносные бедствия. Чем дальше мы от смерти, тем она притягательней. Для них все это праздник.

— Огласка делу была дана в высшей степени неблагопристойная, — сказал Д'Арси. — В высшей степени. Сознание этого, считаю я, довлеет в умах большинства наших преподавателей. — Он повернулся к Смайли. — Пресса, знаете ли, источник вечных наших огорчений. В прошлом такое не могло бы иметь места. В прежние времена великие фамилии и общественные установления наши были ограждены от подобных вторжений. О-граж-де-ны. Ныне же все изменилось. Многие из нас принуждены выписывать бульварные газетки по этой именно причине. В одной из воскресных газет, в одном только номере сообщалось не менее чем о четырех бывших учениках Хекта. И обо всех четырех — в неблагопристойном контексте, смею вас уверить. И разумеется, эти газеты никогда не преминут упомянуть, что речь идет о карнианце. Я полагаю, вам известно, что у нас ныне обучается наследный принц. Сам я имею честь направлять его занятия французским. У нас также учится юный Солей. Во время бракоразводного процесса его родителей пресса вела себя прискорбно. Крайне прискорбно. Ректор писал об этом в Совет печати, должен вам сказать. Черновик письма составлен был мной. Но в связи с нынешним трагическим событием пресса буквально превзошла себя. Вчера репортеры даже присутствовали у нас на повечерии, представьте, в чайнии молитвы по усопшей. Заняли полностью две задние скамьи на западной стороне. Дежуривший в Аббатстве Хект попытался их выдворить. — Д'Арси помолчал, мягко-осуждающе приподняв брови, затем улыбнулся. — Конечно, это не входит в компетенцию дежурного, но наш добрый Хект этим мало смущается. — Повернувшись к Смайли, Д'Арси пояснил: — Хект — один из наших атлетических собратьев.

— На ваш вкус, Стелла была чересчур низкопородна, не правда ли, Феликс?

— Отнюдь нет, — поспешно возразил Д'Арси. — прошу вас, Теренс, такого обо мне не говорить. Классовых различий я абсолютно не провожу; разборчивость моя касается только манер. Не спорю, что манеры ее оставляли желать лучшего.

— Она во многом была как раз то, чего нам не хватает, — продолжал Филдинг, не обращая на Д'Арси внимания и адресуясь к Смайли. — Она воплощала в себе все, от чего нам вменено в обязанность отворачиваться: муниципальные микрорайоны, красный кирпич новых городов и университетов — все, являющее собой антитезу Карна. — Внезапно обернувшись к Д'Арси, он сказал: — А для вас, Феликс, она была лишь низкопородна.

— Отнюдь нет. Неприемлемо воспитана — вот и все. Филдинг в отчаянии повернулся к Смайли.

— Вот, извольте, — сказал он. — Мы говорим на ученом жаргоне, носим ученые мантии. Торжественными обедами отмечаем годовщины, произносим в трапезных длинные латинские молитвы, которых ни один из нас не может перевести. Ходим на литургии в Аббатство, и жены наши сидят там в «курятнике» в своих ужасных шляпах. Но все это пустопорожняя шарада, смысла в которой нет.

Д'Арси тускло улыбнулся.

— Не могу поверить, дорогой мой Теренс, чтобы такой гурман и хлебосол, как вы, мог столь низко ценить манеры и тонкости обхождения. — Он взглянул на Смайли, как бы призывая его в свидетели достоинств Филдинга, и Смайли счел долгом поддакнуть. — К тому же мы здесь к Теренсу привыкли издавна, нас не пугают его громы.

— Знаю, знаю, Феликс, чем вам эта женщина была неприятна. Она отличалась честностью, а против честности такого рода Карн беззащитен.

Д'Арси неожиданно рассердился не на шутку:

— Теренс, я протестую против подобных слов. Категорически протестую. Я считаю своим долгом — да и все бы должны считать это своим долгом — возрождать и утверждать здесь, в Карне, высокие нормы общественного поведения, которым война нанесла столь прискорбный ущерб. Я сознаю, что в связи с этим не раз уже мог вызвать по отношению к себе недружелюбные чувства. Но комментарии мои или советы никогда — прошу это заметить, — никогда не касаются личностей, а бывают направлены исключительно лишь против изъянов поведения, против нарушений благопристойности. Не спорю, Теренс, что не единожды я принужден был обращаться к Роуду в связи с поведением его жены. Но это сфера, чрезвычайно далекая от личностей. И я никому не позволю утверждать, что якобы я питал личную неприязнь к миссис Роуд. Такое утверждение, огорчительное в любое время, в нынешних трагических обстоятельствах особенно прискорбно. Воспитание и... э-э... среда миссис Роуд не могли, естественно, приготовить ее к нашему здешнему укладу, но это вопрос совершенно иной. Что, однако, позволяет мне вновь подчеркнуть: цель моя не осуждение, а нравственное просвещение. Ясно ли я выразил мысль?

— Куда уж ясней, — сухо ответил Филдинг.

— А жены сослуживцев относились к ней приязненно? — спросил Смайли.

— Жены! О мой бог! — простонал Филдинг, прижав руку ко лбу. Сделал паузу. — Не одну из них она здесь, думаю, скандализовала своей простенькой одеждой. Притом ходила в общественную прачечную, что тоже не могло прийти по вкусу. И вдобавок не молилась в нашей церкви...

— А были у нее подруги среди преподавательских жен? — не унимался Смайли,

— Кажется, с ней дружила молодая миссис Сноу.

— Вы говорили, она была здесь в гостях в самый день убийства?

— Да, — тихо сказал Филдинг, — в среду. А Феликсу с сестрой пришлось потом оказать помощь бедному Роуду... — Он взглянул на Д'Арси.

— Да-да, — коротко подтвердил Д'Арси. Он покосился на Филдинга и — показалось Смайли — переглянулся с ним. — Нам никогда не забыть, никогда... Теренс, простите за экскурс в сферу узкопрофессиональную, но письменный грамматический разбор Перкинса невообразим: подобных ляпсусов мне еще не приходилось встречать. Что он, нездоров? Мать его — культурнейшая женщина, Сэмфордам доводится родней, мне говорили.

Смайли вгляделся в Д'Арси. Смокинг на Д'Арси выцветший, позеленевший от старости. Смайли не удивился бы, услышав: «Смокинг унаследован мною от деда». Кожа лица настолько лишена морщин, что создается какое-то жирненькое впечатление, хотя Д'Арси нетолст. Голос настроен на одну слащаво-вкрадчивую ноту, и все время он улыбается — при разговоре и когда молчит. Улыбка навечно вштампована в гладкое лицо, она обнажила ровные зубы и оттянула уголки румяных губ словно невидимыми пальцами дантиста. Но лицо Д'Арси невыразительным не назовешь. Напротив. Мельчайшее движение губ, носа, бровей, малейший взглядик уловимы и читаются. И ясно, что он хочет уйти от темы. Не от Стеллы Роуд (к ней он вернулся сам немного погодя), а от вечера, когда произошло убийство, от точного пересказа событий. Более

того, у Смайли не было сомнений, что и Филдинг заметил увертку Д'Арси и что переглянулись они, как будто связанные страхом, и взгляд был предостережением, что ли, ибо с этого момента Филдинг переменился: надулся, ушел в себя, и долго затем Смайля ломал себе голову над этой переменной.

Обратясь к Смайли, Д'Арси заговорил слащаво-интимно:

— Прошу прощения, что согрешил, посудачил о школьных делах. Вы, вероятно, находите, что мы здесь несколько замкнулись в своей сфере? Я знаю, нас часто обвиняют в отгороженности. Карн, дескать, школа снобов. Об этом трубит ежедневно бульварная пресса. Но что бы ни утверждали наши авангардисты, — Д'Арси хитровато взглянул на Филдинга, — я могу заверить, что нет человека, менее грешащего снобизмом, чем Феликс Д'Арси.

Смайли отметил, что волос у Д'Арси тонкий, рыжеватый и начинается высоко над розовым загривком.

— Возьмем, к примеру, злополучного Роуда. Я нимало не ставлю бедняге Роуду в укор среду, взрастившую его. Классические школы, без сомнения отлично выполняют свою функцию. К тому же Роуд вполне приемлемо освоился с нашим укладом. Именно так и отозвался я в беседе с ректором, подчеркнув, что Роуд превосходно исполняет свои обязанности по церкви. Более того, смею думать, что здесь сыграли роль мои наставления. При надлежащем руководстве ими люди эти, заметил я ректору, способны усвоить наши обычаи и даже наши манеры; и ректор со мной согласился.

Бокал Смайли был пуст, и Д'Арси, не спрашивая у хозяина, налил из графина. Руки у Д'Арси по-девичьи холены и безволосы.

— Но, — продолжал он, — я должен честно признаться — миссис Роуд не проявила подобной готовности примениться к нашему укладу. — По-прежнему улыбаясь, он изящно отхлебнул из своего бокала. Следы замечает, подумалось Смайли. — Она-то никогда не стала бы вполне приемлемой, хотя при жизни ее я, понятно, не высказывал вслух своего мнения. Ей помешали бы ее среда и воспитание. И это не вина ее, а беда. Если же говорить откровенно и доверительно, то у меня есть основания думать, что именно ее прошлое послужило причиной ее смерти.

— То есть как это? — восторженно спросил Смайли, и Д'Арси пояснил, бегло взглянув на Филдинга:

— Факты говорят, что она ожидала нападения.

— Моя сестра любит собак, — продолжал Д'Арси. — Воз можно, это вам уже неизвестно. Ее коронная отрасль — черно-рыжие той-спаниели. В прошлом году она получила первый приз на северо-дорсетской выставке и вскоре затем удостоилась почетного отзыва у Крафта за свою Королеву Карна. У нее имеется клиентура в Америке, знаете ли. Осмелюсь утверждать, что мало кто в Англии так эрудирован в той-спаниелях, как Доротея. Именно это нашла случай выразить супруга ректора неделю назад. Ну-с, как вы знаете, Роуды нам соседи, а Доротея своими добрососедскими обязанностями отнюдь не склонна пренебрегать. Где речь идет об обязанностях, там у нее нет места снобизму, смею вас уверить. Роуды привезли с собой собаку — беспородный, но весьма разумный пес. (В сторону замечу, что имею крайне смутное представление о том, где Роуды жили до Карна.) Собаку свою они любили, и думаю, что это не было притворством. Роуд стал было брать ее с собой на матчи регби, но я нашел случай ему отсоветовать. Собака вызывала у воспитанников неприличное оживление. Я успел уже это испытать, прогуливая Доротеиных спаниелей.

Подхожу теперь к главному пункту. Доротея пользуется услугами Гарримана — ветеринара, личности незаурядной в своем роде. Он проживает близ Стерминстера. Недели две тому назад у Королевы Карна открылся сильный кашель, и Доротея послала за Гарриманом.

Сука подобных достоинств требует к себе серьезнейшего отношения, смею вас уверить.

Тут Филдинг застонал, но Д'Арси и бровью не повел.

— Я был как раз дома, и Гарриман остался на чашку кофе. Он, как я уже сказал, возвышается над уровнем своей среды. В разговоре Гарриман упомянул о собаке Роудов, и оказалось, что миссис Роуд накануне привезла к нему свою собаку и попросила умертвить ее. Сказала, что собака укусила почтальона. Говорила длинно и путано — мол, почта подаст в суд, полиция уже приходила и бог весть что еще. И все равно, дескать, пес этот не способен защитить, а только лает. Так и сказала Гарриману: «Он все равно не защита».

— И ей не жаль было собаку? — спросил Смайли.

— Как же, как же. По словам Гарримана, она явилась к нему в слезах. Миссис Гарриман пришлось напоить ее чаем для успокоения. Они предложили ей повременить, а собака пусть пока побудет у них в питомнике. Но миссис Роуд была тверда и непреклонна. Гарриман с женой не знали, что и подумать.

Обсудив потом между собой, они пришли к выводу, что поведение миссис Роуд трудно назвать нормальным. Вернее, невозможно назвать нормальным. Поразил их также вид собаки: наличествовали серьезные признаки дурного обращения. На спине были следы побоев.

— И Гарриман не стал уточнять смысл ее фразы: «Он все равно не защита»? Как понял Гарриман эти слова? — допытывался Смайли, не сводя глаз с Д'Арси.

— Она повторила их в разговоре с миссис Гарриман, но ни звука не сказала в объяснение. Однако я считаю, смысл их и так очевиден.

— Вот как? — произнес Филдинг.

Д'Арси склонил голову набок и жеманно подергал себя за мочку уха.

— В каждом из нас есть немножко от сыщика, — сказал он. — Мы с Доротеей обсудили это после... э-э... кончины. Мы решили, что еще до переезда в Кари Стелла Роуд завела дурно пахнущего свойства знакомство, а в последнее время связь эта возобновилась... быть может, против ее воли. Оголтелый ка кой-нибудь мерзавец, прежний обожатель, обозленный нынешним преуспеванием миссис Роуд.

— Что, сильно был укушен почтальон? — спросил Смайли. Д'Арси опять повернулся к нему.

— В том-то и сюрприз. В том-то и вся изюминка, дорогой мой. Собака его вовсе не кусала. Доротея навела справки. Весь рассказ был сплошной цепью лжи от начала до конца.

Встав из-за стола, они перешли в кабинет Филдинга, куда мисс Трубоди подала кофе. Разговор продолжал вертеться вокруг трагического события. Д'Арси не уставало возмущать неблагоприличие всего этого — назойливость репортеров, грубая бесчувственность полиции, неопределенность происхождения миссис Роуд, злополучие ее супруга. Филдинг все еще был странно молчалив, погружен в свои мысли и лишь взглядывал враждебно на Д'Арси время от времени. Ровно без четверти одиннадцать Д'Арси пожаловался на усталость, и все трое вышли в обширный холл. Там Смайли взял у мисс Трубоди свое пальто, а Д'Арси — пальто, теплое кашне и шапку. Д'Арси поблагодарил за гостеприимство, Филдинг ответил хмурым кивком. Повернулся к Смайли:

— А дело, по которому вы мне звонили, — в чем оно конкретно состояло?

— Ах да, по поводу письма, написанного Стеллой Роуд в самый канун убийства, — туманно ответил Смайли. — Сейчас им занимается полиция, но там не придают ему... значимости. Совершенно не придают. У миссис Роуд, по-видимому, был комплекс преследования. — Смайли смущенно улыбнулся. — Не знаю, правильно ли я выразился. Но мы можем как-нибудь еще поговорить об этом, вы должны отобедать у меня в «Гербе Солеев» до

моего отъезда. А в Лондоне вы бываете? Можно было бы в Лондоне встретиться, в конце семестра.

Стоя на пороге, Д'Арси глядел на свежесвыпавший снег, безупречной белой пеленой одевший мостовую.

— Так-так, — сказал он с многозначительным смешком. — Долгие ночи, а, Теренс? Долгие ночи.

Глава 6

ЗАЩИТА ОТ ДЬЯВОЛА

— Что значит выражение «долгие ночи»? — спросил Смайли. Они с Д'Арси быстро шли от Филдинга по свежему снежку, направляясь к подворью Аббатства.

— Местная примета гласит, что долгие ночи в Карне обильны снегом. Долгие ночи — здешнее традиционное название великопостных ночей, — ответил Д'Арси. — До Реформации у монахов Карнского аббатства в великий пост бывали молитвенные бдения на всю ночь — от повечерия до заутрени. Вероятно, это вам неизвестно. Поскольку в Реформацию монашество упразднили, то и обычай некому стало блюсти. Мы, однако, отдаем ему дань тем, что в течение великого поста служим повечерие — последнюю службу канона пред отходом ко сну. Ректор, питающий большое уважение к подобным традициям, восстановил старые названия канонических часов. Приму служили на рассвете, как вам, без сомнения, известно; терция же — третий дневной час, сиречь девять часов утра. Таким образом, мы говорим не «утренняя молитва», а «терция». Я нахожу это прелестным. Подобным же образом в рождественский и великий посты мы служим в Аббатстве сексту — ровно в полдень.

— Присутствие на всех этих службах обязательно?

— Разумеется. Иначе пришлось бы чем-то занимать воспитанников, не посещающих молитв. А сие нежелательно. Помимо этого, не забывайте, что Карн основан как заведение религиозное.

Ночь стояла великолепная. Проходя подворьем, Смайли поднял глаза на башню Аббатства. В лунном свете она казалась меньше и как-то умиротворенней. От белизны нападавшего снега само небо посветлело; на фоне его Аббатство рисовалось так явственно, что даже увечные статуи святых были видны каждой печальной подробностью своих увечий — убогие фигуры, потерявшие цель и смысл; безглазым, им нечем видеть меняющийся мир.

Вышли на перекресток к югу от Аббатства.

— Боюсь, что отсюда нам в разные стороны, — сказал Д'Арси, подавая руку на прощание.

— Вечер чудесный, — живо ответил Смайли. — Не возражаете, если я пройду с вами до вашего дома?

— Пожалуйста, — сухо сказал Д'Арси.

Повернули, пошли по дороге, ведущей к Северным полям. Сбоку дорогу окаймляла высокая каменная стена, а с другого боку широко простерлись игровые поля — двадцать или больше площадок для регби. Поля протянулись вдоль дороги на полмили с лишним, и это расстояние было пройдено молча; потом Д'Арси остановился и тростью указал на небольшой дом у кромки полей.

— Вон там — дом Роудов. Раньше в нем жил смотритель Северных полей, но несколько лет назад у нас прибавился новый учебный флигель и дом передали преподавательскому персоналу. Мой дом побольше и расположен дальше по дороге. К счастью, я любитель пеших прогулок.

— Вот здесь и увидели вы Стэнли Роуда в ту ночь? Д'Арси ответил не сразу.

— Нет, ближе к моему дому — на четверть примерно мили. Он был в ужасном состоянии, бедняга, в ужасном. Я не выношу вида крови. Знай я, какой у него будет вид, я не набрался бы духу вести его в дом. Но благодарение богу, сестра моя Доротея — чрезвычайно компетентная женщина.

Некоторое время шли молча, затем Смайли сказал:

— Из ваших слов за ужином ясно, что миссис Роуд была мужу неподходящей парой.

— Совершенно верно. Если бы умерла она не столь ужасной смертью, то я сказал бы, что Роуду следует благодарить небо за счастливое избавление. Она была особа насквозь злонамеренная, задавшаяся целью делать из мужа посмешище. Другие думают, Смайли, что здесь не было злонамеренности. Я же считаю, что была, и имею на то основания. Ей доставляло удовольствие предавать мужа на посмеяние.

— Не только мужа, но и Карн, очевидно.

— Именно так. Ныне в развитии Карна — критический момент. Многие публичные школы уступили черни, шумно требующей перемен — перемен за всякую цену. Карн — я счастлив это сказать — не присоединился к стаду одержимых бесами свиней, мчащихся к своей гибели. Тем более важно, чтобы мы ограждали себя от заразы не только извне, но также изнутри. — Все это Д'Арси проговорил с удивительным жаром.

— Но неужели она была так неисправима? Ведь муж мог бы поговорить с ней решительно?

— Смею вас уверить, что никогда не подавал мужу подобной мысли. Не в моих обычаях вмешиваться в супружеские отношения.

Они подошли к дому Д'Арси. Он весь был скрыт высокой лавролистной живой изгородью. С дороги видно было только два слитных ряда дымовых труб; по этим трубам Смайли определил, что дом велик и выстроен в викторианском стиле.

— Я не стыжусь викторианских вкусов, — сказал Д'Арси, медленно отворяя калитку. — Не скрою, вообще мы здесь в Карне не держимся нынешней моды. В доме этом некогда жил пастор церкви Северных полей, но теперь там правит службы священник, приходящий из Аббатства. Дом же остается во владении школы, и я имел счастливую возможность получить его в пользование. Покойной ночи. Прошу до отъезда ко мне на рюмку хересу. Вы к нам надолго?

— Нет, пожалуй, — ответил Смайли. — Но у вас, я думаю, теперь и так забот полон рот.

— Вы о чем? — резко осведомился Д'Арси.

— О прессе, полиции, обо всем этом переполохе.

— Да, да, именно. Именно так. Но тем не менее общественная жизнь должна продолжаться. Мы с сестрой всегда устраиваем небольшой прием в середине семестра, и я считаю крайне важным не отступить от этого обычая именно в данный момент. Завтра я пришлю вам в «Герб Солеев» приглашение. Сестра моя будет в восторге. Покойной ночи. — Он с лязгом захлопнул калитку, и в ответ из-за дома откуда-то яростно залаяли собаки. Распахнулось окно, суровый женский голос окликнул:

— Это ты, Феликс?

— Да, Доротей.

— Неужели ты не можешь без этого проклятого шума? Опять собак разбудил. — Окно гневно захлопнулось, и Д'Арси, так и не взглянув больше на Смайли, быстренько скрылся в тени дома.

Смайли тронулся в обратный путь. После десятиминутной ходьбы он остановился, повернулся опять к полям, к дому Роудов, расположенному ярдах в ста от дороги. Дом прятался в тени еловой рощицы, загадочно чернеющей на белизне полей. К дому вела узкая проселочная дорога, уходящая дальше — должно быть, на Пилль. У развилки стоял почтовый ящик на кирпичной тумбе и новенький дубовый столбик-указатель. Дощечка указателя была запорошена снегом; Смайли смел его рукой и прочел надпись: «Северные поля», выполненную вычурной готической вязью, в новомодном «дачном» стиле, к вящему, надо думать, неудовольствию Д'Арси. Снег на проселке лежал нетронутый. Сегодня подсыпало свежего, а движение между Пиллем и Карном оживленным, видимо, не назовешь. Быстро оглядевшись в обе стороны по дороге, Смайли свернул на проселок, сжатый с боков высокими живыми изгородями. И вскоре Смайли не различал уже ничего, кроме бледного неба над собой да прутьев лозняка,

топорщащихся, тянущихся к небу. Раз ему почудились шаги вплотную за спиной, он замер, но услышал только тайное поскрипывание отягченных снегом веток. Его стал ощутимей пробирать и хватать холод, словно застоявшийся, висящий в этой промозглой рытвине меж изгородей, как в нежилом доме. Затем слева вместо лозняка пошла негустая цепь елей — должно быть, началась роща, виденная им с дороги. Снег под елями покрывал почву не везде, и голая земля лежала странно клочковатая, уродливая.

Проселок сделал плавный поворот влево, и как-то разом перед Смайли возник дом, мрачный и шершаво-каменистый в лунном свете. Стены, сложенные из кирпича и песчаника, были полускрыты буйно разросшимся плющом, с крыльца свисали его спутанные космы.

Смайли окинул взглядом сад. Роща, огибаемая проселком, подступала почти вплотную к углу дома и тянулась до дальнего края газона, заслоняя дом от полей. Убийца подошел к дому тропинкой, ведущей с проселка сквозь рощу на газон. Если приглядеться, можно различить эту тропку под снегом на газоне. Белая застекленная дверь слева — очевидно, дверь теплицы... И Смайли понял, что боится — и этого дома, и широко темнеющего сада. Понял внезапно, как внезапно ощущаешь боль. Стены словно тянулись к нему плетями плюща — так старуха голубит и тянет упирающегося ребенка... Дом, большой и закоптелый, пятнился жуткими тенями, маслянисто-черными в резких контрастах лунного света. Дом притягивал, и Смайли, несмотря на боязнь, подступил поближе. Тени смялись, метнулись быстро и застыли в новых контурах, прячась в гущу плюща, сливаясь с чернотой окон.

В смятении он ощутил первый произвольный приступ настоящего страха. Паники. И тут внезапно все чувства слились в дружном вопле ужаса, когда образ, звук, касание уже неразличимы в исступленной судороге мозга. Он повернулся, отбежал к калитке. На бегу через плечо оглянулся на дом.

На тропинке стояла женщина и глядела на него, а за ней поодаль медленно покачивалась на петлях дверь теплицы.

Какую-то секунду женщина стояла неподвижно, затем повернулась, побежала обратно к теплице. Забыв о страхе, Смайли последовал за ней. Дошел до угла дома и увидел, к своему удивлению, что она встала у двери и раскачивает ее тихонько взад-вперед, как забывшийся ребенок. Стоит спиной к Смайли, но вот неожиданно обернулась к нему и дорсетским протяжным говором сказала нараспев, как дети и дурачки:

— Я думала, мистер, ты дьявол, а ты без крыльев. Смайли заколебался. Подойти — она испугается опять и убежит. Стоя на снегу, он взгляделся в нее издали. На голове как будто чепец или платок и темная какая-то накидка на плечах. В руке веточка с листьями; помахивая легонько этой веточкой, она заговорила:

— А ко мне, мистер, не подступишься, я от тебя падубом оборонюсь. Стой, мистер, где стоишь, — Джейни тебя не подпустит.

Она замахала на него энергичней и негромко засмеялась, одной рукой по-прежнему держась за дверь и свесив голову набок.

— Отступишь от Джейни, мистер, хоть раскаяная будь Джейни красивая.

— Да, Джейни, — мягко сказал Смайли, — ты красивая, я вижу. И накидка на тебе, Джейни, красивая.

Видимо, польщенная, она прихватила свою накидку за края и не спеша прокружилась на месте, как девочка, подражающая светской щеголихе. И Смайли увидел, что по бокам у Джейни болтаются рукава пальто, надетого внакидку.

— Пускай их над Джейни смеются, — сказала она с обиженной ноткой в голосе, — зато кто из них видел, как дьявол летает? А Джейни видела, мистер, Джейни видела. И крылья у него серебряные, как у рыбы. Джейни видела.

— Откуда у тебя это пальто, Джейни?

Ока всплеснула руками и медленно покачала головой.

— Он злой. Ух, он злой, мистер. — И тихо засмеялась. — Я видела, как он летел, его мчал ветер, — она снова засмеялась, — а за спиной луна и светит ему дорогу! Дьявол с луной, что брат с сестрой.

Следуя внезапной мысли, Смайли оборвал со стены побег плюща и, протягивая Джейни, стал не спеша подходить.

— Любишь цветы, Джейни? Вот тебе цветы — красивые цветочки для красивой Джейни.

Он подошел уже близко, но тут она бросилась прочь, с удивительной быстротой пробежала по газону — за деревья, на проселок — и скрылась из виду. Смайли не стал догонять. Он был весь в поту, хоть выжми.

Вернувшись в отель, он немедленно позвонил розыскному инспектору Ригби.

Глава 7

ЦЕРКОВЬ КОРОЛЯ АРТУРА

Диванная «Герба Солеев» ничего так не напоминает, как тропическую оранжерею Лондонского ботанического сада. Относящаяся к эпохе, когда самым фешенебельным растением был кактус, а непременным спутником его — бамбук, диванная была задумана как архитектурное подобие полянки в джунглях. Стальные стояки, суставчатые в подражание стволу пальмы, поставлены были держать на себе высокую стеклянную крышу, чей державный купол заменял африканское небо. В огромных кадках из бронзы и зелено оглазуренной глины красовалось все, что есть изысканного и плодовоспособного в кактусовом царстве. А между кадками на бамбуковых тонконогих диванчиках кефовали в те далекие времена гости отеля, приятно попивая горячий кофе и вспоминая кочевой уют африканских охотничьих экспедиций.

Усилия Смайли добыть в половине двенадцатого ночи бутылку виски и сифон содовой увенчались успехом не сразу. Репортеры уже улетучились, как воронье насытятся мертвечиной. Из живых в отеле остался только ночной портье, с оттенком осуждения выслушавший просьбу Смайли и порекомендовавший ему лечь спать. Смайли, от природы вовсе не настойчивый, нашарил полкроны в кармане пальто и сунул слегка сердито в руку старика. Монета, хотя и не магическое, но действие возымела, и к тому времени, как Риггой прибыл в отель, Смайли уже сидел в диванной у ярко горящего газового камина, и перед ним стояли стаканы и бутылка виски.

Со щепетильной точностью Смайли рассказал инспектору о вечерних происшествиях.

— Мне бросилось в глаза пальто. Грубое, мужское вроде бы, — сказал он в заключение. — Я вспомнил про синий пояс и... — Он не кончил фразы. Ригби кивнул, встал, проворно прошел из диванной через подпружиненную дверь к столу портье. Через десять минут он вернулся.

— Что ж, поедем заберем ее, — сказал он просто. — Сейчас машину нам пришлют.

— Нам? — переспросил Смайли.

— Да, если вы не против. А что? Бойтесь, что ли?

— Да, — ответил Смайли. — Да, боюсь.

Деревня Пилль расположена к югу от Северных полей, на холме, круто вырастающем из плоских и сырых пастбищ Карнской долины. Пилль состоит из горсти домишек и постоянного двора, где можно выпить пива в зале у хозяина. Глядя с Северных полей, легко принять эти домишки за обнажение породы на горном пике, поскольку с северной стороны холм имеет коническое очертание. Местные любители старины утверждают, что во всем Дорсете нет селения древнее Пилля, что Пилль на старом англосаксонском языке означает «гавань» и что он служил римлянам портом, когда окрестные низины были залиты морем. Они вам также расскажут, что в Пилле вставал на отдых король Артур после семимесячного морского хождения и там, на месте будущей церкви, вознес хвалу святому Андрею, покровителю мореходов, возжег по свече за каждый из семи проплаванных месяцев. И что в церкви, построенной в память его пребывания и стоящей по сей день одиноко и заброшенно на скате холма, хранится во свидетельство тому бронзовая монета, которую король Артур дал служителю, прежде чем снова плыть к острову Авалону.

Осторожно ведя машину по заснеженным проселкам, инспектор Уильям Ригби — сам заядлый любитель историк — сжато изложил Смайли легендарное прошлое Пилля.

— Странноватые места эти глухие деревушки, — сказал Ригби под конец. — Живут там

зачастую три-четыре семьи только, и до того все перероднились — кошачья неразбериха. А отсюда вам и деревенские придурковатые. Жители скажут — дьяволова мета. А я скажу — кровосмешение. Жителям они как бельмо на глазу. Их гонят из деревни, рады выжить любым способом — как бы пытаются скрыть свой позор, если вы улавливаете мою мысль.

— Улавливаю.

— Эта Джейни из юродивых. У нас бродит несколько таких — религиозно помешанных. Жители Пилля теперь все веслианской веры, так что со времен Весли церковь короля Артура пустует, разваливается помалу. Иногда бывают из долины посетители, приходят поглядеть на древность, так сказать, но заботиться некому — вернее, было некому, пока Джейни там не угнездилась.

— Угнездилась?

— Да. Прибирает там без устали, полевые цветы приносит и тому подобное. Поэтому и прослыла тут ведьмой.

Молча проехали мимо дома Роудов и, резко свернув, начали длинный и крутой подъем к Пиллю. Снег был никем еще не укатан, и машина продвигалась без особого труда, изредка лишь пробуксовывая. Понизу холм порос лесом, но вот неожиданно выехали из темной лесной дороги на голое плато, где гулял свирепый ветер, мел снежную мглу по полям, хлестал мелким снегом по машине. На проселке сбоку намело сугробы, и ехать стало все труднее. Кончилось тем, что Ригби остановил машину и сказал:

— Отсюда мы пешком, сэр, если не возражаете.

— А далеко идти?

— Путь-то недалекий, да паскудный. Деревня вон она, прямо перед нами.

Через ветровое стекло Смайли различил за летучей завесой поземки два низеньких строения в четверти мили впереди. И увидел на дороге высокую закутанную фигуру, идущую навстречу.

— Это Тед Манди, — удовлетворенно сказал Ригби. — Сержант из Оукфорда. Я его вызвал сюда.

Ригби высунулся из легковушки, весело окликнул:

— Эгей, Тед! Здорово, старина!

Открыл заднюю дверцу, и сержант влез в машину. Ригби кратко представил его Смайли.

— В церкви светится, — сказал Манди. — Но Джейни ли это, еще не знаю. Спроси только кого-нибудь из местных, и тут же. вся деревня сбежится. Они-то думали, избавились от Джейни.

— Что, Тед, она в церкви и ночует? Постель у нее там или как? — спросил Ригби, и Смайли приятно было отметить, что, когда инспектор обращается к Манди, дорсетский акцент его усиливается.

— Да говорят, Билл, что ночует. Я в субботу заходил туда, но постели что-то не видел. Но вот какую странную вещь мне сказали — миссис Роуд вроде бы приходила иногда сюда в церковь, к Джейни в гости.

— Это я слышал, — коротко ответил Ригби. — Так в каком направлении церковь-то?

— На той стороне, — сказал Манди. — За деревней, на выгоне. — Он повернулся к Смайли. — Это в наших деревнях обычное расположение, сэр. Вы сами, верно, знаете. — Манди говорил замедленно, подбирая слова. — Во время чумы жители бросали дома с мертвецами и отселялись на расстояние — недалеко, ведь тут же их земля и церковь. Страшное было бедствие, страшное. — Слова Манди звучали так, словно Черная Смерть не шесть веков назад посетила эти места, а совсем недавно — почти что на памяти живущих.

Преодолев напор ветра, они открыли дверцы, вышли из машины и направились к деревне — Манди впереди, а Смайли замыкающим. Снег, мелкий и сухой, колот лицо. Странно было

Смайли идти — по белому высокому холму, глухой ночью. Иной, нездешний край — нагой очерк вершины, вой ветра, луна за снежной несущейся мглой, темные, угрюмые избушки, мимо которых они идут так осторожно.

Манди круто свернул влево, и Смайли понял, что сержант огибает центр деревни, чтобы не попасться никому на глаза.

Так они шли минут двадцать, зачастую по сугробам, и вышли к невысокой изгороди, разделяющей два поля. Справа, в самом конце заснеженного поля, мерцал огонек — так бледно, что Смайли, проверяя, не обман ли зрения, отвел глаза и повторно скользнул взглядом вдоль изгороди, пока снова не уперся в этот дальний огонек. Ригби остановился, сделал знак.

— Теперь слушай мою команду, — сказал он. Обернулся к Смайли. — Вас попрошу, сэр, быть слегка на отлете. Мало ли как встретят, а вас вмешивать незачем, верно?

— Верно.

— А ты, Тед Манди, за мной.

Следуя вдоль изгороди, они дошли до перелаза. В проем ясно увидели приземистую постройку, больше похожую на церковный амбар, чем на церковь. Сбоку в освинцованных окошках тускло горел свет — словно свечка теплилась и мигала.

— Она там, — сказал Манди вполголоса; он и Ригби шли впереди, а Смайли — несколько поотстав.

Идут через поле — Ригби прокладывает путь, — и церковь все ближе и ближе. Новые звуки слышны теперь сквозь вой бури — поскрипывание разошедшихся дверей, шорох осыпающихся кусков кровли, непрерывные вздохи ветра в умирающем здании. Уже почти под самой стеной церкви Ригби и Манди остановились, посоветовались шепотом. Затем Манди бесшумно исчез за углом церкви, Ригби подождал с минуту и, подойдя к узкому входу в задней стене, толкнул дверь. Она медленно открылась, тяжело заскрипев на петлях. Ригби скрылся внутри. Смайли остановился снаружи, как вдруг все шумы ночи покрыл вопль, такой резкий, сильный, звенящий, что, казалось, он не из одной точки исходил, а несся отовсюду, летя на крыльях ветра в растерзанное бурей небо. И Смайли мысленно увиделась Юродивая Джейни — жалкая фигура у теплицы, — и в диком ее крике услышалась вновь леденящая нота безумия. Он помедлил еще мгновение. Отзвук замер. Медленно, испуганно пошел он по снегу к распахнутой двери.

Две свечи и лампада с голого алтаря тускло озаряли крохотную церковь. На предалтарной ступени сидела Джейни и мутно глядела на вошедших. Ее пустоглазое лицо было пятнисто размалевано зеленым и синим, грязная одежда утыкана и перевита вечнозелеными веточками падуба, а на полу вокруг нее лежали тела зверюшек и птиц.

На скамьях тоже разложены были зверюшечьи и птичьи трупки, а на жертвеннике — наломанные ветки падуба и кучки листьев. Между свеч стоял грубо сделанный крест. Обойдя Ригби и быстро пройдя по приходу мимо обвисло сидящей Джейни, Смайли остановился у алтаря. Поколебавшись, он обернулся, тихо подозвал Ригби.

На кресте, распяленная на трех его концах, как грубое подобие диадемы, висела нитка зеленых бус.

Глава 8

ЦВЕТЫ ДЛЯ СТЕЛЛЫ

Смайли проснулся — в ушах отзвук ее вопля. На часах половина восьмого, а решено ведь было спать допоздна. На дворе полутемно; включил лампу у изголовья, огляделся, как сова, вокруг. Вон брюки-брошены на спинку стула, штанины еще мокрые от снега. Вон там туфли; придется купить новые. А вот у постели заметки, которые сделал под утро, прежде чем уснуть, — записал по памяти обрывки из того, что лепетала Джейни дорогой. Никогда не забудет он это их возвращение в Карн. Манди сидел с ней на заднем сиденье. Она говорила поребячьи сама с собой, задавала вопросы и затем отвечала себе терпеливым тоном взрослого, для которого ответ яснее ясного.

Мозг ее одержим был одним: она видела дьявола. Видела, как его мчал ветер и серебряные крылья распростерты за спиной. Воспоминание об этом то веселило ее, то переполняло сознанием ее особой значительности или красоты, то ужасало, и тогда она стонала, плакала, молила дьявола отступить, и Манди мягко уговаривал и успокаивал ее. Смайли думал о том, способны ли по-настоящему привыкнуть полицейские к этой нечистоте, к вонючим тряпкам на нищем теле, к скулежу идиотов, цепляющихся, плачущих, кричащих. С ночи убийства она, должно быть, все это время, сутки за сутками, скиталась, находя себе пищу в поле и в мусорных ящиках... Что натворила она той ночью? Что увидела? Убила Стеллу Роуд? Увидела убийцу и вообразила, что это дьявол, летящий по ветру? Но почему вообразилось ей такое? А если не она убила Стеллу Роуд, что могло так напугать ее, что в ужасе три долгие зимние ночи проблуждала она по лесу, как зверь? Или это демон безумия обуял Джейни и придал смертоносную силу ее рукам? Не этот ли крылатый демон все мерещится ей?

Ну а бусы, пальто, а следы чьих-то ног — как объяснить следы? Он лежал и думал и ни до чего не мог додуматься. Наконец подошло время вставать — сегодня ведь похороны.

Только поднялся с постели, как зазвенел телефон. Звонил Ригби. Голос его звучал напряженно и настоятельно.

— Нам бы повидаться, — сказал он. — Может, зайдете ко мне?

— До или после похорон?

— До, если можно. Сейчас бы.

— Буду у вас через десять минут.

У Ригби впервые со времени их знакомства был усталый и хмуро-озабоченный вид.

— Я по поводу Юродивой Джейни, — сказал он. — Шеф считает, ей должно быть предъявлено обвинение.

— В чем?

— В убийстве, — лаконично ответил Ригби и пододвинул к Смайли через стол тоненькую папку. — Дуреха дала показание... признание вроде бы.

Смайли молча стал читать это причудливое показание. Оно было подписано вершковыми каракулями — «Д» и «Л», инициалами Джейни. Полисмен, бравший показание, поначалу пытался изложить его сжатым и понятней, но к низу первого листа, видимо, махнул рукой. Смайли насилу добрался до описания убийства.

«И говорю моей голубке, говорю ей: „Не будь неслухом, не смей знаться с дьяволом“, а она не слушается, ну, я рассердилась, а она все свое. Нож острый мне, кто с дьяволом ночами ходит, так я ей и сказала. Ей бы падубом от него, мистер, падубом, вот бы чем. Я ей говорила, мистер, а

она никак не слушалась, вот и весь Джейнин сказ, но Джейни отогнала-таки дьявола, и мне спасибо скажут, моя голубка скажет, а бусы я взяла для святых, на украшение храма, а пальто взяла — пальтом от холода спасаюсь».

Ригби смотрел, как Смайли не спеша кладет папку на стол.

— Ну, как вы это оцените? Смайли помялся.

— По тексту судя, белиберда порядочная, — ответил он наконец.

— Само собою, — сказал Ригби с ноткой презрения в голо се. — Шлялась, искала, скорей всего, чего бы стащить, и что-то там увидела, а что, господь ее ведает. Возможно, с трупа сняла бусы или подобрала, где их убийца бросил. Чье пальто, мы дознались. Одного тут мистера Джардайна, булочника из Карн-Иста. Миссис Джардайн в среду пожертвовала это пальто Стелле Роуд для беженцев. Джейни, надо думать, стащила его из теплицы — «от холода спастись». Но она такая же убийца, как вы или я. Следы-то ног в саду, следы перчаток в теплице куда девать прикажете? А потом, где ей было, слабосильной, протащить тело сорок футов по снегу? Тут работа не женщины, а мужчины — любому ясно.

— Тогда, собственно, что же?..

— Розыск нами прекращен, и мне поручено подготовить дело по обвинению Джейни Лин, жительницы деревни Пилль, в предумышленном убийстве Стеллы Роуд. Я хотел вам сообщить сам, пока еще во всех газетах не пропечатано. Чтобы вы знали, как оно получилось.

— Благодарю.

— А покамест, — сказал Ригби, — если чем могу содействовать, то по-прежнему со всей нашей охотой. — Он помешкал, хотел сказать еще что-то, но передумал.

Смайли спускался по широкой лестнице донельзя злой от сознания своей бесполезности, а для участника похорон это не совсем подходящее настроение.

Церемония похорон проведена была безукоризненно. Ни цветы и венки, ни сами собравшиеся не преступили меру должного. Похоронили миссис Роуд не у Аббатства, а (из уважения, возможно, к простоте ее вкусов) на кладбище приходской церкви Северных полей. Ректору присутствовать помешали, как обычно, дела, и он прислал вместо себя жену, очень неопределенную особу маленького роста, долгое время прожившую в Индии. Д'Арси был на переднем плане, суетился у всех на виду, как хлопотливый церковный сторож. Явился и мистер Кардью, чтобы бедная покойница не заплуталась одна среди нелривычностей англиканского обряда. Присутствовали и Хекты — Чарльз, весь в черном, выбритый до блеска, и Шейн, в драматически-траурных одеждах, в шляпе с очень широкими полями.

Смайли, как и другие, предвидя нездоровый интерес карнской публики к предстоящей церемонии, пришел в церковь загодя и занял место при входе. Он с любопытством приглядывался к входящим — не мистер Роуд ли это.

Вошли несколько торговцев, мясисто впрессованных в черную саржу, при черных галстуках, и сели кучкой в южной стороне, поодаль от преподавателей и преподавательских жен. Вскоре к ним присоединились горожанки, единовверки миссис Роуд, а затем и Ригби, посмотревший на Смайли в упор, но не подавший вида. Пробило три, и одновременно с боем часов через порог медленно шагнул высокий старик, ни на кого не глядя и никого здесь не зная. Рядом с ним шел Стэнли Роуд.

Первый взгляд на Роуда ничего не сказал Смайли. Лицо Стэнли Роуда не отражало ни сильного характера, ни яркого темперамента — заурядное, ординарное, непородистое лицо, начинающее уже расплываться. Под стать лицу заурядные черные волосы, заурядное коротковатое тело. На лице — приличное случаю скорбное выражение. Смайли глядел, как Роуд идет по центральному проходу и садится среди главных участников, и ему подумалось, что уже

своей походкой и повадкой Роуд сумел выразить нечто полностью чуждое Карну. Если втыкать авторучку в верхний кармашек пиджака, отдавать предпочтение пестрым пуловерам и коричневым галстукам, а при ходьбе слегка припрыгивать и выворачивать ступни наружу — если это черты вульгарности, тогда Роуд, вне всякого сомнения, вульгарен, ибо хотя его и нельзя уличить сейчас в перечисленных грехах, но манера Роуда подразумевает их все до одного.

Хоронившие вышли вслед за гробом на кладбище и собрались у вырытой могилы. Д'Арси и Филдинг стояли бок о бок, видимо, сосредоточась на погребальном обряде. Высокий старик, подошедший вместе с Роудом, выказывал сейчас явное волнение, и Смайли догадался, что это Сэмюель Гластон, отец Стеллы. Погребение кончилось, и старик, кивнув Роуду, тотчас двинулся прочь, скрылся в церкви. Шел он с видимым усилием, словно борясь с ветром.

Вся группка медленно пошла от могилы, и остался один Роуд — странно окоченелая фигура, стесненно-напряженная, с широко раскрытыми, но какими-то незрячими глазами, с губами, сжатыми в строгую, педагогическую линию. Затем Роуд как бы очнулся — из тела внезапно ушла окоченелость, и Роуд тоже — медленным, но вполне уверенным шагом — направился от могилы к людям, снова собравшимся кучкой у кладбищенских ворот. Но тут Смайли удивил стоявший с краю Филдинг. Завидя приближавшегося Роуда, Филдинг с отвращением пошел решительно и быстро прочь. Это не был рассчитанный поступок человека, желающего оскорбить, — уход Филдинга остался не замечен ни Роудом, ни остальными. На сей раз Теренс Филдинг был, кажется, во власти подлинного чувства и не заботился о производимом впечатлении.

Сделав над собой усилие, Смайли подошел к группе у ворот. Роуд стоял несколько на отшибе. Здесь были Д'Арси с сестрой, еще три-четыре преподавателя. Стояли, помалкивали.

— Если не ошибаюсь, мистер Роуд? — осведомился Смайли.

— Да, вы не ошиблись. — Роуд произносил слова тщательно, не спеша, но дорсетский говор слегка сквозил.

— Я по поручению мисс Бримли, редактора «Христианского голоса».

— Так.

— Она сочла прямым долгом послать на похороны представителя от журнала. Я подумал, вам не будет неприятно узнать об этом.

— Я видел ваш венок, весьма благодарен за сочувствие.

— Жена ваша была одной из самых верных наших читательниц, — продолжал Смайли. — Мы считали ее как бы членом нашей семьи.

— Да, она любила «Голос».

То ли Роуд всегда такой бесстрастный, то ли горе сделало его апатичным, подумал Смайли.

— Вы когда приехали из Лондона? — спросил неожиданно Роуд.

— В пятницу.

— На субботу-воскресенье, значит, к нам — полезное с приятным?

Смайли так удивили эти слова, что он не сразу нашелся, что ответить. А Роуд глядел на него и ждал ответа.

— У меня здесь кое-какие знакомые... Мистер Филдинг...

— А-а, Теренс.

«По имени даже», — подумал Смайли, убежденный, что не настолько уж Роуд короток с Филдингом.

— Я желал бы, если можно, написать небольшой некролог для «Голоса». Вы не возражаете?

— Стелле это было бы приятно.

— Вам, разумеется, не до того, но разрешите все же заглянуть к вам завтра — почерпнуть

один-два факта для некролога.

— Пожалуйста.

— В одиннадцать утра?

— Милости прошу, — ответил Роуд почти бойко, и они вместе вышли из ворот кладбища.

Глава 9

СКОРБЯЩИЕ

Дешевый это трюк — морочить человека, на которого свалилась смерть жены. Смайли признавал это, тихо отворяя калитку, идя по двору, где позапрошлой ночью состоялся его странный разговор с Джейни Лин. Он признавал, что визит его к Роуду сейчас — поступок некрасивый, под каким бы благим предлогом он ни совершался. На протяжении всей своей секретной работы Смайли никак не удавалось убедить себя, что цель оправдывает средства. Такова уж была особенность его характера. Строгий критик своих побуждений, он путем долгих наблюдений над собой установил, что не так уж холодно рассудочен, как можно бы подумать, судя по привычкам и вкусам. Во время войны начальство отозвалось о нем однажды: «Хитроумен, как сам сатана; совестлив, как невинная девчонка», — и, по мнению Смайли, этот отзыв не слишком грешил необоснованностью.

Он нажал кнопку звонка и стал ждать. Стэнли Роуд, очень чисто одетый и выбритый, открыл ему дверь.

— А, здравствуйте, — приветствовал он Смайли, словно старого приятеля. — Послушайте, вы не на машине прибыли?

— К сожалению, осталась в Лондоне.

— Ну, не беда, — сказал Роуд с ноткой огорчения. — А я подумал, прокатились бы вдвоем и попутно бы поговорили. Тошновато тут одному болтаться. Мисс Д'Арси пригласила меня пожить у них. Очень добрые они люди, что и говорить, но как-то мне пока туда не хочется.

— Я вас понимаю,

— В самом деле? — Они стояли в передней, Смайли стянул пальто, а Роуд ждал, чтобы принять и повесить. — Я не думаю, чтобы многие понимали это тоскливое состояние. Знаете, что сделали ректор и Д'Арси? С самыми лучшими, конечно, намерениями. Все мои работы — экзаменационные, которые я должен был проверить, — все роздали другим преподавателям. А мне что прикажете делать одному в пустом доме? Ни занятий, ничего. От всего освободили, все распределили. Можно подумать, хотят от меня избавиться.

Смайли неопределенно кивнул. Роуд повел его в гостиную.

— Я знаю, они это с наилучшими намерениями, как я уже сказал. Но в конце концов, надо же мне чем-то заняться. Часть моих работ досталась Саймону Сноу. Вы с ним, случайно, не знакомы? Одному моему ученику он выставил оценку — шестьдесят один балл. А ученик — абсолютный тупица. Я еще в начале семестра уведомил Филдинга, что неминуемо придется Перкинса оставить на второй год. И неплохой парнишка этот Перкинс. Староста корпуса. Для него и тридцать баллов сказочная оценка. Я, правда, не смотрел еще работ, но это же невероятно, совершенно невероятно.

Сели.

— Я, конечно, желаю мальчику всяческих успехов. Мальчик неплохой — не блещет, но хорошо воспитан. Мы с миссис Роуд собирались пригласить его к чаю в этом семестре. И если бы не...

Пауза. Затем Смайли открыл было рот, но хозяин встал, сказал:

— Чайник уже вскипел, мистер...

— Смайли.

— Чайник уже вскипел, мистер Смайли. Разрешите предложить вам чашку кофе. — Опять этот жесткокрахмальный голосок с отутюженными уголками, точно взятый напрокат визитный

костюм, подумал Смайли.

Через несколько минут Роуд вернулся, неся поднос, и аккуратно отмерил кофе себе и гостю — сообразно с запросами.

Смайли беспрестанно раздражали претензии Роуда на светскость, его постоянные потуги скрыть свое происхождение. А оно сквозило во всем, в каждом слове и жесте — в том, как он оттопыривал локоть, неся чашку ко рту, и как, садясь, поддергивал штанины быстрым и опытным движением.

— Нельзя ли, — начал Смайли, — нельзя ли мне теперь...

— Действуйте, мистер Смайли.

— Нас, разумеется, интересует преимущественно то, что связывало миссис Роуд с... нашей верой.

— Разумеется.

— Вы венчались в Брэнксоме, не так ли?

— В Брэнксомской нагорной молельне. Отменный храм, Д'Арси поморщился бы, услышав эти слова и тон: парень — хват на мотоцикле, из кармашка торчат карандашики.

— Дата венчания?

— Сентябрь пятьдесят первого.

— Участвовала ли в Брэнксоме миссис Роуд в благотворительной деятельности? Я знаю, что здесь, в Карне, она проявляла большую активность.

— В Карне — да, а в Брэнксоме не участвовала. Там она ведь занята была заботами об отце. Ее здесь увлекла помощь беженцам. А это всерьез развернулось только несколько лет назад, затем в прошлом году тоже...

Смайли задумался, очкасто засмотрелся на Роуда и, моргнув, отвел глаза.

— Принимала ли она большое участие в общественной жизни Карна? Для жен персонала у вас организован, вероятно, кружок домоводства и всякое такое? — спросил Смайли невинным тоном.

— Да, некоторое участие принимала. Но, не принадлежа к англиканской церкви, она общалась главным образом с прихожанами из городской молельни... вам бы у мистера Кардью справиться, у их священника.

— Но можно ли мне будет написать, мистер Роуд, что она принимала активное участие также и в школьной жизни?

Роуд помедлил.

— Да, конечно, — сказал он.

— Благодарю вас.

Помолчали, затем Смайли продолжал:

— Миссис Роуд, разумеется, памятна читателям нашим как победительница кулинарного конкурса. Она, очевидно, хорошо готовила, мистер Роуд?

— Очень хорошо — простые блюда, без затей.

— Быть может, вы особо хотели бы отметить что-либо, чем она сама гордилась и желала бы остаться памятна?

Роуд взглянул без всякого выражения. Пожал плечами.

— Не знаю, право. Не помню ничего такого. А впрочем, упомяните, что отец ее был мировым судьей на Севере. Она этим гордилась.

Смайли допил кофе и встал.

— Вы очень терпеливо отнеслись к моему вторжению, мистер Роуд. Прошу верить, мы вам крайне признательны. Я позабочусь, чтобы вам был выслан сигнальный экземпляр.

— Спасибо. Я ведь это для нее. Она любила «Голос». С детства читала и любила.

Они пожали друг другу руки.

— Кстати, вы не знаете ли, где я мог бы разыскать старого мистера Гластона? Он сейчас в Карне или уже вернулся в Брэнксом?

— Вчера он был здесь. В Брэнксом отбывает сегодня днем. До отъезда с ним из полиции еще хотели повидаться.

— Понимаю.

— Он остановился в «Гербе Солеев».

— Благодарю вас. Я, прежде чем уехать, попытаюсь, быть может, увидаться с ним.

— А вы когда уезжаете?

— Думаю, что очень скоро. Что ж, всего хорошего, мистер Роуд. Да, кстати...

— Слушаю вас.

— Если когда-либо окажетесь в Лондоне и нечем будет время занять, поговорить захочется... чашку чаю выпить, то знайте, что вы всегда желанный гость в «Голосе». Всегда.

— Спасибо. Большое спасибо, мистер...

— Смайли.

— Спасибо за столь любезное приглашение. Давненько я таких приглашений не получал. Как-нибудь воспользуюсь им непременно. Вы очень добры.

— До свидания.

Они снова обменялись рукопожатием. Рука у Роуда была сухая и прохладная. Гладкая рука.

Смайли вернулся в отель, сел за столик в опустевшей диванной и написал мистеру Гластону записку:

Уважаемый мистер Гластон,

Я нахожусь здесь по поручению мисс Бримли, редактора «Христианского голоса». При мне имеются письма, полученные нами от Стеллы, и, мне кажется, Вам будет небезынтересно их прочесть. Простите, что беспокою Вас в такой печальный момент, но мне сказали, что Вы сегодня уезжаете из Карна, и хотелось бы повидать Вас до отъезда.

Он тщательно заклеил конверт и прошел к столу портье. Там никого не оказалось, он позвонил в колокольчик и стал ждать. Наконец явился портье — старый тюремщик с серым, щетинистым лицом — и, подвергнув конверт длительному и критическому осмотру, согласился за щедрое вознаграждение отнести его мистеру Гластону в номер. Смайли остался у стола ждать ответа.

Сам Смайли принадлежал к типу тех одиноких людей, что являются в мир словно сразу уже восемнадцатилетними и вполне умудренными. И по профессии своей, и по натуре он тяготел к безвестности. Темные закоулки шпионажа населены не дерзкими и красочными авантюристами из романов. У того, кто подобно Смайли годами жил и работал среди врагов его страны, — у того на устах одна лишь молитва: «Пусть меня никогда, никогда не замечают». Стать неотличимым от среды — вот его главнейшее стремление; ему с каждым днем все милее уличные толпы, что проходят и не взглянув на него. Он льнет к толпе, ибо в безымянном слиянии с толпой его спасение. Страх заставляет его радоваться унижениям — он обнять готов снующих покупателей, в спешке сталкивающих его с тротуара. Он расцеловать готов чиновников, полицейских, автобусных кондукторов за жесткое их безразличие.

Но этот страх, это подобоострастие, эта зависимость развили в Смайли восприимчивость к людским оттенкам — женски быструю способность проникать в характеры и побуждения. Он знал людей, как охотник и лисица знают лес. Ведь шпион обязан охотиться в то самое время,

когда и на него идет охота. Толпа — его лес. Смайли способен был копить в памяти людские жесты и слова, запечатлевать перекрестную игру взглядов и движений — как регистрирует память охотника смятый папоротник и сломанный сучок, как замечает лисица признаки опасности.

И поэтому, терпеливо ожидая у стола, припоминая вес события, вжатые в сорок восемь минувших часов, он был способен упорядочить и беспристрастно рассмотреть их. В чем причина такого отношения Д'Арси к Филдингу, точно их поневоле связала, сделала сообщниками какая-то постыдная тайна? Глядя поверх запущенного сада отеля, Смайли за свинцовой крышей Аббатства различал знакомые крепостные зубцы карнских корпусов, преграждающие доступ новому миру, ограждающие безопасность старого. Мысленно он видел перед собой подворье, выходящих из Аббатства мальчиков в черном, видел эти групповые праздные позы, от которых веет Англией XVIII столетия. И видел другую школу — городскую среднюю, пестренькое зданье сбоку управления полиции, напоминающее сторожку на пустом кладбище, — школу, столь же далекую от атмосферы Карна, сколь далеки ее кирпич и песчаник от шафранных зубцов главного корпуса.

Да, подумал он, дальний, длинный путь проделал Стэнли Роуд от Брэнксомской классической школы. И если это он убил, тогда — уверен Смайли — объяснение мотивов и даже способа убийства следует искать на этом трудном пути в Карн.

— Очень любезно с вашей стороны, — сказал Гластон. — И со стороны мисс Бримли. Хорошие люди у них в журнале. Всегда отличались добротой. — Он сказал это так, словно говорил о добротности, о качестве, беспримесном и хорошо ему знакомом.

— Прочтите прежде эти письма, мистер Гластон. Боюсь, что второе письмо поразит вас. Но я уверен, что не вправе был бы утаить его от вас.

Они сидели в диванной, и гигантские кактусы возвышались по бокам, как часовые. Смайли подал Гластону оба письма. Старик принял их твердой рукой и стал читать, держа на удалении от глаз, откинув назад крепкий затылок, прищурился веки, сжав губы в линию, жестко загнутую вниз по углам. Наконец он сказал:

— Вы служили с мисс Бримли во время войны, не так ли?

— Да, я работал с Джоном Лэндсбери.

— Понятно. И поэтому она к вам обратилась?

— Да.

— Вы баптист?

— Нет.

Гластон помолчал, положив письма на стол перед собой, сложив руки на коленях.

— Стэнли был баптистом, когда они поженились. Потом переменял веру. Вам это известно?

— Да.

— У нас на Севере так не поступают. Веру свою мы отстаивали и отстаивали. Это как право голоса примерно.

— Я понимаю.

Спина старика была по-солдатски прямая. Вид у него был не скорбный, а строгий. Совершенно неожиданно он перевел глаза на Смайли и взгляделся длинным и пристальным взглядом.

— Вы учитель? — спросил он, и Смайли подумал, что в свое время Сэмюель Гластон явно был делец не промах.

— Нет... Я теперь вроде бы в отставке.

— Женаты?

— Был женат.

Гластон опять погрузился в молчание, и Смайли пожалел в душе, что потревожил старика.

— Стрекотунья была, стрекотунья, — промолвил Гластон наконец.

Смайли ничего на это не сказал.

— Вы полиции сообщили про письма? — спросил Гластон.

— Да, но там и так знали. Знали то есть о страхах Стеллы, будто муж хочет ее убить. Она пожаловалась было мистеру Кардью...

— Священнику?

— Да. Но он подумал, это у нее переутомление... нервное расстройство.

— А вы иначе думаете?

— Я не знаю. Просто-напросто не знаю. Но, исходя из того, как отзываются о вашей дочери, я не верю, чтобы она была душевно неуравновешена. Что-то реальное вызвало в ней опасения, сильнейший страх. Я думаю, нам нельзя отмахнуться от этого. Ее страхи и постигшую ее затем смерть я не считаю простым совпадением. И поэтому не верю, что ее убила нищенка.

Сэмюэль Гластон медленно кивнул. Смайли казалось, что старик силится выказать интерес отчасти из вежливости, отчасти же, чтобы скрыть потерю интереса к самой жизни.

Затем, после длинной паузы, Гластон аккуратно сложил и возвратил письма. Смайли подождал, не скажет ли он что-нибудь еще, но Гластон молчал.

Помедлив, Смайли встал и тихо вышел из диванной.

Глава 10

ДАМОЧКИ

Шейн Хект улыбнулась, опять отпила из бокала.

— Херес недурен, — сказала она Смайли. — Вы, должно быть, ужасно важная персона, если Д'Арси так расщедрился. Вы что, принц инкогнито?

— Увы, нет. В субботу вечером я и Д'Арси обедали оба у Теренса Филдинга, и Д'Арси пригласил меня на рюмку хересу.

— Теренс такой злой — не правда ли? Чарльз не выносит его. Боюсь, что они совершенно по-разному понимают спартанский идеал... Бедный Теренс. Это его последний семестр, знаете ли.

— Я знаю.

— Вы так мило сделали, что пришли вчера на похороны. Ненавижу похороны, а вы? Черный цвет так антисанитарен. Мне навсегда запомнились похороны короля Георга V. В те времена лорд Солей состоял при дворе и был так любезен, дав Чарльзу два пригластительных билета. Боюсь, что это нас развратило, мы утратили вкус к обычным похоронам. Но я вообще с подозрением отношусь к похоронам, а вы? По-моему, они, в сущности, род увеселения для низших классов, с вишневым ликером и тминным тортом в гостиную. В нашей среде теперь отдают предпочтение т и х и м похоронам: никаких цветов, лишь краткое прощальное слово и заупокойная служба потом.

Маленькие глазки Шейн маслились от удовольствия. Она допила вино и протянула Смайли пустой бокал.

— Если вам нетрудно, голубчик. Ненавижу херес, но Феликс такой скарעד.

Смайли налил ей из стоящего на столе графина.

— Ужасная история это убийство, не правда ли? Эта ни щенка, видимо, буйнопомешанная. Я всегда считала — Стелла Роуд такая милая... и такая необычная. Так искусно умела обновить старое платье... Но какие курьезные у нее были знакомства. Пристрастие к Гансам-дровосекам, фигурально вы ражаясь, и к Педро-рыбакам.

— Ее любили здесь, в Карне? Шейн Хект нежно засмеялась.

— В Карне никого не любят... а ее и вовсе мудрено было любить... По воскресеньям она носила черный креп... Простите, но неужели это у низших классов так заведено? Горожанам, думаю, она нравилась. Они обожают перебежчиков из Карна. Но чего же ожидать — она ведь была сектантка какая-то.

— Баптистка, по-моему, — недолго думая сказал Смайли. Шейн с непритворным любопытством поглядела на него.

— Как мило, — проворковала она. — Скажите-ка мне, кто вы такой?

Смайли отшутился — безработный, мол, — беспокожно подумав, что чуть-чуть не стал рапортовать ей, как маленький мальчик большой тете. Сама уже ее безобразная внешность, размеры, голос в сочетании с даром изошренного злословия имели опасное свойство подчинять собеседника. Смайли невольно пришло на ум сравнение с Филдингом. Но для Фиддинга окружающие почти не существуют, а для Шейн Хект они существуют — существуют затем, чтоб их подвергнуть тщательным пробам на светскость, уличить, осмеять, отсеять, уничтожить.

— Я прочла в газете, что отец ее весьма состоятелен. Северные нувориши, второе поколение. Просто замечательно, как неразвращена она была... как естественна... Ведь вовсе же не обязательно ей было ходить в прачечную или водиться с нищими... Хотя, конечно, у северян

свои обычаи, неправда ли? На всем пространстве от Ипсвича до Ньюкасла вы не наберете трех приемлемых семейств. Вы откуда сами, вы сказали?

— Из Лондона.

— Как прелестно. Я однажды была на чае у Стеллы. Сразу же молоко... в индийский чай. Все так по-другому. — И, быстро взглянув на Смайли, Шейн проговорила: — Знаете ли, что я вам скажу? Она вызывала во мне восхищение — так нестерпима мне она была. Стелла была из тех утомительных, куцых снобов, для которых одни только убогие праведны. — И, улыбнувшись, Шейн добавила: — Я даже согласна была с Чарльзом относительно Стеллы Роуд — а это уже кое о чем говорит. Если вас занимают наблюдения над родом человеческим, то пойдите-ка понаблюдайте Чарльза. Контраст между нами разителен.

Но в этот момент к ним подошла сестра Д'Арси — костистая, мужеподобная, с неопрятно взбитой седой прической и надменным, хищнозубым ртом.

— Доротея, милочка, — проворковала Шейн, — какой чудесный у вас прием. Как вы добры. И так увлекательно встретиться с лондонцем, вы не находите? Мы разговаривали о похоронах бедной миссис Роуд.

— Что ж, пусть у Стеллы манеры ни к черту не годились, но зато беженцам, Шейн, она сделала много добра.

— Беженцам? — невинно переспросил Смайли.

— Да. Она собирала для них одежду, мебель, деньги. Одна из тех немногих преподавательских жен, что не на словах лишь помогают мне. — Доротея колоча покосилась на Шейн Хект, но та глядела мимо нее, улыбалась милостиво мужу. — Деловитая была, как пчелка. Не боялась засучить рукава, не гнушалась ходить от дома к дому. И единоворок своих впрягла в дело, и массу всего собрали. Этого, знаете ли, у них не отнимешь — духом они крепки. Феликс, еще хересу!

В обеих комнатах насчитывалось десятка два гостей. Но Смайли, слегка опоздавший, застрял в группе из восьми человек, вставших поближе к дверям; здесь стояли Д'Арси с сестрой, Чарльз и Шейн Хекты, молодой математик Сноу с женой, викарий из Аббатства и сам Смайли, смущенно-подслеповатый в своих очках. Войдя, Смайли быстро огляделся по комнатам, но Филдинга нигде не было и следа.

— ...Да, — продолжала Доротея Д'Арси, — деятельная была на диво... вплоть до самого конца. В пятницу я вместе с этим попом из крытой жестью молельни — с Кардью — зашла туда домой прибрать неотосланные вещи для беженцев. Ни вещички не валялось — все запаковано в бумажный мешок, увязано, и адрес написан; нам оставалось только отправить на почту. Чертовски дельная работница она была, скажу вам. И на благотворительном базаре отлично поработала.

— Да, да, милочка, — сладко сказала Шейн Хект. — Помню хорошо. В тот день я представила Стеллу леди Солей. На Стелле была премиленькая шляпка — та, что она по воскресеньям надевала. И такая Стелла была почтительная. К леди Солей обращалась: «миледи». Как в средние века, — выдохнула Шейн, повернувшись к Смайли, — вы не находите, голубчик? Мне эта вассальность всегда так нравится: так мало нас осталось.

В углу математик и жена его разговаривали с Чарльзом Хектом, и спустя несколько минут Смайли, отманеврировав от Доротеи, присоединился к ним.

У юной Энн Сноу было курносое, несколько прямоугольное, миловидное лицо. Муж ее был высок и худ, с приятной сутулиной. Бокал с хересом он держал в своих тонких прямых пальцах, как химическую реторту, а когда говорил, то обращался, казалось, к этому бокалу, а не к слушателю. Смайли приметил чету Сноу еще с похорон. Хект стоял румяный и насупленный и посасывал трубку. Разговор шел о том о сем; его заглушал шумный обмен мнениями по

соседству. Немного погодя Хект отошел и, по-прежнему сердито и отчужденно хмурясь, встал в нарочитом одиночестве у двери.

— Бедная Стелла, — сказала Энн Сноу, помолчав. — Прощу прощения, — прибавила она. — Но все еще нейдет из головы. Безумие, как подумаешь, просто безумие. Ну зачем, ну для чего эта Джейни убила ее?

— Вы любили Стеллу? — спросил Смайли.

— Конечно же. Она была хорошая. Мы в Карне вот уже четыре семестра но за все это время она единственная сердечно к нам отнеслась. — Муж ничего не сказал, лишь кивнул своему бокалу. — Саймон, видите ли, не питомец Карна, а здешние преподаватели в большинстве карнианцы, так что старых знакомых у нас здесь нет и никто нами, в сущности, не интересуется. Все они, конечно, делают вид, что ужасно рады нам, но одна только Стелла действительно...

Тут на них хищно налетела Доротея Д'Арси.

— Миссис Сноу, — сказала она жестко. — У меня к вам дело. Хочу, чтобы вы взяли на себя беженскую работу Стеллы Роуд. — Доротея бросила испытующий взгляд на Саймона Сноу. — Ректора чрезвычайно занимает помощь иммигрантам.

— О господи! — простонала в ужасе Энн Сноу. — Я никак не могу, мисс Д'Арси, я...

— Не можете? Как так не можете? Вы ведь помогли миссис Роуд торговать с лотка на благотворительном базаре?

— Так вот откуда Стеллины платья и шляпки, — прошелестела Шейн Хект за спиной у них.

— Но... у меня, ну как бы это сказать, нет той смелости, что у Стеллы, — лепетала Энн. — И потом, она была баптистка, я горожане помогали ей, вещи жертвовали, они все любили ее. А у меня совсем не то будет.

— Вздор и чушь, — изрекла мисс Д'Арси, говорившая со всеми, кто моложе ее, как с прислугой или озорными детишками.

— Баптисты — это те, что против семейных скамей, не правда ли? — сказала Шейн Хект. — Я с ними всецело согласна — ведь если за скамью заплачено, то уже волей-неволей приходится ходить в церковь.

Викарий, толковавший в углу о крикете, встrepенулcя и кратко запротестовал:

— Право же, миссис Хект, у частных скамей было немало преимуществ...

И он пустился в пространное восхваление древних обычаев. Шейн наружно вся была внимание и интерес. Наконец викарий кончил, ока сказала:

— Благодарю вас, голубчик Уильям, это так мило, — обратилась к нему спиной и звучным шепотом сообщила Смайли:

— Уильям Трампер — из бывших учеников Чарльза, такое было ликование, когда он выдержал выпускные экзамены.

Смайли, вовсе не желая быть соучастником мести, вершимой над викарием, повернулся было к Энн Сноу, но ту все еще терзала мисс Д'Арси своими благотворительными замыслами, а Шейн между тем продолжала ему говорить:

— Я про одного-единственного только Смайли слышала, Он женился на леди Энн Серком в конце войны. Она, понятно, вскоре ушла от него. Престранная была пара. Как я слышала, он совершенно неприемлем. Она же как-никак родня лорду Солею. Род Солеев вот уже четыреста лет связан с Карном. Молодой Солей, наследник, учится сейчас у Чарльза; мы часто обедаем в замке. Я так и не знаю, что случилось с Энн Серком... уехала в Африку... или же в Индию? Нет, в Америку. В замке об этом не принято говорить.

На мгновение шум разговоров схлынул. На мгновение, не более, Смайли перестал

воспринимать все, кроме упорного взгляда Шейн Хект; и он знал, что она ожидает ответа. Но вот она отвела взгляд, как бы говоря: «Видите, я могла бы раздавить вас. Но так и быть, живите», — отвернулась и отошла.

Он словчил — простился и вышел в одно время с Энн и Саймоном Сноу. Их ожидал старенький автомобиль, и Сноу настояли, чтобы и Смайли сел — они подбросят его в отель. Дорогой он сказал:

— Если перед вами нет сегодня лучшей перспективы, то я счастлив буду пригласить вас отобедать со мной сейчас в отеле. Догадываюсь, что обеды там отвратные.

Поотнекивавшись, Сноу приняли приглашение, и четверть часа спустя все трое сидели в углу громадной обеденной залы «Герба Солеев», к великому прискорбию троих официантов и доброго десятка поколений Солеев-предков — напыщенных и шелушащихся портретов.

— Мы по-настоящему узнали ее только с год назад, — стала досказывать Энн Сноу. — Стелла мало общалась с женами других преподавателей — к тому времени она уже обожглась и поумнела. Она не посещала чаепитий и тому подобное, и это просто счастливый случай нас свел. Когда мы приехали в Карн, для нас не нашлось школьного дома, и мы вынуждены были первый семестр прожить в гостинице. В конце второго семестра мы въехали в домик на Брэд-стрит. Переезд наш был кошмар. Саймон занят был с выпускниками, а у нас как раз полнейшее безденежье, и пришлось все самим ухитряться. Переезжали в четверг утром. Лил дождь, хлестал как из ведра. А вся, какая была у нас, хорошая мебель не пролезала в дверь дома, и грузчики просто-напросто сгрузили меня на порог, и делай что хочешь. — Она рассмеялась, и Смайли подумал, какое она, в сущности, милое дитя. — Они вели себя просто возмутительно. У них бы, я думаю, хватило совести уехать, да им с места не сходя потребовалась оплата. А счет на целых несколько фунтов превысил первоначальную оценку. Чековой книжки у меня, конечно, не оказалось. Осталась у Саймона. Грузчики даже грозились увезти все обратно. Прямо чудовищно. Я чуть не расплакалась. (Она вот уже и сейчас чуть не плачет, подумал Смайли.) Но тут как с неба упала к нам Стелла. Не представляю, как она узнала о нашем переезде — другие-то никто, конечно, и не знали. Принесла рабочий халатик, туфли старые — пришла помогать. А увидела, что тут творится, и не стала даже разговаривать с грузчиками, просто прошла к телефону и позвонила их хозяину мистеру Маллигану. Не знаю, что она ему сказала, но потом подозвала старшего, и Маллиган ему по телефону приказал, и с этой минуты все пошло гладко. Стелла была ужасно рада — рада помочь. Такой она была человек. Грузчики сняли двери с петель и все-все внесли. Стелла оказалась чудесная помощница — не распорядительница, а помощница. Остальные преподавательские жены, — прибавила Энн горько, — ужасно как ловки распорядиться, но и руки не приложат помочь.

Смайли кивнул, скромно налил коньяку в рюмки.

— Саймон увольняется, — вдруг поделилась Энн секретом. — Мы возвращаемся в Оксфорд, ему предоставили там докторантскую стипендию. Получит докторскую степень и будет преподавать в котором-нибудь из университетов.

Выпили за успех Саймона, поговорили о разных разностях, затем Смайли спросил:

— А что представляет собой Стэнли Роуд — как работник и коллега?

— Учитель он неплохой, — сказал Саймон медленно, — но в общении тягостен.

— Это не Стелла, он совсем-совсем иной, — сказала Энн. — Ужасно «карнианский». Д'Арси его взял под опеку, и Роуд совсем помешался на Карне. Саймон говорит, они все таковы — питомцы классических школ. Усердие новообращенного. Противно смотреть. Он даже веру переменял здесь, в Карне. Он, но не Стелла — Стелле бы и не прибрелось такое.

— У англиканской церкви есть чем прельстить Карн, — заметил Саймон, и Смайли понравилась сухая точность фразировки.

— Стелла, очевидно, не слишком дружна была с Шейн Хект, — слегка копнул Смайли.

— Какое там! — с сердцем воскликнула Энн. — Шейн относилась к Стелле гадко, вечно над ней насмехалась за то, что та была честных и простых нравов и душой не кривила. Оттого, по-моему, и ненавидела Шейн Стеллу, что Стелла не желала корчить светскую даму, а предпочитала быть такой, какая есть. Вот что не давало Шейн покоя. Шейн любит, когда другие пыжятся, состязаются в светскости, а она может в досталь над ними глумиться.

— Шейн это любит, и Карн это любит, — негромко прибавил Саймон.

— Она ужасно как хорошо вела работу с иммигрантами. С ними у нее и связаны первые серьезные неприятности, — сказала Энн Сноу, слегка покачивая коньячную рюмку узкой рукой,

— Неприятности?

— Да, перед самой ее смертью. Вам не рассказывали? О ее крупной ссоре с мисс Д'Арси?

— Нет.

— Ну, понятно, что Д'Арси не стали рассказывать. А Стелла сплетнями не занималась.

— Дайте-ка я изложу, — сказал Саймон. — Историйка занятная. Когда начался шум с Годом беженцев, Доротея Д'Арси зажглась благотворительным энтузиазмом, каковым возгорелся и ректор. Доротеины вспышки энтузиазма всегда синхронизированы с ректорскими. Она занялась сбором средств и отсылкой вещей в Лондон. Все это весьма похвально, однако в городе уже проходила, и вполне успешно, кампания помощи иммигрантам, объявленная мэром. Но нет, это Доротее не подходит: Карну и благотворительность нужна своя, отдельная; с плербсом ни компанию водить, ни кампанию проводить. Думаю, что вдохновлял Доротею ее брат. Как бы ни было, но по прошествии нескольких месяцев из Лондонского центра пришел, видимо, Доротее письменный запрос — не примет ли в Карне кто-либо двоих иммигрантов, мужа с женой. Вместо того чтобы огласить это письмо, Доротея тут же написала в Лондон, что сама даст им приют у себя. Что ж, ладно. Эти двое приехали, Доротея и Феликс встали в гордую позу благодетелей, и местная печать разрекламировала это как пример британской гуманности.

А месяца через полтора в один прекрасный день наши муж с женой постучались к Стелле. (Роуды с Д'Арси живут ведь по соседству, да и, помимо того, Стелла пыталась проявить участие к Доротеиным гостям.) Жена лила потоки слез, а муж метал громы и молнии, но Стеллу это не устрасило. Она их тут же провела в гостиную, чаем напоила. Наконец они на простейшем английском все же как-то объяснили, что сбежали от Д'Арси по причине дурного обращения. От жены требовалось с утра до ночи подвизаться в кухне, а мужа приставили в качестве бесплатного псаря к этим пакостным спаниелям, которых разводит Доротея. К безносым этим.

— Той-спаниелям, — подсказала Энн.

— Положение — хуже не придумаешь. Жена беременна, муж — дипломированный инженер, так что оба не вполне годятся на роль домашней прислуги. Они сказали Стелле, что Доротеи до вечера не будет дома — уехала на собачью выставку. Стелла посоветовала им побыть покамест у нее, а вечером пошла и сообщила Доротее о случившемся. Смелости Стелле не занимать было, как видите. То есть дело, собственно, не в смелости, а в простоте и прямоте. Доротея пришла в ярость и потребовала, чтобы Стелла немедленно возвратила «ее беженцев». Стелла в ответ заверила ее, что они не захотят возвращаться, и ушла домой. Дома позвонила в Лондонский центр и спросила у них совета. Оттуда прибыла представительница для беседы с Доротеей и ее подопечными, и в результате беженцы на следующий день вернулись в Лондон... Нетрудно вообразить, какой бы деликатес сделала Шейн Хект из этой истории.

— А она не дозналась разве?

— Стелла никому, кроме нас, не рассказала, а от нас дальше не пошло. Доротея же просто объявила, что беженцам нашлась работа в Лондоне, и на этом точка.

— И давно это случилось?

— Они уехали ровно три недели назад. Стелла в тот вечер ужинала у меня и рассказала, а ты был в Оксфорде на собеседовании, — напомнила Энн мужу. — Было это как раз три недели назад.

— Бедный Саймон теперь кошмарно перегружен, — повернулась она к Смайли. — Феликс Д'Арси нагрузил его еще и всеми экзаменационными работами, которые должен был проверить Роуд. Тут свои успехи проверить, а еще и чужие — кошмар,

— Да, — заметил раздумчиво Саймон. — Неделька выдалась неважная. Ситуация отчасти даже унижительная. У Роуда в классах есть и несколько моих прежних учеников. Кое-кого из них я считал практически невосприимчивым к точным наукам, а Роуд, видимо, добился с ними поразительных успехов. Одному такому — Перкинсу — пришлось поставить шестьдесят один балл. В прошлом же семестре он получил у меня пятнадцать баллов за куда более легкую работу. Его не оставили на второй год лишь благодаря шумному вмешательству Филдинга. Он у Филдинга в корпусе.

— Знаю, знаю — рыжеволосый, староста.

— Вот как! — изумился Саймон. — Неужто знаете?

— Филдинг нас познакомил, — туманно пояснил Смайли. — Кстати, об этом инциденте с иммигрантами вам, кроме Стеллы, никто не рассказывал? Не подтвердил случившегося, так сказать?

Энн Сноу странно посмотрела на Смайли.

— Нет. Только Стелла. Разумеется, Доротея Д'Арси и не заикнулась об этом. Но зато уж и возненавидела же она Стеллу!

Смайли проводил гостей к автомобилю и, несмотря на их протесты, дождался, пока Саймон не завел мотор рукояткой. Наконец машина тронулась и угромыхла по тихой улице. Смайли с минуту еще стоял на тротуаре — странная, одинокая фигура, глядящая в пустую даль дороги.

Глава 11

ОТ ХОЛОДА СПАСАЯСЬ

Пес, не кусавший почтальона; дьявол, которого мчал ветер; женщина, знавшая, что умрет; озабоченный человек в пальто, стоящий в снегу близ отеля; и тягучий перезвон курантов на башне Аббатства, говорящий, что пора спать.

Поколебавшись, пожав плечами, Смайли пересек улицу, поднялся на порог отеля и вступил в желтый, скаредный свет вестибюля. Не спеша взошел по лестнице.

«Герб Солеев» был ему глубоко противен. Заабажуренный свет в холле типичен для всего тут: плох, старомоден, чопорен. Как официанты здешние, как приглушенные голоса в диванной, как этот однокомнатный отвратный номерок с позлащенными и голубыми вазами и с гобеленами в рамках, изображающими сад в Букингемшире.

В комнате стоял ледяной холод: должно быть, горничная открывала окно. Он сунул шиллинг в щель счетчика, зажег газ. Пламя брюзгливо вспузырилось и погасло. Смайли оглядел комнату — не найдется ли где писчей бумаги. К его немалому удивлению, таковая отыскалась в ящике письменного стола. Смайли переделся в пижаму и халат и, ежась, полез в постель. Посидев там зябко минут пять, он встал, принес пальто и постлал поверх стеганого одеяла. *Пальтом от холода спасаюсь...*

Как там у нее в показании? "И мне спасибо скажут, моя голубка скажет, а бусы я взяла для святых, а пальто взяла — *пальтом от холода спасаюсь...*" Пальто это дали Стелле в среду, для беженцев. По смыслу показания резонно бы предположить, что Джейни и пальто из теплицы, и бусы с тела похитила в одно время. Но ведь в пятницу утром Доротея Д'Арси побывала там — да-да, с мистером Кардью, — и вот что она говорила сегодня: «Ни вещички не валялось — все запаковано в посылочный мешок, увязано, адрес написан... Чертовски дельная работница, скажу вам...» Но тогда почему Стелла и пальто не вложила в посылку? Если все прочее запаковала, то почему пальто оставила?

Или же Джейни украла пальто еще днем, прежде чем Стелла упаковала вещи? Если так, то как будто лишний довод, что не Джейни убила. Но нет, не так. Ибо совершенно невероятно, чтобы Джейни днем украла пальто, а вечером того же дня вернулась снова. — Начни сначала, — пробормотал Смайли не то себе в поучение, не то листку бумаги на коленях, украшенному гербом Солеев. — Джейни украла пальто одновременно с бусами, то есть когда Стелла была уже мертва. Отсюда следует, что либо пальто не было упаковано с прочей одеждой, либо же...

Либо что? Либо же кто-то другой — не Стелла Роуд — запаковал вещи уже после смерти Стеллы, но прежде, чем Доротея Д'Арси и мистер Кардью пришли утром в пятницу к Роуду домой. Но за каким бы дьяволом, подумал Смайли, понадобилось кому-то заниматься этой упаковкой?

В проводимых Смайли изысканиях — будь то среди инкунабул безвестного поэта, будь то среди кропотливо собранных обрывков разведданных — одним из кардинальных его принципов было не заходить за пределы четко доказанного. Не придавать фактам, логически раскрытым, не свойственного им значения. Поэтому Смайли не стал распространяться и расширять сделанное им примечательное открытие, а занялся самым неясным из всего — мотивом убийства.

Он стал записывать:

«Доротея Д'Арси. Затаила обиду после фиаско с беженцами. Как мотив убийства — явно жидковато». Но почему она, однако, так разливалась в похвалах Стелле?

«Феликс Д'Арси. Негодовал на Стеллу Роуд за несоблюдение карнинских норм поведения.

Как мотив убийства — смехотворно,

Шейн Хект — ненависть.

Теренс Филдинг. В разумном, здравом мире — ни малейшего мыслимого мотива».

Но разве здоров и разумен мир Карна? Из года в год они должны жить в том же замкнутом кругу, говорить все то же и все тем же окружающим, петь все те же славословия. Ни денег у них, ни надежды. Мир меняется, меняются моды; женщины Карна следят за модой издали, ушивают платья, закалывают волосы, и с каждым новым глянцеви́тым модным журналом подбавляется в них ненависти к мужьям. Шейн Хект — не она ли убила Стеллу Роуд? Не таится ли в бесплодно-всеведущей и дебелий ее туше не только ненависть и зависть, но и храбрость, требуемая для убийства? Не боялась ли она за тупицу мужа, не опасалась ли, что способный Роуд его обскачет? Так ли уж ее в действительности возмуцало, что Стелла не хочет участвовать в крысиных гонках — состязаться в светскости?

Ригби прав — знать это невозможно. Чтобы понять их, надо самому быть нездоровым, быть пациентом здесь, пробыть не два-три дня, а годы, пролежать на одной из рядов поставленных белых коек, узнать запахи их пищи и алчность их взглядов. Надо слышать, самому быть участником, знать их правила и разбираться в проступках. Здешний мир втиснут в рамки уродливых условностей — мирок слепой, ханжеский, но реальный.

Но кое-что бросается в глаза: странная спайка между Феликсом Д'Арси и Фиддингом, несмотря на обоюдную неприязнь; нежелание Д'Арси говорить о ночи убийства; то, что Филдинг явно предпочитал Стеллу Роуд ее мужу; презрение Шейн Хект ко всем вокруг.

Шейн не шла у Смайли из ума. Если бы мир Карна подчинялся логике и кто-то обречен был умереть, то ясно, что обречена была бы Шейн Хект. Она — ходячая кладовая чужих тайн, у нее безошибочный нюх на людские слабости. Разве не вывела она даже Смайли на чистую воду? Не уязвила Смайли этой его горе-женитьбой, не поиграла с ним, как кошка с мышью? Да, уж если кого убивать, то ее.

Но почему, черт побери, убили Стеллу? Почему и как? Кто запаковал затем посылку? И для чего?

Он пробовал уснуть и не смог. Наконец, когда часы на башне пробили три, он снова включил свет и сел в постели. В комнате заметно потеплело, и Смайли было удивился, неужели это среди ночи включили центральное отопление, бездействовавшее весь день. Но тут до его слуха дошел шум дождя на дворе; он подошел к окну, раздернул гардины. Лил дождь, к утру весь снег смоеет. По дороге неспешно шли двое полицейских. Слышно было, как они чавкают башмаками по тающему снегу. Под уличным дуговым фонарем блестели их мокрые плащи.

И вдруг в мозгу у него прозвучал голос Ригби: «Повсюду кровь. Убийца наверняка был сплошь захлестан кровью». Затем Юродивая Джейни замаячила на лунном снегу, и слова: «А Джейни видела... серебряные крылья, как у рыбы... его мчал ветер... а кто из них видел, как дьявол летает...» Ну конечно же — в посылку! Он долго стоял у окна, глядел на дождь. Потом наконец успокоенно вернулся в постель и уснул.

Все утро он пытался дозвониться до мисс Бримли. Каждый раз отвечали, что ее нет, а что ей передать? Ничего. В конце концов часам к двенадцати он дозвонился.

— Джордж, не сердитесь бога ради, здесь миссионер один проездом — пришлось съездить взять интервью, а днем сегодня конференция баптистов. Оба материала даем в номер. Нельзя ли завтра, с самого утра?

— Отчего же, — сказал Смайли. — Конечно, можно. Особой спешки с этим нет. И все равно сегодня еще надо один-два пункта довыяснить.

Глава 12

НЕУЮТНЫЕ СЛОВА

В автобусе было занято. У кондуктора, человека весьма сердитого, имелось что сказать на тему об автобусной компании и почему она терпит убытки. Смайли его легонько подзадоривал, и он излил всю душу, успев за дорогу до Стерминстера обратиться к правлению Дорсетской и Всеобщей транспортной компаний в стадо обуянных бесами свиней, прущих в пропасть добровольного банкротства. Кондуктор объяснил Смайли, как пройти к ветеринару, и, сойдя в крохотном Стерминстере, Смайли уверенно направился к домикам, стоящим кучкой в четверти мили за церковью, на Оукфордской дороге.

У него было скверное чувство, что вряд ли мистер Гарриман ему понравится. Настраивало против Гарримана уже то, что Д'Арси определил его как личность, возвышающуюся над уровнем среды. Смайли не возражал против общественных градаций, но предпочитал устанавливать их сам.

На столбе у ворот табличка: «Стерминстерский питомник. Владелец С. Дж. Рид-Гарриман, ветеринарный врач. Разведение овчарок и охотничьих собак. Лечебница».

Узкая дорожка ведет в глубь двора. Всюду сушатся простыни, белье, рубашки — защитного главным образом цвета. Густо пахнет псиной. Ржавый ручной водонаборный насос, на нем навешано с десяток собачьих поводков. И девочка стоит и грустно смотрит, как Смайли пробирается к дверям по густой грязи. Дернул за проволоку звонка, подождал. Опять дернул, девочка сказала:

— Не работает. Поломано. Сто лет, как поломано.

— Дома есть кто-нибудь? — спросил Смайли.

— Пойду погляжу, — равнодушно ответила девочка и, обзрев Смайли напоследок, скрылась за домом. Потом за дверью послышались шага, дверь отворилась.

— Честь имею! — У Гарримана песочного оттенка волосы, усы. Защитная рубашка, защитный галстук чуть посветлей; военные старые брюки навывпуск и твидовая куртка с кожаными пуговицами.

— Мистер Гарриман?

— Майор, — ответил тот весело. — Но побоку чины. Чем могу?

— Хочу купить немецкую овчарку, — сказал Смайли. — Дом сторожить.

— Вас понял. Прошу в дом. Жена в отлучке. Девчушка не в счет — соседская. Околачивается здесь — собак любит.

Вслед за хозяином Смайли прошел в общую комнату. Сели. В комнате не топлено.

— Сами откуда? — спросил Гарриман.

— Гощу сейчас в Карне, отец живет в Дорчестере. Годы дают себя знать, нервы. Просил меня подыскать ему хорошую собаку. Днем за ней будет ухаживать садовник — кормить, прогуливать и прочее. Садовник приходящий, разумеется, и ночью старику одному беспокойно. Давно уже хочу купить ему собаку, а особенно теперь, когда случилась эта история в Карне.

— Садовник парень подходящий? — справился Гарриман, пропуская мимо ушей слова о Карне.

— Да, очень неплохой.

— Вам собаку не для выставок, — сказал Гарриман. — Вам нужна положительная, надежная. Я бы на вашем месте суку предпочел.

Руки у Гарримана покрыты темным загаром. В рукаве, заметил Смайли, белеет носовой

платок. На загорелом запястье часы — циферблатом к себе, согласно таинственным уставам армейской моды.

— А способна будет такая собака, скажем, кинуться на вора?

— Все от выучки зависит, старина, от выучки. Во всяком случае, облает, отпугнет — а это главное. Прибейте дощечку «Злая собака», пусть порычит разок-другой на развозчиков товара, и прознает вся округа. Взломщики за версту обходить станут.

Вышли во двор, и Гарриман повел клиента к загородке. Из-за проволочной сетки на них яростно затывало с полдюжины щенков-овчарок.

— Хороши чертенята, как на подбор, — крикнул Гарриман сквозь тьяканье. — Боевой народец.

Он отпер дверцу и через некоторое время вынес из загородки толстого щенка, свирепо вгрызшегося ему в полу куртки.

— Эта дамочка вам подойдет, — сказал он. — Для выставок не годится — окрас темноват.

Смайли сделал вид, что колеблется, но уступает убеждениям Гарримана, и согласился наконец. Вернулись в дом.

— Я оставлю вам задаток, — сказал Смайли, — и дней через десять заберу ее. Договорились?

Он дал Гарриману чек на пять фунтов. Снова сели. Гарриман порылся в столе, отыскал справки о прививках, родословную. Потом Смайли сказал:

— Жаль, что у миссис Роуд не было собаки, правда ведь? То есть, возможно, собака спасла бы ей жизнь.

— Да нет, пес был, но она его ликвидировала как раз перед этим, — сказал Гарриман. — Между нами говоря, чертовски странная история. Она любила пса. Чудной такой дворняга, помесь всех пород на свете — но любила. А тут вдруг привезла его и рассказала басню — укусил, мол, почтальона, опасная собака, надо умертвить. На деле ничего подобного. Знакомые мои карнские навели потом справки. Ни от кого никаких жалоб. Почтальон с дворняжкой был в дружбе. В небольшом городке сочинять такие басни — дохлейшая глупость. Тут же разоблачат.

— А с какой вообще стати ей было сочинять? Гарриман сделал жест, покоробивший Смайли, — провел указательным пальцем себе по носу, от переносья вниз, и — верть, верть — подкрутил оба своих нелепых уса. Было в этом жесте нечто робкое — словно, подражая полковничьей манере, Гарриман в то же время боялся, как бы его не осадили.

— Беда с такими, — жестко сказал Гарриман. — Я их со взгляда узнаю. У нас в полку было несколько таких среди офицерских жен. Знаю я этих умильненьких. Воды не замутят, святоши. Церковь цветами украшают и тому подобное — благочестивы, дальше некуда. Она, я бы сказал, из истеричек, из слезоточивых, что жертву из себя любят представлять. Хлебом их не корми, дай только драму разыграть.

— А как относились к ней здесь? — спросил Смайли, предлагая Гарриману сигарету.

— Да не сказал бы, чтобы любили. Благодарю. По воскресеньям, что характерно, ходила в черном. Мы этих черношерстных, воскресных этих непорочниц, у себя на Востоке, бывало, звали воронами. Они в основном неангликанских вероисповеданий. Католички, причем некоторые... Надеюсь, я вас не того...

— Нет-нет.

— А то бывает, что и напорешься. Я их не выношу; как говаривал мой старик отец, предубеждений не имею, но католиков не люблю.

— Вы с ее мужем знакомы?

— Не слишком. Бедняга он, бедняга.

У Гарримана, подумал Смайли, куда больше сочувствия к живым, чем к мертвым. Трудно

сказать — возможно, это общая черта военных.

— Его, я слышал, крепко подкосило это дело. Тяжкий удар судьбы военной, верно? (Смайли кивнул.) Он совсем иной складки. Из низов, службист отличный, офицерской чести не уронит. Вот таких парней женщины и подкашивают.

Дорожкой они прошли к воротам. Смайли простился, пообещав заехать за щенком через недельку. Гарриман крикнул ему вслед:

— Да, кстати...

Смайли остановился, обернулся.

— Не возражаете, я сразу получу по чеку и открою вам кредит на эту сумму?

— Извольте, — сказал Смайли. — Пожалуйста. — И пошел к автобусной остановке, размышляя о странных извивах военного образа мышления.

Тот же автобус повез его обратно в Карн, тот же кондуктор костил хозяев, тот же шофер всю дорогу вел машину на второй скорости. У вокзала Смайли сошел и направился к кирпичной молельне. Тихонько отворил густо лакированную, охряно-желтой сосны готическую дверь и вошел внутрь. Пожилая женщина в переднике начищала тяжелую латунную люстру, висящую над центральным проходом. Помедлив, он приблизился к ней на цыпочках и спросил, где найти священника. Она указала рукой на дверь ризницы. Повинуясь ее жесту, Смайли подошел к двери, постучал, подождал. Ему открыл рослый мужчина в пасторском воротничке.

— Я из «Христианского голоса», — сказал негромко Смайли. — Желал бы с вами посоветоваться.

Выйдя через боковой вход, Смайли с мистером Кардью пошли по ярко-желтым дорожкам меж голыми грядками заботливо возделанного огородика. Сияло солнце. День был холодный и великолепный, воздух бодрящий. Пройдя огородик, вышли на луг. Несмотря на ночной дождь, земля здесь была твердая; ее покрывала невысокая трава. Неспешно прогуливаясь, они разговаривали на ходу.

— Это школьные угодыя. Летом мы устраиваем здесь наши праздничные пикники. Весьма удобно.

Смайли относился к духовным лицам с несколько детской опаской. Он ожидал встретить весианский млат господень — велеречивого и мрачного церковника с пристрастием к библейским образам. А Кардью мало соответствовал такому представлению.

— Меня послала мисс Бримли, редактор «Голоса», — начал Смайли. — Миссис Роуд — наша подписчица. Гластоны выписывают «Голос» со дня основания. Миссис Роуд как бы член нашей семьи. Мы хотели бы дать некролог, отметить ее церковную работу.

— Понимаю.

— Я говорил уже с ее мужем. Нам бы непременно хотелось взять в некрологе верный тон.

— Что же сказал вам муж?

— Посоветовал обратиться к вам за сведениями о ее работе, в частности о помощи иммигрантам.

Помолчали, затем Кардью сказал:

— Она родом с Севера, из окрестностей Дерби. Отец у нее там был человек с состоянием. Впрочем, деньги не поколебали его характера.

— Я знаю.

— Я знавал их семью издавна, с перерывами. Перед ее похоронами снова увиделся с ее стариком отцом.

— Что мог бы я сказать о ее работе для церкви, о ее влиянии на здешних прихожан? Могу ли я сказать, что она пользова лась всеобщей любовью?

— Боюсь, мистер Смайли, — ответил Кардью после краткой паузы, — что я не слишком

высоко ставлю подобного рода писания. Всеобщей любовью никто из людей не пользуется, даже и после смерти.

В речи Кардью сильно слышался североанглийский говор.

— Что же тогда мне сказать? — не унимался Смайли.

— Не знаю, — спокойно ответил Кардью. — А когда не знаю, то храню обычно молчание.

Но уж коль скоро вы были так любезны и обратились ко мне, то скажу, что ангелов мне встречать не доводилось и Стелла Роуд не составляла исключения.

— Но разве не играла она ведущей роли в благотворительных делах?

— Конечно, конечно.

— И разве не поощряла и других споспешествовать?

— О да. Работница она была хорошая.

Молча шагали они рядом. Тропинка лугом спускалась к воде, поворачивала, шла берегом. Речка пряталась в спутанных порослях дрока и боярышника, кроющих оба берега. За рекой стоял недвижимый ряд вязов, а за ними рисовались знакомые очертания Карна.

— Больше у вас нет ко мне вопросов? — неожиданно осведомился Кардью.

— Есть, — ответил Смайли. — Наш редактор была очень обеспокоена письмом, полученным от миссис Роуд накануне ее смерти, в нем содержалось как бы... обвинение. Мы передали письмо полиции. Но мисс Бримли упрекает себя в том, что не смогла помочь миссис Роуд. В таком самоупреке, возможно, нет логики, но тем не менее мисс Бримли страдает. Я бы хотел быть в состоянии заверить ее, что между смертью Стеллы Роуд и письмом нет связи. И в этом еще одна причина моего к вам визита...

— Кого же обвиняло письмо?

— Ее мужа.

— Я бы сказал вашей мисс Бримли, — медленно, с нажимом проговорил Кардью, — что ей совершенно не в чем себя упрекать.

Глава 13

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Был вечер понедельника. Примерно в то самое время, когда Смайли вернулся в отель после встречи с Кардью, Тим Перкинс, корпусной староста, попрощался с миссис Харлоу. Он берет у нее уроки игры на виолончели. Миссис Харлоу — женщина добрая, хотя и очень нервная, и она удручена, что у Перкинса сегодня такой в воду опущенный вид. Тим, несомненно, лучший из всех учеников, каких послал ей Карн на долю, и Тим ей очень по душе,

— Ты играл сегодня, Тим, из рук вон плохо, — сказала она в дверях на прощание, — просто из рук вон. Знаю, конечно, у тебя только один семестр остался, и три важных зачета все еще висят, и перевод под вопросом, и тебе не до музыки. Если не захочешь, в следующий понедельник играть не будем — просто так приезжай, угощу пышками, пластинки послушаем.

— Хорошо, миссис Харлоу.

Перкинс приторочил футляр к багажнику велосипеда.

— Фонари в порядке, Тим?

— Да, миссис Харлоу.

— Не ставь сегодня, Тим, рекорда скорости. До вечернего вашего чая еще много времени.

Не забывай — дорога еще очень скользкая от снега,

Перкинс промолчал. Вывел велосипед на гравийную дорожку, направился к калитке.

— Ты, кажется, что-то забыл, Тим.

— Виноват, миссис Харлоу.

Он вернулся к дверям, пожал протянутую ему руку. Миссис Харлоу всегда настаивает на этом рукопожатии.

— Да что с тобой, Тим? Натворил что-нибудь? Но мне-то можешь сказать? Я ведь не в штате у вас.

Перкинс помялся, проговорил:

— Это просто из-за экзаменов, миссис Харлоу.

— Или родители нездоровы? Дома беда случилась?

— Нет, миссис Харлоу, здоровы, дома все хорошо. — Опять помялся. — Спокойной ночи, миссис Харлоу.

Он закрыл калитку за собой и покатил по узкой дороге. Она глядела вслед. Через четверть часа он будет уже в Карне — ехать почти все время под гору.

Он всегда любил этот обратный путь. Лучшие минуты всей недели. Но сегодня ехал словно во сне. Ехал быстро, как всегда: мчалась мимо изгородь на темном фоне неба, и кролики кидались кто куда от света фары, но ему не до них было.

Нет, надо кому-то сказать. Напрасно не сказал миссис Харлоу, напрасно. Она бы нашла, что присоветовать. Мистеру Сноу можно было бы сказать, но их теперь уже не Сноу, а Роуд учит, И в этом половина всей беды. Это да Филдинг,

Можно бы Тру сказать. Да, вот кому он скажет — мисс Трубоди. Сегодня же вечером, после осмотра, пойдет к ней и повинится. Для отца это, конечно, будет удар навеки — ведь это же значит провал, а возможно, и позор вдобавок. И значит, не поступишь кадетом в Сэндхерстское после осеннего семестра, и, значит, снова плати отец за учение деньги, которых нет...

Сейчас пойдет самый крутой участок спуска. С одного бока изгородь кончилась, открылся замечательный вид: замок Солеев на ночном небе, словно декорация к «Макбету». Как здорово

играть в спектаклях, жаль, что ректор не разрешает драмкружка.

Он пригнулся к рулю и понесся вниз, чтобы на скорости проскочить неглубокую полосу воды у подножия холма. Холодный ветер жег щеки, и на минуту он забыл свою беду... Вдруг он с ходу затормозил; велосипед заскрежетал, скользя.

Что-то случилось: впереди светит луч фонарика, и из темноты знакомый голос зовет, призывает его.

Глава 14

СЛУЖИТЕЛЬНИЦЫ МИЛОСЕРДИЯ

Штаб-квартира школьного Комитета помощи иммигрантам (патронесса — графиня Сара Солей) помещается на Белгрейв-сквер. Не ясно, то ли такая роскошная резиденция выбрана для приманки богачей, то ли для ободрения обездоленных, то ли, как шепчут в свете злые языки, чтобы задешево снабдить графиню Солей апартаментом в лондонском Вест-энде. Деловая же сторона помощи отнесена, как и положено, на юг города, за Темзу, в один из тех заброшенных кварталов Кеннингтона, что являют собой изнаночную половину архитектурного раздвоения личности Лондона. Когда-нибудь Йоркские сады (как именуется квартал) будут открыты внешним миром и очарование их пропадет, но побывайте там сейчас, и вы увидите всамделишных детишек, играющих посреди улицы в классы, а матери в шлепанцах бранят их с порогов.

Выполняя задание Смайли, переданное по телефону вчера в полдень, мисс Бримли с утра пустилась в путь. Она имела редкую способность говорить с детьми, как с равными себе существами, благодаря чему без труда отыскала ветхий безымянный дом, служащий комитету приемочным пунктом. В сопровождении семерых малышей она позвонила и стала терпеливо ждать. Наконец послышался стук каблучков по лестнице, лишенной ковра, и дверь открыла очень красивая девушка. С момент обе они одобрительно глядели друг на друга.

— Прощу прощения за беспокойство, — начала мисс Бримли, — но моя дорсетская знакомая просила меня навести справки о вещах, посланных сюда день-два назад. У нее произошла глупейшая ошибка.

— О боже, какой ужас, — дружелюбно сказала девушка. — Входите, пожалуйста. У нас тут всюду страшный беспорядок и присесть не на чем, но мы вас угостим растворимым кофе из кружки.

Мисс Бримли вошла, твердой рукой закрыв дверь перед носом у семерки малышей, пытавшихся под шумок втиснуться следом за ней. Весь холл, куда ни глянь, был завален мешками и пакетами. Были здесь и плотные джутовые тюки с красивыми ярлыками, и корявые свертки в рваной оберточной бумаге, и решетчатые ящики, и бельевые корзины, и выдавшие виды чемоданы, и даже старинный матросский сундук с пожелтелой наклейкой «В море не брать».

Девушка повела мисс Бримли наверх, в большую комнату, где помещалась, видимо, контора. Там стоял простой стол, заваленный корреспонденцией, и кухонный стул. В углу шумел примус, а рядом меланхолично пускал пар электрочайник.

— Вы уж извините, — сказала девушка, когда вошли, — но внизу просто негде разговаривать. Не стоя же на одной ноге, как инки. Или не инки, афганцы, что ли? Как вы нас разыскали?

— Сперва побывала в вашем вест-эндском бюро, — ответила мисс Бримли, — и меня адресовали к вам. И показалось мне, весьма сердито. А уж сюда довела детвора. Дети всегда знают дорогу. Вы мисс Доони, да?

— О нет. Я здесь ей в помощь. Джил Доони пошла на Розерхайд к таможенникам. Вернется к чаю, если вы ее хотите видеть.

— Зачем же, дорогая, я всего лишь на две минутки. Моя знакомая из Карна («О боже, как шикарно!» — вставила девушка) — по-настоящему она мне дальняя родственница, но проще ведь назвать ее знакомой, не правда ли? — в четверг она дала для беженцев свое старое серое

платье, а после хватилась, что там на корсаже осталась приколотая брошь. Я-то уверена, ничего там не приколото — она немисливо рассеянная, — но вчера утром она позвонила мне в растрепанных чувствах и заставила меня пообещать, что я немедленно поеду навести справки. Вчера я, к сожалению, не смогла — от зари идо зари привязана к своему журналишку. Но я вижу, вы не поспеваете пересылать, так что я, думаю, не опоздала?

— Какое там! Мы на целые мили отстали. Весь этот завал внизу надо еще распаковать и рассортировать. Нам из каждой школы шлют уполномоченные — иногда это ученики, а иногда из персонала, — набьют все подряд в мешок и шлют багажом или почтой, чаще багажом. А мы тут сортируем перед отсылкой.

— Так я и поняла из слов Джейн. Когда она хватилась своей броши, то сразу же пошла к женщине, ведающей у них сбором и отправкой, но, конечно, опоздала. Вещи уже отослали.

— Какой ужас... Вы не знаете, когда именно их отослали?

— Знаю. В пятницу утром.

— Из Карна — багажом или почтой?

Этого вопроса мисс Бримли боялась, но сказала наугад:

— Почтой, пожалуй.

Девушка метнулась к столу и, разворошив залежь бумаг, выудила оттуда тетрадь в твердом переплете, озаглавленную «Книга учета». Раскрыла ее наудачу и залистала взад-вперед с задерганно-спешащим видом наслюнивая то и дело пальчик.

— Раньше, чем вчера, прибыть посылка не могла, — говорила девушка. — И уж, конечно, до нее еще не дошли руки. Честно, я не знаю, как мы со всем этим управимся, а тут еще пасха подходит, и мы совсем зашьемся. А вдобавок половина всего собранного гниет в таможенных пакгаузах... Приветик, вот и мы! — Она пододвинула тетрадь к мисс Бримли, тоненьким пальцем указывая на карандашную запись в средней графе: «Карн, посылка, 27 фунтов»,

— Если вас не слишком затруднит, то нельзя ли нам быстренько взглянуть? — попросила мисс Бримли.

Спустились в холл.

— Тут не такой уж кошмарный хаос, как может показаться, — сказала девушка через плечо. — Понедельничные поступления — ближние к дверям.

— А как вы узнаете, откуда прислано, если почтовый штемпель неразборчив? — спросила мисс Бримли, глядя, как девушка роется среди посылок.

— Мы снабжаем всех уполномоченных бланками этикеток. На бланках — индекс школы-отправителя. А не то просим написать на обертке название школы печатными буквами. Но без сопроводительных писем — еще и сопроводилки разбирать было бы совсем безумие. Пришел багаж или посылка — мы просто заполняем и шлем бланк открытки с благодарностью и подтверждением, что получен груз такого-то веса такого-то числа. Сюда к нам шлют одни уполномоченные, а все другие знают только адрес Белгрейв-сквер по объявлениям в газетах.

— И как э т а система, эффективна?

— Ни капельки, — ответила девушка. — Уполномоченные забывают наклеивать наши этикетки или же израсходуют за пас бланков, а новые запросить у нас не удосужатся. А потом, дней через десять, звонят разгневанные — почему им нет уведомления о получении? А иногда уполномоченных меняют, не сообщив нам и не показав новичкам, как паковать и надписывать. А то вдруг ученики решат сами все делать, и никто их не инструктирует. Леди Сара злится, как тигрица, когда вещи прибывают на Белгрейв-сквер — тогда ведь приходится их перевозить к нам для разборки и учета.

— Понятно, — сказала мисс Бримли, взволнованно следя за руками девушки, а та, роясь, продолжала говорить:

— Вы сказали, ваша знакомая преподает в Карне? Надо же! Она ужасно светская, должно быть. Интересно, какой принц в жизни? На снимках он немножко рохля. Мой двоюродный брат там учится — зануда отчаянный. Он знаете что мне рассказывал? Во время Эскотских скачек они всю неделю... Привет! Вот и посылка!

Она разогнулась, держа в руках объемистый прямоугольный тучок, перенесла его на стол под лестницей. Принялась аккуратно развязывать крепкий шпагат. Мисс Бримли, стоя рядом, взглянула любопытно на печатную этикетку. В левом верхнем углу ее отштамповано К — видимо, присвоенный Карну индекс, а к четверке приписана шариковой ручкой буква Б.

— Что означает Б? — спросила мисс Бримли.

— А это они сами там в Карне условились. Уполномоченной там выбрана мисс Д'Арси, но у них сбор идет теперь с таким успехом, что она кооптировала себе помощницу. Подтверждая получение, мы всегда указываем, кто послал — А или Б. Не знаю, кто эта Б, но она ужасно деловая.

Мисс Бримли воздержалась от вопроса, какую долю присланных из Карна вещей отправляла мисс Д'Арси, а какую — ее неназванная помощница.

Девушка развязала шпагат и перевернула посылку вверх дном, чтобы выпростать загиб бумажного мешка. И в это время мисс Бримли заметила на сгибе тусклое бурое пятно размером в шиллинг. Здорово-рассудительная во всем, она и тут попыталась в уме подыскать пятну иное объяснение, чем то, что так явно напрашивалось. А девушка, продолжая распаковку, сказала вдруг:

— Послушайте, это ведь в Карие случилось — цыганка жену учителя убила? Ужасно, сколько этих убийств происходит, правда?.. Хм! Так я и думала, — оборвала она себя. Она уже опростала мешок и принялась было разворачивать внутреннюю обертку, но, очевидно, вид посылки ее остановил.

— А что? — быстро спросила мисс Бримли.

— Да упаковка не блещет, — со смехом ответила девушка. — Обычно, когда с меткой К Б, то упаковано так аккуратно, как ни в какой другой посылке. А эта совсем не так. Не узнать прямо. Наверно, заменял временно другой кто-нибудь? Я сразу по внешнему виду подумала.

— Почему вы так уверены?

— О, это как почерк. У нас глаз наметан.

И, снова засмеявшись, она без дальних слов сняла остальную обертку.

— Серое, вы говорите, платье? Сейчас увидим. Обеими руками она стала перебирать вещи и откладывать их в стороны. Разобрав кучу почти уже наполовину, она вдруг воскликнула:

— Это надо же! На них, наверно, затмение ума нашло. — И вытянула из груды ношеного платья прозрачный пластиковый плащ, пару кожаных перчаток, очень старых, и пару резиновых галош.

Мисс Бримли крепко схватилась руками за край стола. Ладони ее покалывал озноб.

— Плащ. Да еще мокрый, — прибавила брезгливо девушка и отбросила всю эту гадость от себя на пол.

Мисс Бримли невольно вспомнилось письмо Смайли: «Убийца был забрызган кровью». Да, и на убийце был пластиковый с капюшоном плащ, галоши и эти старые кожаные перчатки с пятнами цвета обожженной глины. И не забрел случайно он ночью к Стелле в дом, а рассчитал все загодя, задолго, и ждал. «Да, — подумала мисс Бримли, — ждал долгих ночей».

— Боюсь, что серого платья здесь нет, — дошел до нее голос девушки,

— Да, милая, — отозвалась мисс Бримли, — вижу, что нет. Благодарю вас. Вы были очень любезны. — Голос ее дрогнул, но она, крепясь, продолжала: — Думаю, милая, что вам не следует прикасаться к этой посылке — и обертка и вещи пусть вот так и лежат. Случилось

ужасное что-то, и полиция захочет... провести дознание, обследовать посылку... Доверьтесь и поверьте, дорогая, — за этими вещами кроется совсем не то...

И, кое-как простясь, она вышла на воздух и волю Йоркских садов, навстречу большеглазому удивлению детворы.

Найдя телефонную будку, она через междугородную позвонила в «Герб Солеев». Ей ответил донельзя скучающий голос, она попросила позвать мистера Смайли. На линии воцарилось полное молчание. Засим с междугородной попросили бросить в автомат еще три с половиной шиллинга. Мисс Бримли резко возразила, что покамест за свои деньги ничего, кроме трехминутной тишины, не получила. Послышался особый звук — это цокнула языком телефонистка, — а затем, очень неожиданно, пришел голос Джорджа Смайли.

— Джордж, это Брим. Пластиковый плащ с капюшоном, резиновые галоши и какие-то перчатки кожаные, а на них вроде бы пятна крови. И на посылочной обертке тоже кое-где пятна как будто.

Пауза.

— Адрес на посылке от руки написан?

— Нет. У них печатные этикетки.

— Где теперь эта посылка? У вас?

— Нет. Я не велела приемщице ничего трогать. Так что часок-другой все пробудет в сохранности... Алло, Джордж!

— Да.

— Кто это сделал? Муж?

— Не знаю. Право, не знаю.

— Относительно этих вещей — мне что-то надо предпринять? Позвонить Бену Спэрроу?

— Не надо ничего. Я сейчас же увижусь с Ригби. До свидания, Брим. Спасибо, что позвонила.

Она повесила трубку. Как странно иногда начинает звучать его голос, подумала она. Точно он вдруг вышел из контакта. Отключился.

Она пошла на северо-запад, к набережной. Время близилось уже к одиннадцати — впервые за бог знает сколько лет она опаздывала на службу. Надо бы взять такси. Но, будучи привычек бережливых, она вместо этого села в автобус.

Эльса Бримли не признавала спешек и авралов; столь дисциплинированный ум нечасто встретишь даже у мужчин. Чем экстреннее дело, тем неколебимее было ее спокойствие. Джон Лэндсбери заметил как-то: «У вас, Брим, иммунитет к сенсациям и драме — редкостный дар презрения к спешному. Я знаю десяток-полтора людей, которые охотно бы платили вам пять тысяч фунтов в год за то лишь, чтобы вы втолковывали ежедневно им, что существенное редко бывает спешным. Спешное — значит, преходящее и, значит, несущественное».

Аккуратно бросив билет в ящик для мусора, она вышла из автобуса на улицу, на солнышко. Взгляд ее упал на щит, где расклеены были уже анонсы вечерних газет. Она не обратила бы внимания, но солнце ослепило и заставило опустить взгляд. И в глаза ей ударила жирная чернь непросохшей газетной краски — машинно расфасованная истерия Флит-стрит: «Карн — всю ночь поиски пропавшего ученика».

Глава 15

ДОРОГА К ФИЛДИНГУ

Смайли положил трубку и быстро прошел мимо стола портье к дверям отеля. Надо немедленно к Ригби. Уже в дверях его окликнули. Обернувшись, он увидел своего старого недруга — ночного портье. Это исчадие вечной ночи вышло теперь на дневной свет и манило его серой рукой.

— Вас вызывают в полицию, — известил портье с нескрываемым удовольствием. — Мистер Ригби позвонил, инспектор. Сию чтобы минутку шли. Понятно?

— Я и так иду, — сердито огрызнулся Смайли. И, толкая дверь, он слышал, как старик вдогонку повторял: — Сию минутку, поняли? Там ждут.

Шагая по улицам Карна, он в сотый раз думал о том, как темны мотивы человеческих поступков: никакой не выведешь тут истины. Ничего незыблемого, несомненного — ни тебе в чистейшей логике, ни в туманнейшем мистицизме. А всего темней мотивы человека, когда он прибегает к насилию.

Находил ли убийца — столь близкий теперь к разоблачению, — находил ли он приятность в скрупулезном проведении своих планов? Ибо уже не приходилось сомневаться, что убийство разработано было до мельчайших подробностей, и ту деталь включая, что орудие убийства оказалось так необъяснимо далеко от места. Продумано насквозь до ложных нитей и улик, вводящих в заблуждение; рассчитано на впечатление отсутствия расчета — убил, мол, из-за нитки бус. Теперь и загадка следов разрешилась — галоши в посылку, а сам прошел дорожкой к воротам, и следы потом затерлись множеством ступавших ног.

У Ригби был усталый вид.

— Полагаю, вы слыхали новость, сэр?

— Какую?

— Про ученика из филдингова корпуса, что с вечера пропал?

— Нет. — Смайли ощутил вдруг тошнотную слабость. — Нет, ничего не слышал.

— А я-то думал, вы знаете. Вчера вечером, в половине девятого, нам позвонил сюда Филдинг. Староста его корпуса, Перкинс, не вернулся из Лонджимида, с музыкального урока у миссис Харлоу. Мы подняли людей, начали поиск. Патрульную машину послали по дороге, которой Перкинс должен был возвращаться — он на велосипеде ехал. С первого захода они ничего не заметили, но на обратном пути водитель остановил машину у подножия Лонджимидского холма — там, где мочажина. Ему подумалось, что парнишка мог разогнаться сверху и упасть в ложбине с велосипеда. Там его и нашли, в воде наполовину, а велосипед рядом лежит. Мертвого.

— О господи!

— Мы о находке сразу не сообщили прессе. Родители парнишки в Сингапуре. Отец — армейский офицер. Филдинг дал им телеграмму. Мы связались также с военным министерством»

Помолчали, затем Смайли спросил:

— Как же это произошло?

— Мы закрыли там движение, пытаемся восстановить в деталях. У меня там сейчас агент обследует. Беда в том, что до утра мало чего можно было сделать. Плюс к тому, натоптали кругом мои люди, и винить их не будешь. По виду — вроде бы упал вниз в ложбине и ударился о камень головой, правым виском.

— Как принял известие Филдинг?

— Очень потрясло его. До того потрясло, что раньше бы сказали — не поверил бы я, честно говоря. У него прямо руки опустились. Надо было ему всякое там делать — телеграмму родителям, сообщить дяде Перкинса, что в Виндзоре живет, и тому подобное. А он все это на свою экономку, на мисс Трубоди. Если бы не она, не знаю, что б он делал. Я с полчаса побыл там, а потом нервы у него сдали полностью, и он попросил меня уйти.

— Как это — сдали полностью? — быстро спросил Смайли.

— Да так — расплакался. Как ребенок, — сказал бесстрастно Ригби. — И не поверить бы даже.

Смайли протянул инспектору сигареты и сам закурил.

— Значит, надо полагать, несчастный случай? — проговорил он.

— Надо полагать, — деревянно отозвался Ригби.

— Пожалуй, — сказал Смайли, — прежде чем нам дальше действовать, сообщу мою новость. Я как раз шел к вам, когда вы позвонили. Передала только что мисс Бримли. — Ив своей точной, слегка педантичной манере он пересказал все, что сообщила ему Эльса Бримли, и объяснил, как ему пришло на ум поинтересоваться содержимым посылки.

Смайли сидел и ждал, пока Ригби звонил в Лондон. Почти машинально Ригби перечислил в трубку, что требуется сделать: посылку со всем содержимым изъять и подвергнуть немедленно экспертизе; поверхности обследовать на предмет отпечатков пальцев. Он сам привезет в Лондон образцы почерка Перкинса и экзаменационную его работу: потребуется отзыв эксперта по почеркам. Нет, он приедет поездом, что отправляется из Карна в 4.25 и прибывает на вокзал Ватерлоо в 8.05. Как там, машину за ним на вокзал не пришлют? Пауза, а потом Ригби раздраженно сказал: — Шут с ним, возьму такси. — И резко положил трубку. Сердито поглядел на Смайли, усмехнулся, дернул себя за ухо и сказал: — Виноват, сэр. Вскидчив стал немного. — Он кивнул головой на дальнюю стенку кабинета. — Оттого, видно, что приходится воевать на столько фронтов. Я должен буду доложить об этой посылке шефу, только сейчас его нет — на охоте, голубей поехал пострелять с приятелями, так что скоро вернется, но я фактически не говорил ему про вас тут, и если вы не возражаете, то я и...

— Разумеется, — подхватил Смайли. — Гораздо проще, чтобы я был в стороне.

— Скажу ему, что осмотр посылки входил в обычную общую проверку. Позднее-то нам придется упомянуть о мисс Бримли... Но зачем теперь запутывать и без того запутанное, верно?

— Верно.

— Полагаю, Джейни надо будет отпустить... А ведь она права была — насчет крыльев серебряных в лунном свете.

— Я бы... нет, нет, Ригби, я бы не отпускал ее, — сказал Смайли с необычным для него жаром. — Держите ее у себя как можно долее. Бога ради, никаких больше несчастных случаев. Довольно с нас.

— Вы, значит, не верите, что смерть Перкинса — несчастный случай?

— Ну конечно же, нет, — вырвалось у Смайли, — Да ведь и сами вы не верите?

— Я агента поставил на это дело, — спокойно ответил Ригби. — Сам не могу им заняться — на мне убийство Стеллы Роуд. Не обойтись теперь шефу без Скотланд-Ярда, а зло свое сорвет на нас, конечно. Шеф думал, все уже кончилось, кроме газетного шума.

— А тем временем?

— А тем временем, сэр, душа вон, а найду убийцу Стеллы Роуд.

— Если, — медленно проговорил Смайли, — если найдете на этом плаще отпечатки и пальцев, в чем я сомневаюсь, то будет ли у вас... местный материал... для сравнения?

— У нас, само собой, есть отпечатки пальцев Роуда и Джейни.

— А отпечатков пальцев Филдинга нет? Ригби помолчал.

— Фактически они у нас имеются, — сказал он наконец. — Давнишние еще. Никак не связаны с этим делом.

— Знаю, это во время войны, — сказал Смайли. — Брат его рассказывал мне. На севере Англии произошло. Дело замяли вроде бы?

Ригби кивнул.

— Да, насколько я слышал, об этом знают только Д'Арси с сестрой, ну и ректор, конечно. У Филдинга это в каникулы случилось — с курсантиком из летного училища. Шеф мне тут пошел навстречу...

Простясь пожатием руки, Смайли спустился по знакомой сосновой лестнице. Он снова отметил учрежденческий запах карболового мыла и пасты для натирания паркетов. Пахло, как в доме у Филдинга.

Он не торопясь направился обратно к «Гербу Солеев». Но на повороте к отелю заколебался и, видимо, передумал. Медленно, почти против желания, он повернул к Аббатству и южной кромкой подворья прошел к дому Филдинга. Вид у Смайли был тревожный, чуть ли не испуганный.

Глава 16

ЛЮБИТЕЛЬ МУЗЫКИ

Открыла ему мисс Трубоди. Веки у нее были красные, словно бы от слез.

— Нельзя ли повидать мистера Филдинга? Мне хотелось бы проститься.

— Мистер Филдинг очень расстроен, — замялась мисс Трубоди. — Вряд ли он примет гостей.

Впустив Смайли в холл, она пошла к двери кабинета. Постучала, приблизила ухо, затем тихо повернула ручку и вошла. Вернулась она нескоро.

— Он сейчас выйдет, — сказала она, не глядя на Смайли. Пожалуйте ваше пальто. — Подождала, пока Смайли стягивал с себя пальто, повесила рядом с ван-гоговским стулом. Постояли молча, глядя на двери кабинета.

И вот внезапно в проеме полураскрытой двери возник Филдинг — небритый, без пиджака.

— Ради господ бога, — сказал он хриловато, — что вам угодно?

— Всего-навсего проститься, Филдинг, и выразить вам соболезнование.

Грузно привалившись к косяку, Филдинг пристально поглядел на Смайли.

— Что ж, прощайте. Благодарю за визит. — Филдинг вяло сделал ручкой. — Вам как будто можно бы и не беспокоиться самому, — прибавил он грубо. — Можно бы и ограничиться присылкой визитной карточки?

— Да, можно бы. Но меня поразила трагичность случившегося. Как раз, когда он был уже так близок к успеху...

— Вы к чему это, черт побери? Что вы хотите сказать?

— Я про его успехи в учебе... Мне рассказал Саймон Сноу. Прямо поразительно, как он преуспел у Роуда.

Длинное молчание. Затем Филдинг проговорил:

— Прощайте, Смайли. Благодарю, что навестили. — И стал было поворачиваться, чтобы уйти в кабинет, но Смайли остановил его словами:

— Не за что... не за что. Вероятно, и беднягу Роуда приободрили результаты письменной работы. Для Перкинса ведь это был в какой-то степени вопрос жизни и смерти. Провал на этом экзамене означал бы оставление на второй год и даже, полагаю, исключение из школы — несмотря на то что он был старостой. А значит, не могло бы и речи быть о военном училище. Бедный Перкинс — ему было-таки за что благодарить Роуда. И вас, конечно, тоже, Филдинг. Вы, надо думать, оказали ему неоценимую помощь... вы вместе с Роудом; Роуд и Филдинг. Надо бы, чтобы его родители об этом знали. Они ведь вовсе не богачи, я слышал. Отец армейский офицер, в Сингапуре служит, не так ли? Немалых им это стоило лишений — содержать сына в Карне. Им будет утешительно узнать, сколько здесь для их мальчика сделали. Не правда ли, Филдинг? До вас, я думаю, дошла последняя новость, — продолжал Смайли, Он был очень бледен. — Об этой несчастной побирушке, убившей Стеллу Роуд. Властями решено, что она вменяема. Пожалуй, и повесят ее. Это уже третья, значит, смерть будет? А знаете, какую я вам странную вещь скажу, Филдинг, сугубо между нами. Не знаю, как вы, а я не верю, что это она убила. Вот насколько не верю.

Он не глядел на Филдинга. Сцепив свои маленькие руки за спиной, ссутулив плечи, склонив голову набок, Смайли точно прислушивался, ожидая ответа.

Видно было, что слова Смайли причиняют Филдингу физическую боль. Он медленно покачал головой.

— Нет, — сказал он, — нет. Карн их убил. Карн. Только здесь могло это случиться. Это наша вечная игра на устранение. Разделяй и властвуй! — И, глядя на Смайли в упор, он воскликнул: — А теперь, ради господ, ступайте! Вы добыли ведь, что вам требовалось! Прикнопчили меня своими кнопочками? Да? — И к смятению Смайли, он зарыдал, заходил весь судорожными всхлипами, зажав глаза рукой и сделавшись сразу гротескно-смешным. Косолапо вывернув громоздкие свои ступни, плакал он по-детски и пытался сдержать слезы подагрической рукой. Мягко уговаривая, Смайли увел его в кабинет, бережно усадил у потухшего камина. И заговорил негромко и с состраданием.

— Если догадка моя верна, то времени мало, — начал он. — Я хочу, чтобы вы рассказали мне о Тиме Перкинсе, об этом экзамене.

Пряча лицо в ладонях, Филдинг кивнул.

— Его ведь ожидал провал, не так ли? Провал и оставление на второй год — вернее, исключение. (Филдинг молчал.) После экзамена в тот день Роуд вручил ему портфель с работами и велел занести к вам. Роуд оставался дежурить в церкви, оттуда он, не заходя домой, шел в гости к вам, а потом намеревался еще поздно вечером править работы.

Филдинг отнял руки от лица, откинулся в кресле, запрокинув свою большую голову, не открывая глаз. Смайли продолжал:

— Перкинс ушел домой в корпус, занес вам перед вечером портфель, доверенный ему Роудом. Перкинс ведь, в конце концов, был корпусной староста, лицо доверенное... Отдал вам портфель, и вы спросили, справился ли он с работой.

— Он заплакал, — неожиданно проговорил Филдинг. — Навзрыд, как только дети могут.

— И, расплакавшись, признался вам, что сплутовал? Что подглядел дома верные ответы и дописал? А назавтра, узнав об убийстве Стеллы Роуд, он вспомнил, что видел в портфеле еще кое-что?

— Нет! — вскричал Филдинг, резко поднявшись. — Пойми те, Тим не стал бы жульничать даже для спасения своей жизни! В том-то и вся соль и вся проклятая ирония. Жульничал не он еовсе. Дописал за него — я!

— Но это невозможно же! У вас же почерк другой!

— Писано было шариковой ручкой. Там одни формулы и схемы. Когда он отдал мне портфель, ушел, я посмотрел его работу. Полнейший мрак — он сделал только два пункта из семи. И я дописал за него. Списал просто ответы из учебника синей шариковой ручкой. Мы все такими пишем. Они продаются здесь в лавке. Я, как мог, скопировал его почерк. Всего строчки три цифр. А остальное схемы.

— Значит, не он, а вы открыли портфель? Не он, а вы увидели...

— Да, да. Говорю же вам — не Тим, а я! Тим и для спасения жизни не способен обмануть! Но расплачиваться пришлось Тиму... Когда объявили оценки, Тим понял, должно быть, что тут что-то нетак. Ведь он отвечал лишь на два вопроса из семи, а оценили в шестьдесят один балл. Но больше он не знал ничего, ни-че-го!

Долго оба молчали. Филдинг высился над Смайли, торжествуя, что снял с себя тяжесть тайны, а Смайли глядел куда-то мимо, напряженно-сосредоточенно сведя брови. Наконец Смайли проговорил:

— И, услышав об убийстве Стеллы, вы поняли, конечно, чьих это рук дело?

— Да, — ответил Филдинг. — Я понял, что убил ее Роуд.

Филдинг налил себе коньяку и гостю налил. К Филдингу, видимо, вернулось уже самообладание. Он сел, задумчиво глядя на Смайли.

— Я нищ, — сказал он, помолчав. — За душой ни копейки. Никто об этом, кроме ректора, не знает. То есть они знают, что обстоятельства мои стеснены, но сколь безнадежно стеснены —

не знают. Много лет тому назад я свалил дурака. Попал в передрагу. Было это во время войны, во времена дикой нехватки персонала. У меня здесь под началом был корпус, и мы вдвоем с Д'Арси заправляли, собственно, всей школой. Мы — школой, а ректор — нами. И тут-то я свалил осла. Это случи лось на вакациях. Я отправился на Север читать цикл бесед в военно-воздушном училище. И там преступил черту дозволенного. Прегрешил весьма серьезно. Меня задержали. А затем является Д'Арси в своем провинциальном пальтеце и привозит условия ректора: возвращайтесь, дорогой мой, в Карн, и забудем случившееся; продолжайте, дорогой коллега, быть наставником корпуса, питать своей мудростью птенцов. Огласки делу не дано. Мы знаем, что это никогда не повторится, дорогой мой, а с персоналом у нас крайнетуго. Возвращайтесь к нам на «временных» началах. И я вернулся и по сей день хожу во временных и каждый декабрь с тех пор низко кланяюсь дражайшему Д'Арси, чтобы возобновили мой контракт. И разумеется, никакой пенсии. Придется доживать век репетитором на подготовительных курсах. Есть такие в Сомерсете, куда меня берут, В четверг мне в Лондоне назначена встреча с их заведующим. Нечто вроде свалки для вышедших в тираж учителей. Ректора пришлось уведомить, поскольку требовалась его рекомендация.

— Поэтому вы и не могли открыть имя убийцы? Из-за Перкинса?

— Да. В том смысле, что начались бы всякие дознания. Я ради Тима молчал. Попечительскому совету не понравилась бы такая моя...чрезмерная привязанность... Выглядит она ведь некрасиво... Но это совсем нетого сорта привязанность, Смай ли, совсем уже иного. Вы не слышали, как он играет на виолончели? Он не волшебник, но иногда играл так хорошо с какой-то прилежной простотой, неописуемо милой. Мальчик он неуклюжий, и тем сильнее удивляла его игра. Жаль, вам не привелось слышать.

— Ивы не хотели впутывать Перкинса. Если бы вы заявили в полицию о том, что увидели в портфеле, то в итоге и на Тима бы легло навечное пятно.

Филдинг кивнул.

— Во всем постылом Карне одного его я любил.

— Любили? — переспросил Смайли.

— Ради господ бога, — изнеможенным голосом проговорил Филдинг. — А что в этом дурного?

— Его родители хотели, — продолжал Филдинг, — чтобы он поступил в Сэндхерстское военное училище, а я, признаться, не хотел. Я думал — продержу его здесь еще семестр-другой, а там смогу добыть ему, возможно, консерваторскую стипендию. Потому и назначил его старостой — авось родители, увидя, на каком он здесь счету, не станут забирать его. — Филдинг сделал паузу и прибавил: — Никудышный был из него староста.

— Что же именно обнаружили в портфеле, когда открыли его, чтобы взять экзаменационную работу Тима? — спросил Смайли.

— Пластиковую прозрачную накидку... из этих, что ли, «карманных» плащиков... пару старых перчаток и самодельные галоши.

— Самодельные?

— Да. Низы, по-моему, резиновых сапог с обрезанными голенищами.

— И больше ничего?

— Нет, еще кое-что. Большой кусок толстого кабеля — я подумал, он ему понадобился как наглядное пособие. А плащ и галоши носить с собой в зимнюю слякоть вполне как будто естественно. Но позже, узнав об убийстве, я понял, как Роуд совершил его. А знаете вы, почему он убил Стеллу? — И Филдинг помолчал, как бы колеблясь. — Роуд у нас — подопытный кролик, — начал он. — Это первый допущенный на пробу в Карне учитель из классической школы. Мы, собственно, почти все карнианцы. С молодых ногтей привычны. А Роуд непривычен,

и Карн ему ударил в голову. Карнианский — значит светский, знатный, а сии качества Роуда пленяют. Жена-то его других правил, и правила ее ничуть не хуже наших. Я наблюдал иногда за Роудом по утрам в Аббатстве на воскресной службе. Преподаватели садятся с краю скамей, у прохода. Я следил, бывало, за выражением его лица, когда мимо шествует хор в белых и алых одеждах и ректор в докторской мантии, а за ним директорат и попечители. Роуд хмелел — хмелел от карнианской гордости. О, для питомцев классических школ мы — вино хмельное. И то, что Стелла не разделяла его гордости, глубоко, должно быть, уязвляло Роуда. Это было заметно. В тот вечер, что они обедали у меня — в вечер убийства, — у них за столом вышла ссора, хоть я и никому об этом ни гу-гу.

На повечерии перед тем ректор прочел проповедь на тему «Прилепитесь к доброму». У Роуда за обедом эта проповедь не сходила с языка — он, видите ли, не привык пить, и его с рюмки разбирает. Жена его в Аббатство не ходила — она посещала тусклую эту молельню у вокзала. А Роуд все восхищался красноречием ректора, без конца превозносил красоту нашей литургии, величие, благородство. Стелла слушала, слушала, а потом со смехом сказала: «Бедненький мой Стэн. Ты для меня всегда Стэном останешься». Я никогда еще не видел человека настолько разозленного. Он побледнел весь,

Филдинг откинул со лба непокорные седые пряди и продолжал — уже в прежней своей театральной манере:

— Я и за ней, бывало, наблюдал — на званых обедах. Не только у себя здесь, а и в других местах, куда мы бывали званы. Наблюдал, как она делает simplest — скажем, ест яблоко. Не разрежет его прежде начетверо, как мы, а очистит от кожуры все целиком, систематически, по кругу, затем нарежет мелко — приготовит полностью к еде. Ни дать ни взять шахтерская жена чистит яблоко для супруга. И ведь она же видела, как у нас принято, но ей и в голову не приходило, что надо подражать. Я восхищаюсь такой независимостью. Пола гаю, и вы тоже. Но не Карн — и не Роуд. Уж Роуда никак это не восхищало. Он косился на нее, и внутри у Роуда зрела, думаю, ненависть к ней. Зрело убеждение, что она — препятствие к успеху, единственная препона его блестящей карьере. А придя к такому выводу, что мог он предпринять? Развестись нельзя — развод нанес бы ему вред еще больший, чем строптивая жена. Роуд знал, как посмотрят в Карне на развод; Карн, не забывайте, — заведение церковное. И он убил ее. Рассчитал в деталях грязное убийство; пораскинув своим куцым ученым умишком, сфабриковал все требуемые улики, указующие на убийцу, которого не существует.

Но стоп! Тим Перкинс получил шестьдесят один балл — оценку невозможную, — значит, Перкинс сплутовал. Была и возможность у Перкинса — ему доверен был портфель. Снова Роуд пораскинул умишком и решил, что Тим открывал портфель и видел плащ, сапоги, перчатки. Видел кабель. Тогда Роуд и Перкинса убил.

С удивительной энергией Филдинг вскочил, налил, выпил. Лицо его было красно и выражало почти ликование.

Смайли встал.

— Когда вы будете в Лондоне? В четверг?

— Да, я условился с заведующим — мы завтракаем с ним в одном из этих мерзких клубов на Пэл-Мэле. Всегдашнее у меня невезение с клубами, а у вас? Но боюсь, теперь не слишком много смысла в нашей с ним беседе, раз вся эта история выйдет наружу. Даже и в репетиторы меня не возьмут. Смайли помолчал, подумал.

— Вечером в четверг прошу ко мне — отобедать. Если угодно, и переночевать. Я приглашу еще одного-двух знакомых. Компания составит. К четвергу самочувствие ваше улучшится. Поговорим. Возможно, я смогу помочь вам... в память Адриана.

— Благодарю вас. С удовольствием. Помимо той беседы, у меня к тому же в Лондоне

разные мелкие дела требуют упорядочения.

— Хорошо. В без четверти восемь. Байуотер-стрит, Челси, дом 9-а.

Филдинг записал адрес в блокнот-календарь. Рука его нимало не дрожала.

— Галстук черный? — осведомился Филдинг с пером в руке, и некий бесенок толкнул

Смайли ответить:

— Да, но это не суть важно. Минута молчания.

— Надо полагать, — начал Филдинг нащупываяще, — что на суде непременно получит огласку все связанное со мной и Тимом? Ведь в таком случае я человек конченный. Безвозвратно конченный.

— Не вижу, как можно избежать огласки.

— Но как бы ни было, а я уже гораздо лучше себя чувствую, — сказал Филдинг. — Гораздо.

Кратко простившись, Смайли вышел и быстрым шагом направился обратно в полицию — довольно твердо уверенный в том, что давно не встречал такого законченного лжеца, как Филдинг.

Глава 17

КРОЛИК, БЕГИ!

Он постучал в дверь кабинета Ригби и вошел, не дожидаясь ответа.

— Весьма опасаясь, что вам придется арестовать Стэнли Роуда, — начал он и пересказал свой разговор с Филдингом.

— Шефу надо будет доложить, — морща лоб, сказал Риг би. — Вас не затруднит повторить у него свой рассказ? Если уж сажать под арест карнского преподавателя, то с ведома шефа. Он вернулся только что. Погодите минутку.

Ригби поднял трубку телефона, попросил соединить с начальником. Несколькими минутами позже они молча шли уже по устланному ковром коридору. По обеим сторонам на стенах висели фотографии карнских команд регбистов и крикетистов. Часть снимков пожелтела и выцвела от индийского солнца, другие были выполнены в коричневатом тоне сепии — излюбленном тоне карнских фотографов начала века. По коридору были расставлены огненно-красные пустые ведра с четкой белой надписью: «Пожарное». В дальнем конце коридора темнела дубовая дверь. Ригби постучал, подождал. Никакого отклика. Снова постучал, за дверью крикнули: «Войдите!»

Вошедших встретили внимательными взглядами два очень крупных спаниеля. Позади спаниелей, за громадным столом-бюро, сидел, как водяная крыса на плоту, бригадный генерал Хэвлок, кавалер ордена Британской империи, начальник кар-нской полиции.

Через голое его темя шли две-три поперечные седые прядки, тщательно прилизанные и распластанные, дабы прикрыть побольше лысой площади. Это придавало Хэвлоку странно мокрый вид, точно он сейчас вот окунался в реку. Недостачу волоса щедро возмещали усы, желтые, увесисто-слитные. Роста Хэвлок был очень маленького; на нем был коричневый костюм и жесткий белый воротничок со скругленными уголками.

— Сэр, — начал Ригби, — разрешите вам представить мистера Смайли из Лондона.

Хэвлок вышел из-за стола, как идут сдаваться — без уверенности, но с покорностью. Сунул гостю шишковатую ручонку и проговорил без пауз:

— Из Лондона, вот как? Здравствуйте, здравствуйте, — точно заученное наизусть.

— Мистер Смайли здесь с частным визитом, сэр, — продол жал Ригби. — Он знаком с мистером Филдингом.

— Штучка этот Филдинг, штуч-ка, — отчеканил шеф.

— Именно, сэр, — сказал Ригби и продолжал: — Мистер Смайли сейчас был у мистера Филднга, чтобы проститься перед отбытием в Лондон.

Хэвлок стрельнул глазами-бусинками на Смайли, словно сомневаясь, а способен ли тот на такую дальнюю поездку.

— Мистер Филдинг дал что-то вроде показания и подкрепил новыми, только ему известными фактами. Касательно убийства, сэр.

— И далее? — спросил шеф с неким вызовом.

— Он сказал, что убийца — муж. Стэнли Роуд, — повел дальше рассказ уже Смайли. — Филдинг показал, что, когда староста принес ему портфель Роуда с экзаменационными р-ботами...

— Какими это экзаменационными?

— Как вы помните, Роуд в тот день проводил письменные экзамены. Из класса он шел дежурить в Аббатство, а затем вечером ему предстоял обед у Филдинга. Удобства ради он дал

Перкинсу портфель и велел отнести...

— Перкинс — это жертва несчастного случая? — перебил Хэвлок.

— Да.

— Вы отменно осведомлены, — заметил загадочно Хэвлок.

— Филдинг сказал, что открыл принесенный Перкинсом портфель, желая взглянуть, как выполнил Перкинс экзаменационную работу. От этой работы зависели перевод и будущее мальчика, — продолжал Смайли.

— Работа, работа, только и слышишь нынче о работе, — горько сказал Хэвлок. — В те времена, когда я здесь учился, было по-иному, смею вас уверить.

— Открыв портфель, Филдинг увидел там, помимо экзамена национальных работ, пластиковый плащ, пару кожаных старых перчаток и пару резиновых сапоге обрезанными голенищами.

Пауза.

— Великий боже! Вы слышите, Ригби? Ведь это же все обнаружено в посылке, в Лондоне. Великий боже!

— И вдобавок он увидел в портфеле отрезок толстого кабеля. Как вы помните, за этим именно портфелем Роуд возвращался к Филдингу в вечер убийства, — заключил Смайли. (Словно ребенка кормил — по ложечкам.)

Последовало затяжное молчание. Затем Ригби, изучивший уже своего шефа, сказал:

— Мотив убийства — забота о карьере, сэр. Миссис Роуд не проявляла желания занять более высокое положение в школе, одевалась затрапезно, не принимала участия в религиозной жизни школы.

— Минуточку, — сказал Хэвлок. — Роуд спланировал убийство заранее — верно я говорю?

— Так точно, сэр.

— С намерением придать делу вид убийства с целью ограбления.

— Так точно, сэр.

— Взяв оставленный портфель, он идет обратно к Северным полям. И как, значит, он далее действует?

— Он надевает плащ и капюшон, галоши и перчатки. Вооружается кабелем, сэр. Входит через заднюю калитку, проходит садом и звонит с парадного, сэр. Жена открывает ему. Он ударом валит ее с ног, тащит по снегу в теплицу и убивает там. Отмыв свою одежду под краном, прячет в посылку. Запаковав и завязав посылку, идет — на этот раз к воротам, ступая по дорожке, сэр, зная, что следы его скоро затрутятся другими следами. Выйдя на твердую дорогу, где следов не видно, он поворачивает и снова идет в дом, разыгрывая роль убитого горем мужа и не забыв наложить отпечатки своих пальцев, сэр, поверх перчаточных следов на трупе. Но оставалась вещь, которую слишком опасно было отсылать, сэр. Орудие убийства.

— Добро, Ригби. Арестуйте его. Мистер Борроу даст вам ордер, если надо, а не то я позвоню лорду Солею.

— Слушаю, сэр. Я пошлю также сержанта Лоу, чтобы взял у Филдинга показания по всей форме — да, сэр?

— Какого дьявола, однако, Филдинг раньше молчал?

— Надо будет спросить его, сэр, — с деревянным бесстрашием ответил Ригби и вышел из кабинета.

— Вы не карнианец? — спросил Хэвлок, тычком переправляя гостю через стол серебряный портсигар.

— Нет-нет. К сожалению, нет, — ответил Смайли.

— Откуда же знаете Филдинга?

— Мы познакомились в Оксфорде после войны.

— Сомнительная штучка Филдинг, пресомнительная. Ваша, говорите, фамилия Смайли?

— Да.

— Некий однофамилец ваш женился на Энн Серком, кузине лорда Солея. Чертовски красивая девушка — и нате вам, вышла за этого штафирку. Какой-то шут гороховый из гражданской службы, с орденом империи и часами именными. Солей был адски раздосадован. (Смайли промолчал.) Сын Солея учится здесь, в Карне. Слышали?

— В газете, помнится, читал.

— Скажите-ка, Роуд этот... он из классической, не так ли?

— Да, по-моему.

— Дьявольски странная история. Эксперименты к добру не ведут, согласны? Традиция новшеств не любит.

— Да, не любит.

— В чем и беда теперешних времен. Возьмите Африку. Как будто не понимает никто, что с места в карьер общества не построишь. Столетия требуются, чтобы выработать тип джентльмена. — Хэвлок глубокомысленно нахмурился, поигрывая лежащим на столе ножом для бумаг.

— Интересно, как он ухитрился забросить в вазон кабель, которым жену убил. С ночи убийства он в течение двух суток не выходил у нас из-под надзора.

— Для меня это загадка, — сказал Смайли. — Это и пункт, касающийся Джейни Лин.

— Какой такой пункт?

— Я не верю, чтобы у Роуда хватило духу вернуться в дом тотчас после убийства, если он знал, что Джейни Лин видела, как он убивал. Если сделать допущение, что Роуд это знал — а такое допущение весьма правдоподобно, — то от Роуда потребовалось бы чрезмерное хладнокровие... всякую уж меру переходящее.

— Странно, чертовски странно, — проворчал Хэвлок. Он взглянул на часы, отставив левый локоть быстрым кавалерийским движеньем, которое показалось Смайли комичным и чуть-чуть печальным. Минуты шли. Не уйти ли, подумал Смайли, но его удержало смутное чувство, что Хэвлок не хочет остаться один.

— То-то шуму будет, — сказал Хэвлок. — Не каждый день карнский преподаватель обвиняется в убийстве. — Он со стуком опустил нож на стол. — Плетьюми бы эту журналистскую погань, плетьюми! — разразился Хэвлок. — Прочтите только, что они печатают о королевской семье. Сколько там злобы! — Он встал, пересек комнату, сел в кожаное кресло у камина. Один из спаниелей подошел и лег у ног.

— Но что его толкнуло, какой дьявол дергал? Ведь собственную жену свою... Есть же на свете субъекты. — Хэвлок сказал это с искренним недоумением, как бы взывая: «Просветите, люди добрые»,

— Я не думаю, — медленно проговорил Смайли, — чтобы возможно было когда-либо исчерпывающе узнать, что именно толкает человека на поступки.

— Вы глубочайше правы, Смайли... А могу ли я узнать род ваших занятий?

— После войны работал некоторое время в Оксфорде. Пре подавал, вел исследования. Теперь в Лондоне.

— Из этих, значит, интеллектуалов?

Хоть бы Ригби скорее вернулся, подумал Смайли.

— Не знаете, у этого субъекта Роуда есть семья? Отец, мать живы?

— По-моему, умерли оба, — ответил Смайли. На столе Хэвлока резко зазвенел телефон, и Ригби доложил, что Стэнли Роуд исчез.

Глава 18

ПОСЛЕ БАЛА

Смайли уехал в Лондон в час тридцать дня. Он чуть не опоздал на поезд из-за спора в отеле в связи со счетом. В полиции он оставил для Ригби записку со своим лондонским адресом и телефоном и с просьбой позвонить ему сегодня же вечером, когда станут известны результаты экспертизы. Больше в Карне делать было нечего.

Поезд медленно набирал скорость, и Джордж Смайли с растущим облегчением смотрел, как один за другим тонут в холодном февральском тумане знакомые силуэты Карна. Да, он не хотел сюда ехать. Боялся встречи с родиной жены — мест боялся, где прошло ее детство. Но ничто здесь не напоминало о ней хотя бы слабо — ни безжизненные очертания замка Солеев, ни окрестные поля. Осталась только сплетня — и останется, куда живы Хэвлоки и Хекты, кичащиеся тем, что вхожи в первый дом Карна.

Такси доставило его домой в Челси; он поднялся с чемоданом в спальню и распаковал его там с заботливостью человека, привыкшего жить одному. Теперь принять ванну. Но прежде он решил позвонить Эльсе Бримли, Телефон у кровати. Присев на край постели, он набрал номер. Жестяной, манекенный голос пропел: «Юнипресс» слушает вас, добрый день». Он попросил к телефону мисс Бримли. Продолжительное молчание, затем: «К сожалению, мисс Бримли занята. Не сможет ли другой сотрудник удовлетворить ваш запрос?»

Запрос, подумал Смайли, при чем тут запрос? Почему не «вопрос», не «дело»?

— Нет, — ответил он. — Только передайте ей, что звонил мистер Смайли.

Он положил трубку, пошел в ванную и пустил горячую воду. Возясь с запонками, услышал треск телефона. Звонила Эльса Бримли,

— Джордж? Мне кажется, вам стоит незамедлительно приехать. У нас гость. Мистер Роуд из Карна. Прибыл поговорить с нами.

Натягивая на бегу пиджак, он выскочил на улицу и остановил такси.

Глава 19

РАСПРАВА С ЛЕГЕНДОЙ

Битком набитый эскалатор вез вниз служащих «Юнипрес-са» — окончивших рабочий день, осовелых. Вид толстого господина средних лет, взбегающего по соседней лестнице, доставил им нежданное развлечение, и под остроты рассыльных и смех машинисток Смайли еще резвей засигал через ступеньки. На втором этаже он задержался у громадного щита с перечнем доброй четверти общebritанских ежедневных газет. Наконец под рубрикой «Технические и разные» он отыскал «Христианский голос» — комната 619. Лифт не шел, а, казалось, полз вверх. Сквозь плюшевую обивку сочилась бесформенная музыка, и подросток в куцей курточке подрагиванием бедер отмечал ударения ритма. Золоченые дверцы со вздохом разошлись, лифтер сказал: «Седьмой», — и Смайли торопливо вышел в коридор. Через минуту он уже стучался в дверь комнаты 619. Ему открыла Эльса Бримли.

Джордж, как хорошо, — сказала она обрадованно. — Мистеру Роуду ужасно приятно будет вас видеть. — И без дальних слов повела его к своему столу. В кресле у окна сидел Стэнли Роуд, карнский педагог, в аккуратном черном пальто. Смайли вошел — он встал, протянул руку.

— Я благодарен вам, что пришли, сэр, — сказал он дере вянно. — Весьма. — Та же вялая манера, тот же тщательный выговор.

— Чем могу помочь вам? — сказал Смайли.

Сели. Смайли предложил мисс Бримли сигарету, зажег ей спичку.

— Я по поводу некролога, начал Роуд. — Мне страшно неудобно, вы проявили такую заботу о Стеллиной доброй памяти, так сказать. Я знаю, вы с наилучшими намерениями, но прошу вас не писать некролога.

Смайли ничего на это не ответил; Эльса как женщина умная тоже промолчала. Да и весь последующий разговор вести с Роудом она предоставила Смайли. Того пауза не тревожила, но Роуду было, видимо, не по себе от наступившего молчания.

— Было бы неправильно, нехорошо. Мистер Гластон согласился со мной, я говорил вчера с ним перед его отъездом, и он со мной согласен. Я просто не могу позволить написать такое.

— А почему?

— Слишком многие знают о Стелле правду. Я и с мистером Кардью советовался. Он много знает, и о Стелле знает, и я посоветовался с ним. Бедный мистер Кардью, он понимает и то, почему я ушел из молельни: я не мог смотреть, как она приходит туда каждое воскресенье, на колени встает. — Он покачал головой. — Это было все ложь. Обращало твою веру в насмешку.

— Что же сказал вам мистер Кардью?

— Он сказал, не нам осуждать. Бог ей судья. Но я сказал ему, что это ведь будет дурно — люди ведь знают ее, знают поступки ее, каково же им будет читать эту статью в «Голосе». Им же дико покажется. Но он, видно, иначе смотрит, он просто сказал: «Предоставим вершить суд господе». Но я не могу, мистер Смайли.

Опять молчание. Роуд сидел неподвижно, чуть-чуть только подергивая головой. Затем он снова заговорил:

— Я сперва не верил старому мистеру Гластону. Он говорил мне, она нехорошая, а я не поверил. Они жили тогда на горе, Горс-хилле, рукой подать от молельни. Стелла вдвоем с отцом. Прислуга у них не задерживалась подолгу, и Стелла сама всю почти работу делала по дому. Я по воскресеньям иногда после молельни приходил к ним по утрам, Стелла смотрела за отцом, готовила ему и так далее, и я не представлял, как это решусь когда-нибудь попросить у

мистера Гластона ее руки, Гластоны были в Брэнксоме люди именитые. Я тогда преподавал в классической школе. На степень готовился, мне на это время позволили на полставки. И я решил — сдам на бакалавра и тут же делаю предложение.

Когда стали известны результаты сдачи, я в ближайшее воскресенье утром из молельни пошел к ним. Мистер Гластон сам отворил мне. Провел меня прямо в кабинет. Там из окна видна половина всех гончарен Пуля, а за гончарнями — море. Он пригласил меня сесть и сказал: «Я знаю, зачем вы пришли, Стэнли. Но ведь вы ее не знаете, — говорит, — вы ее не знаете» — «Як вам хожу уже два года, мистер Гластон, — отвечаю, — и я не с бухты-баракты решаю». Тогда он стал говорить о ней. Я никогда не думал, что человек так может говорить о родной дочери. Он сказал, что она скверная — у нее в сердце скверна. Что она полна злобы. Потому и прислуга у них не уживается. Рассказал, как она умеет, добренькая, ласковая, выведать у людей подноготную, а после ранит их злыми, ехидными словами — полуправдой, полужошью. И многое еще порассказал, но я не поверил ни слову. Мне, видно, гнев ударил в голову — я обозвал его старым эгоистом, не желающим лишиться экономки, лживым и ревнивым стариком, что до самой смерти хочет держать дочь у себя в прислугах. Это у него в сердце скверна, а не у Стеллы. «Лжете, лжете!» — кричал я ему. Он, будто не слыша, качал головой только. Я выбежал в холл, позвал Стеллу. Она была в кухне, что ли, и вышла ко мне, обняла и поцеловала.

Месяц спустя мы поженились, я принял невесту из рук самого старика. На венчании он пожал мне руку и сказал, что я хороший человек, а я подумал — ну и лицемер же старьй. Он дал нам деньги — не ей, а мне — две тысячи фунтов. Я подумал, это он, верно, хочет загладить, и потом я написал ему, что не держу на него зла за те слова. Он не ответил, и впоследствии мы виделись нечасто.

Год или больше мы прожили в Брэнксоме счастливо. Она была такой, как я и думал, — простой, опрятной. Прогулки любила, поцелуи у перелазов. Любила иногда щегольнуть — пойти в «Дельфин» обедать, нарядившись. Отрицать не буду, тогда для меня это много значило — бывать в надлежащих местах дочерью мистера Гластона. Он был членом муниципалитета и ротарианского клуба — важная фигура в Брэнксоме. Стелла подсмеивалась над этой моей гордостью и на людях дразнила тоже, что меня задевало. Помню, пошли раз в «Дельфин». Там в официантах служил малый по имени Джонни Рэглан, я вместе с ним учился. Шалопай порядочный и лоботряс, с окончания школы только и знал, что за девушками бегать и в беду попадать. Стелла где-то с ним познакомилась и, только мы сели, тут же помахала ему. Он подошел, и она пригласила его взять стул, подсесть к нам. Хозяин ресторана глядел на это волком, но не посмел перечить дочери Сэмюеля Гластона. Джонни весь обед просидел с нами, Стелла его расспрашивала о школе, обо мне. А Джонни рад и доволен — обнаглел и давай плести на тему, какой я в школе был свойский парень и тому подобное и как он, Джонни, мне прикурить давал. Вранье почти сплошь, а она знай его поощряет. Я после сделал ей внушение, сказал, что не для того плачу в «Дельфине» хорошие деньги, чтобы слушать рассказы Джонни Рэгла-на. А она на меня как окрысится. Это ее деньги, говорит, и Джонни в любую погоду нисколько не хуже меня. Потом она сказала: «Не сердись», поцеловала, и я сделал вид, что прощаю.

Пот проступил у Роуда на лице. Он говорил спеша, слова, казалось, сбивали друг друга с ног. Он словно рассказывал страшный сон, что жив еще в памяти, и ужас еще жив наполовину. Сделав паузу, он прищурился на Смайли, точно ожидая его рештаки, но Смайли глядел куда-то мимо, лицо Смайли было бесстрастно, мягкие контуры его жестко застыли.

— Потом мы переехали в Карн. Я как раз начал выписывать «Таймс», увидел там объявление. Им требовался преподаватель, я съездил туда. Мистер Д'Арси имел со мной беседу,

и меня приняли. И только после переезда в Карн я понял, что отец ее говорил правду. Раньше она не слишком увлекалась религией, но в Карне сразу же зачастила в молельню. Она знала, что здесь на это посмотрят косо, что мне это будет в ущерб. В Брэнксоме храм наш большой и красивый, там посещать молельню — ничего зазорного. Иное дело в Карне, здесь молельня небольшая, захудалая, под жестяной крышей. Но Стелла прикинулась смиренной богомолкой — в отличку от всех, назло Карну и мне. Не обидно бы, если б она это искренне. Но она притворялась, и мистер Кардью понял. Он Стеллу понял. Ему отец ее рассказал, по-моему. Мистер Кардью жил раньше на Севере и хорошо знал Гластонов. Он написал мистеру Гластону, что ли, или же съездил к нему.

Начало-то у нее было неплохое. Горожанам она всем понравилась — такого еще не случалось, чтобы жена карнского преподавателя ходила к ним в молельню. Потом она занялась благотворительностью — сбором вещей и так ддеее. Мисс Д'Арси, сестра мистера Д'Арси, уже вела сбор от школы, но Стелла решила ее перещеголять — больше собрать по молельне, чем та по школе. Но я знал подоплеку, и мистер Кардью знал, и горожане в конце концов тоже Стеллу распознали. Она прислушивалась, жадно подбирала каждый грязный обрывок сплетни, накапливала. По средам и пятницам она занята была своими религиозными делами, а вернувшись вечером, бывало, сбросит пальто и расхохочется как сумасшедшая,

«Все они у меня в кулаке — до одного человека! — говорит. — Вызнала все их секретники. Все теперь у меня в кулаке, Стэн». Вот ее слова, бывало. И те, кто распознал ее, стали ее бояться. Они все сплетничают, спору нет, но не с корыстной целью, не как Стелла. Она коварная была — все хорошее, бывало, все порядочное запачкает и опоганит. Сумела подобрать ключи к десяти, если не больше, здешним жителям. Скажем, мебельщик Маллиган — у него дочь живет близ Лемингтона, с ребенком. Стелла дозналась откуда-то, что эта дочь не замужем — Маллиганы ее отправили к тетке в Лемингтон, чтобы родила там и начала жизнь заново. Как-то Стелла позвонила Маллигану — по поводу уплаты, что ли, за перевозку мебели Саймона Сноу, — позвонила и говорит: «Кланялись вам, мистер Маллиган, из Лемингтона, с курорта. Нам требуется немножко вашего содействия». Она мне сама рассказала — пришла домой и чуть не падает от смеха. Но в конце концов с ней рассчитались. Полностью расквитались!

Смайли медленно кивнул, глядя теперь в упор на Роуда.

— Да, — помолчав, сказал он. — Расквитались полностью.

— Обвиняли тут юродивую Джейни, но я не верил. Джейни скорей родную мать убила бы, чем Стеллу. Их, Стелла хвасталась, водой было не разлить. Задержусь иногда на дополнительных занятиях или на заседаниях обществ, а они весь вечер проговорят вдвоем. Стелла ей варила, давала одежду, деньги. Джейни перед ней раболепствовала, и это Стелле давало ощущение власти. Оттого она и прикармливала нищенку — не по доброте, а от жестокости своей.

Из Брэнксомы она привезла с собой дворняжку. Как-то несколько месяцев назад прихожу домой и вижу — песик лежит в гараже, скулит, испуган насмерть. Нога подбита, спина в крови. Стелла избивала. Осатанела, очевидно. Я знал, она и раньше била, но не так. Так — впервые. И тут что-то лопнуло во мне — я заорал на нее, она в ответ засмеялась, и я ударил ее. Не очень, но все же сильно. По лицу. И дал ей двадцать четыре часа — или собаку устрани, или заявлю в полицию, Стелла подняла крик, что это ее пес, она плевать хотела и будет делать, что ей угодно. Но утром надела свою черную шляпку и увезла собаку к ветеринару. Сочинила ему небылицу, наверно. Она о чем угодно сочинить могла, выдумщица была отменная. Входила в роль и доигрывала до самого конца. Вспомнить, как она беженцев настропалила. Мисс Д'Арси приютила у себя как-то беженцев, а Стелла им такого наговорила, что они сбежали, и пришлось их увезти обратно в Лондон. Мисс Д'Арси и за проезд их заплатила и все такое, даже вызвала

сотрудницу из Лондонского центра, чтобы та убедила их остаться. Думаю, что мисс Д'Арси и до сих пор не знает, кто это ей удружил. Но я-то знаю — Стелла мне сказала. И посмеялась обычным своим хохотком: «Вот тебе и светская дама, Стэн. Оскандалилась благотворительница».

После случая с собакой она стала делать вид, что боится меня. Подойду к ней — она съжится, загородится рукой, точно я: всегда ее бью и опять ударить собираюсь. Сочинила даже, будто я замышляю ее убить, — пошла и пожаловалась мистеру Кардью. Сама-то не верила, смеется временами над своей выдумкой, говорит: «Теперь уже, Стэн, меня убивать не годится — все будут знать, кто убил». А временами хнычет, гладит меня, просит не убивать. «Долгие ночи придут, и ты убьешь меня!» — восклицает с воплем. Ей слова эти нравились: «долгие ночи», звук их нравился, она их смаковала, как актер, и вокруг них сплетала целые истории. «Ох, Стэн, — причитает, — не тронь, береги меня в долгие ночи». А знаете, как оно бывает, когда ты ни сном ни духом, а тебя, несмотря на это, умоляют настойчиво: не делай. Поневоле начнешь наконец сомневаться в себе и подумывать.

Мисс Бримли беззвучно, на вдохе, ахнула. Смайли встал и подошел к Роуду.

— Поедемте-ка лучше домой ко мне, перекусим, — сказал он. — Обсудим там спокойно. В дружеском кругу.

Они взяли такси. Роуд, уже поуспокоившийся, сидел рядом с Эльсой Бримли, а Смайли, примостясь на откидном сиденье напротив, глядел на Роуда изучающе. И ему подумалось: то, что у Роуда нет друзей, — вот важнейшая его особенность. Вспомнилась сказка Бюхнера о ребенке, которого бросили одного в пустынном мире. Не с кем было и заговорить ему, лишь луна ему улыбалась, и он пошел к луне, но она оказалась из гнилого дерева. И когда обернулись трухой и луна, и солнце, и звезды, он попытался вернуться на землю, но и земля исчезла.

То ли от усталости, то ли понемногу начинал уже Смайли стареть, но его вдруг охватил порыв жалости к Роуду — так дети жалеют нищих, а родители — детей. Роуд из всех сил старался: выучил язык Карна, одевался надлежащим образом, даже, насколько мог, мыслил надлежащими мыслями — и остался безнадежно на отшибе, безнадежно одинок.

Эльса Бримли пошла в кулинарию на Кингс-роуд за супом и яйцами, а Смайли зажег в гостиной газовый камин, налил виски с содовой себе и Роуду, и тот молча выпил глоточками.

— Я не мог не рассказать кому-то, — сказал Роуд, помолчав. — И подумал — хорошо бы вам. Притом я не хотел, чтобы вы печатали некролог. Слишком уж многие знали.

— А многие ли были действительно в курсе дела?

— Думаю, только те, кому она успела насолить. Человек двенадцать, думаю. И мастер Кардью, конечно. Она была ужасно хитрая. Сплетни передавала нечасто. Знала в точности, насколько далеко могла заходить. По-настоящему знали только те, к кому она подобрала ключи. И Д'Арси — да, и Феликс Д'Арси, он знал. С ним у нее что-то было особое, о чем она мне никогда не рассказывала. Вечерами, случалось, накинет шаль и шмыг из дому — возбужденная вся, точно на званый вечер. В поздний, причем, бывало, час — в одиннадцать, двенадцать ночи. Я уж и не спрашивал, куда, — расспросы ей только форсу придавали. Но сама иногда покивает головой мне так лукаво и скажет: «Ты не знаешь, Стэн, а Д'Арси знает. Знает, да никому сказать не может». И опять засмеется с таинственным видом, и была такова.

Смайли долго молчал, глядя на Роуда и думая. Потом спросил вдруг:

— Вы не знаете, какая у Стеллы была группа крови?

— У меня, я знаю, В. Я в Брэнксоме был донором. А у нее другая.

— Откуда вам это известно?

— Ей делали анализ еще до замужества. У нее раньше было малокровие. Я помню только, что группа другая. Возможно, А. Точно не помню. А что?

— Как донор вы где зарегистрированы?

— В Норс-Пульском центре переливания крови.

— Там смогут это подтвердить? В списках вы там еще числитесь?

— Думаю, что да.

С парадного позвонили. Это вернулась с покупками Эльса Бримли. Она занялась делом в кухне, а Роуд и Смайли снова сели в тепле и уюте гостиной.

— Вот еще о чем мне расскажите, — заговорил Смайли, — о вечере, когда произошло убийство. Как вышло, что портфель остался у Филдинга? По рассеянности вашей?

— Собственно говоря, нет. Я дежурил по церкви в тот вечер, и мы со Стеллой пришли к Фишдингу порознь — она раньше меня, и Филдинг, по-моему, отдал ей сразу же портфель, чтоб не забыть. Он упомянул об этом за столом. Стелла положила портфель в холле, рядом со своим пальто. Небольшой такой — дюймов восемнадцать на двенадцать. Я поклясться мог бы, что он был у нее в руках, когда мы в холле прощались — но, видно, мне померещилось. И только когда мы пришли домой, она спросила меня, куда я дел портфель?

— Она — вас?

— Да. И заскандалила, заупрекала, что должна все помнить за меня. Мне не слишком-то хотелось возвращаться к Филдингу, я мог бы сказать ему по телефону, что заберу портфель с утра пораньше, но Стелла и слушать не желала. Настояла, чтобы я пошел. Я не стал рассказывать полиции об этом — малодостойно, думаю, упоминать все эти наши перебранки.

Смайли кивнул.

— Вернувшись к Филдингу, вы позвонили входя?

— Да. Там парадная дверь, а за ней внутри стеклянная створчатая — от сквозняков. Парадная была еще не заперта, в холле свет горел. Я позвонил и взял у Филдинга портфель.

Они уже поужинали, когда наверху затрещал телефон.

— Говорит Ригби. Мистер Смайли, я получил результаты экспертизы. Они слегка смущают.

— Начнем с экзаменационной работы — она не согласуется с показанием?

— Да, не соответствует. Здешние эксперты заключили, что все слова и цифры написаны одной и той же шариковой ручкой. Насчет схем они не так уверены, но говорят, что надписи на всех схемах написаны тем же почерком, что и остальная работа.

— И выходит, все писал сам Перкинс все-таки?

— Да. Я привез им для сравнения другие образцы его почерка. Они тютелька в тютельку сходятся с экзаменационной работой. Филдинг тут приложить руку не мог.

— Так. А относительно одежды? И на ней ничего не нашли?

— Следы крови, только и всего. На плаще никаких отпечатков.

— Кстати, группа крови у нее была какая?

— Группа А.

Смайли присел на край кровати. Прижав трубку к уху, он принялся тихо в нее говорить. Через десять минут он медленно сошел в гостиную. Охота его близилась к концу, зверь загнан. Остается его прикончить — и Смайли уже заранее от этого мутило.

Почти час еще прошел, прежде чем приехал Ригби.

Глава 20

КАК МУСОР ПО РЕКЕ...

Мост Альберта был, как всегда, нелеп — костлявая сталь, восходящая готическими заострениями к терпеливому лондонскому небу; под мостом покорно ползет в низовой туман Темза, грязня причалы Бэттерси.

Туман густ. Смайли глядит, как плывущий по реке древесина: а сор, уходя в туман, сперва белеет, а затем, точно втянутый вверх, растворяется, исчезает.

Вот так оно кончится, когда в такое же гнилое утро скулящего убийцу вытащат из камеры и накинут на шею пеньковую петлю. И хватит ли у Смайли духу вспомнить нынешнее утро два месяца спустя — когда за окном рассветет и раздастся урочный бой часов, — когда человека со сломанной на виселице шеей сплавят в небытие, как мусор по реке.

Смайли пошел вдоль Бомонт-стрит по направлению к Кингс-роуд. Электрофургон молочника шумно проехал мимо. Позавтракать сейчас в кафе, затем в такси отправиться на Керзон-стрит и заказать вино к обеду. Выбрать марку получше. Чтобы Филдингу понравилось.

Филдинг отпил, закрыв глаза, прижав слегка к груди левую руку.

— Божественно, — проговорил он, — дивно!

И сидящая напротив Эльса Бримли мягко улыбнулась.

— Как вы будете коротать дни, мистер Филдинг, когда выйдете в отставку? — спросила она. — Франкенвейн попивать?

Держа бокал по-прежнему у губ, Филдинг уставил глаза на горящие свечи. Серебро хорошее, лучше, чем у него. Странно, что обедают лишь втроем.

— На покой удалюсь, — ответил он запоздало. — Я сделал недавно открытие.

— Какое?

— Что играл перед пустым залом. Но успокоительно зато теперь думать, что никто не вспомнит, как ты переврал слова роли или пропустил свой выход. Стольким ведь из нас приходится терпеливо дожидаться, пока перемрут былые наши зрители. А я — пройдет семестр-другой, и кто в Карне вспомнит, как бездарно распорядился я своей жизнью? Но, по тщеславию своему, я лишь недавно понял это. — И, опустив бокал на стол перед собой, он неожиданно улыбнулся Эльсе Бримли. — Вот о каком покое говорю я. Исчезнуть из всякой памяти, кроме своей собственной, доживать мирским монахом, благополучно всеми позабытым.

Смайли подлил ему вина.

— Мисс Бримли хорошо знала вашего брата Адриана. Во время войны мы все работали в одном отделе, — сказал Смайли. — Она некоторое время была у Адриана секретаршей. Верно, Брим?

— Дстойные уходят, а недостойные удручающе долговечны, — изрек Филдинг. — Прямой конфуз для самих же недостойных. — Он вздохнул легоньким сытым вздохом. — Момент истины среди обильных яств! Прозрение на переломе от третьего блюда к десерту. — И все засмеялись. Затем помолчали. Смайли поставил свой бокал и сказал:

— Та история, что вы мне рассказали во вторник, когда я был у вас...

— Ну-с? — буркнул Филдинг.

— Насчет того, что вы за Тима Перкинса дописали... вынули его работу из портфеля и вписали...

— Да-с?

— Это неправда. — Филдинг и бровью не повел, точно речь шла о погоде. — По заключению экспертов, это не так. Все написано одной рукой... рукой Перкинса. Если кто и дописывал, то сам мальчик.

Последовало длинное молчание. Филдинг пожал плечами.

— Помилуйте, дорогой мой, разве можно принимать их заключения на веру? Эти люди ведь полнейшие кретины.

— Разумеется, это может ничего такого и не означать. То есть вы могли ведь солгать ради мальчика, в защиту его чести, так сказать. Верна ли будет эта трактовка?

— Я сказал вам правду, — отрезал Филдинг. — Трактуйте, как желаете.

— То есть я могу представить себе ситуацию, когда имел бы место сговор — мальчик принес вам работы, вас тронуло его отчаяние, и, поддавшись порыву, вы открыли портфель, достали работу и подсказали ему, что вписать.

— Послушайте, — сказал Филдинг рассерженно, — зачем вы вмешиваетесь? Какое вам до этого дело?

— Я помочь пытаюсь, Филдинг, — ответил Смайли с внезапным жаром. — Прошу вас верить, что я пытаюсь помочь. В память Адриана. Я не хочу... ненужной боли и горя сверх неизбежного. Хочу прояснить обстановку до прихода Ригби. Вы знаете ведь, что они сняли с Джейни обвинение. Теперь подозревают Роуда, но его, однако, не арестовали. Воздержались от ареста. Ограничились взятием у него дополнительных показаний. Итак, вы видите, какое громадное значение приобретает портфель. Все зависит от одного: кто же в действительности открывал портфель? Неужели вам не ясно? Если это все-таки сам Перкинс дописывал работу, если не вы, а один он открывал портфель, то следствие потребует ответа на очень важный вопрос: как узнали вы о том, что содержалось внутри портфеля?

— Что вы хотите сказать?

— Они ведь вовсе не кретины. Давайте на момент зайдем с другого конца. Предположим, это вы убили Стеллу Роуд, предположим, что у вас была на то причина, страшно веская причина, и что следствие эту причину знает; предположим, что вы» отдав тогда Роуду портфель, тут же кинулись в обгон Роуда — на велосипеде, скажем, — по словам Джейни, дьявола ветер мчал. Если так, то вещей, обнаруженных вами в портфеле, там вовсе и не было. Присутствие их там — ваш вымысел. Когда же позднее стали известны оценки и вы поняли, что Перкинс сплутовал, тогда выдогадались, что он открывал портфель и видел, что там ничего нет, ничего, кроме работ. И это объяснило бы, почему вам пришлось убить мальчика. — Он сделал паузу, взглянул на Филдинга. — И пожалуй, — прибавил он почти с сожалением, — объяснение это звучит убедительней вашего, так ведь?

— А смею ли узнать ту, упомянутую вами причину?

— Возможно, Стелла вас шантажировала. Ей определенно было известно о вашей судимости — о том случае во время войны. Она жила тогда на Севере, отец ее был там судьей, не так ли? Как я понимаю, полиция подняла судебный архив. Именно отец ее и слушал ваше дело. Стелла знала, что вы не обеспечены и нуждаетесь в новой работе, и впиалась в вас на мертво. По-видимому, Д'Арси знал о шантаже Стеллы. Она ему сказала. Она ничем не рисковала — о судимости вашей он и так знал с самого начала и ни за что не захотел бы допустить огласки в печати. Стелла понимала это, знала, с кем имеет дело. Вы и сами сказали Д'Арси — не так ли, Филдинг? Я склонен думать, что сказали. Когда она открылась вам, стала насмехаться и потешаться, вы пошли к Д'Арси и рассказали ему. Он ответил — ну, что он ответил? — посоветовал, возможно, выяснить у нее, чего она от вас хочет. Но она не хотела ничего. Во всяком случае, не денег. Ей было нужно нечто более приятное и лестное для ее извращенной душонки — она хотела над вами властвовать. Она обожала тайну,

конспирацию, назначала вам свидания черт знает где — в лесу, в заброшенных церквях, и непременно ночью. И хотела одного — полного подчинения вашей воли, посвящала вас в свои бредовые интриги, заставляла выслушивать похвальбу, заставляла вас юлить, низкопоклонничать, а затем отпускала до следующего раза. — Он опять поднял глаза на Филдинга. — Таков и может быть ход мыслей следствия. Поэтому нам и необходимо прояснить, кто же открывал портфель. И кто дописывал работу.

И Эльса, и Филдинг глядели теперь на Смайли — она в ужасе, а Филдинг недвижно, бесстрастно.

— Если таков ход их мыслей, — проговорил наконец Филдинг, — то как, по их мнению, мог я знать, что Роуд в тот вечер забудет портфель и вернется за ним?

— Ну, да ведь им известно, что Стелла назначила свидание, ждала вас в тот вечер, после ужина у вас, — сказал Смайли небрежно, словно упоминая о скучной детали, — она, кажется, любила такие хитросплетения.

— Назначила? Откуда это известно?

— Роуд показал, — продолжал Смайли, — что, когда прощались с вами, портфель был у Стеллы — она его в руке держала. А когда пришли домой, портфеля у нее не оказалось; она вспылила, накинулась на мужа. Заставила его вернуться за портфелем. Вывод отсюда вам ясен?

— Кристально, — отозвался Филдинг.

И Смайли услышал, как Эльса прошептала в ужасе: «Джордж!»

— Иными словами, когда Стелла, теща свою злобную на туру, придумала трюк с портфелем, вам увиделся удобный случай убить ее, а вину свалить на мифического бродягу, а не удастся на бродягу, тогда на Роуда — вы подготовили и вторую линию обороны. Предположим, что вы еще до этого замыслили убийство. Задумали скорей всего нагрянуть туда в один из вечеров, когда у Роуда допоздна занятия. Приготовили сапоги, плащ, даже кабель похитили у Роуда из кабинета — все это чтобы навести полицию на ложный след. Но вот Перкинс принес портфель, и какая вам открылась редкая возможность! Стелла требует свидания — вы уговариваетесь, что она оставит портфель для этой цели... Боюсь, что именно таков ход мыслей следствия. Притом они ведь знают, что убил не Роуд.

— Откуда знают? Как могут они это знать? Он же не может доказать свое алиби.

Смайли, казалось, не слышал. Он глядел на бархатные тяжелые шторы окна, беспокойно кольшущиеся.

— Что там? Что вы там увидели? — встрепенулся Филдинг, но Смайли не отвечал.

— Знаете, Филдинг, — сказал он наконец, — людская сущность неясна для нас, темна постоянно, тут не выведешь истины, ф о р м у л ы , которая подошла бы к каждому из нас. Ведь среди нас есть и никакие — поразительно текучие, переменчивые, как хамелеоны. Я где-то читал о поэте, который купался в студеном родниках, чтобы контрастом, холодом пробудить самоощущение, подтвердить себе свое существование. Можно бы сказать, что такой пасынок мироздания должен подставлять себя палящему солнцу, чтобы увидеть свою тень и ощутить, что жив.

Филдинг нетерпеливо отмахнулся.

— Откуда вам известно, что не Роуд виновен?

— Люди этого склада — а и такие водятся, Филдинг, — знаете, в чем их секрет? Они в душе не ощущают ничего — ни радости, ни боли, ни любви, ни ненависти, и своего бесчувствия они стыдятся и страшатся. И от стыда, от этого стыда, Филдинг, бросаются в причуды, в красочные крайности, словно в ледяную воду.

Надо же им как-то ощутить себя, без этого они — ничто. Мир видит в них позеров, сумасбродов, лжецов или, если угодно, сладострастников. А на деле они — живые мертвецы.

— Откуда вам известно, что не Роуд? Откуда? — крикнул Филдинг с гневом в голосе, и Смайли ответил:

— Я скажу вам.

— Если это Роуд убил, то он давно уже спланировал все. Плащ, сапоги, сложный временной расчет, Перкинс и портфель — свидетельства того, что все обдуманно задолго до убийства. Конечно, можно бы спросить: если так, то зачем вообще ему было участие Перкинса, почему бы не носить весь день портфель с собой! Но это пусть. Давайте проследим за его действиями. Из гостей он отправляется домой вместе с женой, умышленно забыв портфель. Проводив жену домой, он приходит опять к вам за портфелем. Кстати, оставлять у вас портфель было делом рискованным, (Не говорю уже о том, что естественно было бы Роуду в таком случае хоть запереть этот портфель.) Жена ведь могла бы заметить, уходя, что Роуд не взял портфеля, или вы могли бы напомнить, или мисс Трубоди, но, к счастью для Роуда, никто не заметил. Итак, берет портфель, поспешно возвращается домой, убивает жену, действуя в качестве неизвестного бродяги. Вложив плащ, сапоги и перчатки, увязав посылку, заметя следы, выходит из дому. Воз можно, замечает с тревогой Юродивую Джейни, но все же, выйдя на дорогу, уже в качестве Стэнли Роуда затем возвращается в дом. А пятью минутами позднее он уже в доме у Д'Арси. С этого момента он в течение двух суток находится под непрерывным надзором. Вы, возможно, Филдинг, этого не знали, но полиция нашла оружие убийства — в придорожном кювете, в четырех милях от Северных полей. Нашла по проществу всего лишь десяти часов, задолго до того, как Роуду могла бы представиться возможность закинуть кабель в тот кювет.

И вот в чем тонкость, Филдинг, загвоздка непреодолимая. Оружие-то, думаю, могло бы оказаться и подложным. Роуд мог бы набрать волос у жены с гребня, прилепить их к кабелю, смочив человеческой кровью, и подбросить в кювет еще до совершения убийства. Но кровь он мог взять только свою, а у него группа крови другая. Кровь же на кабеле — той же группы, что у Стеллы. Так что это отпадает. Есть и поконкретней указание, касающееся посылки. Ригби вчера опросил мисс Трубоди. В день убийства, в среду утром, она, оказываясь, звонила Стелле Роуд по телефону. По вашей просьбе позвонила, Филдинг, и передала, что утром в четверг ученик доставит на Северные поля кое-какую старую одежду и, пожалуйста, пусть Стелла не запечатывает до тех пор посылку... Чем пригрозила Стелла вам, Филдинг? Что пошлет в школу, где вы будете работать, анонимное письмо?

Затем Смайли, коснувшись руки Филдинга, проговорил: — А теперь идите, бога ради, идите. Времени очень мало. Уходите — ради Адриана.

И Эльса Бримли прошептала что-то невнятное.

Филдинг словно не слышал. Сидел, откинув назад величавую голову, полузакрыв глаза, не выпуская все еще бокал из толстых пальцев.

И звонок в передней прозвучал, как женский вопль в пустом доме.

Смайли не смог бы сказать, что это грохнуло ему в уши — не то Филдинг, вскакивая, ударил руками об стол, не то с таким шумом упал опрокинутый им стул. А возможно, и не в уши вовсе, а в глаза ударила резкость, полная внезапность движения, когда Филдинг, за миг перед тем оцепенело сидевший, вдруг метнулся прочь. Но Ригби схватил его за правую руку и сделал с этой рукой что-то, вынуждая вскрикнувшего от боли и страха Филдинга повернуться всем корпусом снова к столу. Затем Ригби произнес обычные слова, и полный ужаса взгляд Филдинга упал на Смайли.

— Ради бога, остановите его, Смайли, не велите ему! Они меня повесят. Повесят. Повесят!.. — кричал он опять и опять это слово, пока вошедшие с улицы детективы не вывели его и не втолкнули бесцеремонно в автомобиль.

Смайли глядел, как машина отъезжает по мокрой мостовой, едетне спеша, выбирая, где нет

луж. Вот скрылась из виду. Долго еще стоял он, глядя вслед, и прохожие удивленно смотрели на него или туда же, куда он, в даль дороги. Но ничего там не было. Лишь тускло освещенная улица и движущиеся по ней тени.